

Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение
высшего образования
«Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

На правах рукописи

Челнокова Мария Леонидовна

ОБРАЗЫ РОССИЙСКОЙ НЕСИСТЕМНОЙ
ОППОЗИЦИИ В ПРОСТРАНСТВЕ РУНЕТА:
СПЕЦИФИКА И ТЕХНОЛОГИИ
КОНСТРУИРОВАНИЯ

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель

Селезнев Павел Сергеевич,
доктор политических наук, доцент

Москва – 2025

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1 Несистемная оппозиция как политическое явление: теоретико-методологический анализ	23
1.1 Подходы к изучению оппозиции в политической науке	23
1.2 Несистемная оппозиция как объект политологического исследования	40
1.3 Образ несистемной оппозиции в интернете: концептуальная модель исследования	58
Глава 2 Специфика образов российской несистемной оппозиции в социальных медиа Рунета: содержательное измерение	80
2.1 Образ либеральной несистемной оппозиции в Рунете.....	82
2.2 Образ левой несистемной оппозиции в Рунете	98
2.3 Образ националистической несистемной оппозиции в Рунете.....	112
Глава 3 Особенности конструирования образов российской несистемной оппозиции в социальных медиа Рунета.....	128
3.1 Основные технологии конструирования образов несистемной оппозиции в Рунете.....	128
3.2 Цифровые технологии протестной мобилизации в деятельности российской несистемной оппозиции	142
3.3 Инструменты государственного противодействия радикализации несистемной оппозиции в интернет-пространстве.....	159
Заключение.....	173
Список литературы.....	180
Приложение А Экспертный опрос «Специфика деятельности российской несистемной оппозиции и ее образ в социальных медиа Рунета».....	202

Приложение Б Пример семантического ядра поискового запроса для автоматизированного мониторинга социальных медиа по теме «Российская несистемная оппозиция».....	204
Приложение В Характеристики информационных потоков, генерируемых несистемной оппозицией в социальных медиа Рунета.....	205
Приложение Г Визуальные репрезентации технологий деятельности несистемной оппозиции в социальных медиа Рунета.....	208

Введение

Актуальность темы исследования связана с той значимой ролью, которую несистемная оппозиция играет в политическом процессе современной России.

Во-первых, очевидно, что несистемные акторы российской политики, их деятельность, оказывают серьезное влияние на трансформацию политической системы Российской Федерации, её институциональную устойчивость и функциональную адаптивность. Поэтому выстраивание диалога между властью и представителями политической оппозиции не должно ограничиваться только системным полем. Так, Президент Российской Федерации В.В. Путин, характеризуя свое отношение к несистемным силам и констатируя их востребованность, отметил: «они реально влияют на конкретную жизнь, особенно на уровне муниципалитетов, крупных городов и так далее ... И это очень хорошо» [158]. Но при этом он подчеркнул, что «рядовой гражданин хочет видеть не только то, как ругают власть, а он хочет слышать и понять, а что же предлагают те, кто её критикует» [157].

Во-вторых, политические и социально-экономические изменения конца 2010-х – начала 2020-х годов привели к тому, что несистемная оппозиция, пользуясь не вполне удачными политическими инициативами власти, отсутствием роста благосостояния значительного числа российских граждан и общим депрессивным социальным фоном в условиях пандемии COVID-19, получила возможность нарастить собственный политический потенциал, привлечь на свою сторону некоторую часть российского общества [152; 160].

В-третьих, широкие возможности для несистемной оппозиции открывает стремительное распространение интернет-технологий, новая коммуникативная среда, в которую в большей или меньшей степени вовлечены все участники российского политического процесса. При этом государство не обладает монополией на информационную повестку дня в пространстве социальных

медиа; его инструментальные возможности в области административного давления на оппозицию в виртуальном пространстве также не представляются всеобъемлющими.

В-четвертых, важно зафиксировать тот факт, что на сегодняшний день именно интернет (причем, как интернет-СМИ, так и социальные медиа) становится ведущим источником информации для российского общества [24; 25; 129]. И даже принимая во внимание то, что политическая повестка не является доминирующей в структуре интернет-контента, потребляемого россиянами, важность Рунета как многомерного и полицентричного политического пространства (в том числе, сферы кристаллизации разнообразных оппозиционных настроений и политической мобилизации), безусловно, возрастает [25; 36].

В-пятых, необходимо подчеркнуть, что многие технологии, активно используемые российской несистемной оппозицией для конструирования собственного образа и мобилизации сторонников в 2018-2021 гг., получили развитие на современном этапе, массированно и агрессивно применяются в условиях жесткого геополитического конфликта России с «коллективным Западом» в целях дестабилизации внутривнутриполитической ситуации в нашей стране. Необходимо отметить, что несистемная оппозиция сегодня продолжает делать акцент именно на цифровое пространство, конструирование собственного образа в онлайн-среде на основе «негативной идентичности» и в сочетании с попытками тотальной дискредитации действующей российской власти. Таким образом, в текущих условиях роста геополитической напряженности именно интернет-технологии стали основным инструментом самопрезентации российской несистемной оппозиции.

Несистемная оппозиция, оказавшись вне пределов либо на периферии институционализированного (легального) политического поля современной России, сохраняет влияние на политические процессы в цифровой среде Рунета. Она обладает существенным латентным потенциалом воздействия на массовое сознание, который может быть использован в том числе, и в целях

дестабилизации российской политической системы. Указанный потенциал напрямую сопряжен с содержанием образа несистемной оппозиции в интернет-пространстве и технологиями, используемыми для его конструирования. В то же время исследования, посвященные несистемной оппозиции (за исключением осмысления генезиса и форм цифрового протеста), продолжают сохранять лакунарный характер, ограничиваются генерализованным описанием текущей ситуации и анализом отдельных кейсов. Это требует дальнейшей научной проработки комплекса вопросов, связанных со спецификой и технологиями формирования образов несистемной оппозиции, кристаллизующихся в многомерном и сегментированном пространстве Рунета.

Степень разработанности темы исследования. Проблематика несистемной оппозиции – её структура, особенности формирования. Функциональные возможности и деятельность в интернет-пространстве – получила освещение в научной литературе. В то же время существенно более массивным и фундаментальным по своему содержанию является широкий пласт политических исследований, посвященных феномену оппозиции как таковому. Представляется, что указанные работы могут быть объединены в пять взаимосвязанных направлений.

Первое направление, которое представляет несомненный интерес – это широкий спектр теоретических исследований, авторы которых пытались осмыслить генезис и наиболее важные сущностные черты оппозиции как сложного политического института, её роль в трансформации политических систем различных типов, включая многосоставные общества и переходные социально-политические модели. В указанном контексте необходимо упомянуть работы Г. Алмонда, Ж. Блонделя, Э. Гидденса, Р. Даля, Г. О’Доннела, А. Лейпхарта, Х. Линца, Дж. Сартори, А. Степана, А. де Токвиля и др. Также следует отметить ряд исследований российских ученых, в которых анализируются фундаментальные – структурные и социо-исторические – аспекты институционализации отношений между властью и оппозиционными

актерами политического процесса (А.Р. Курбанов, Я.А. Пляйс, А.И. Соловьев, Л.Н. Тимофеева и др.).

Второе направление связано с исследованием феномена несистемности в политике и концептуальным анализом практик деятельности несистемной оппозиции в постсоветской России. С этой точки зрения особого внимания заслуживают труды А.В. Борисенко, В.Я. Гельмана, Т.Е. Граевой, Д.И. Давыденко, Б.Ю. Кагарлицкого, В.С. Кондратьева, Н.П. Медведева, В.А. Проничева, С.А. Сергеева, М.О. Чернокозовой и ряда других ученых.

Третье направление – изучение роли коммуникативного фактора и социальных сетей в политике в целом и, в том числе, в деятельности российской несистемной оппозиции. В первом ракурсе – фундаментальном осмыслении коммуникативной составляющей социально-политической трансформации – необходимо обратиться к работам М. Кастельса, Ф. Кэйнкросса, Ю. Хабермаса, П. Ховарда и др. Проблеме социальных сетей и сетевых структур в политике посвящены исследования Дж. Блом-Хансена, М. Гроссмэна, Д. Мика, И.В. Мирошниченко, В. Молнара, Л.В. Сморгунова и др. Роль коммуникативной составляющей в политической динамике современной российской власти и оппозиции предметно рассмотрена в работах А.С. Ахременко, С.В. Володенкова, И.М. Дзялошинского, О.М. Михайленка, Н.П. Пименова, Д.К. Стукала, А.В. Тощевой, С.А. Шомовой, О.Г. Щениной и некоторых других исследователей.

Четвертое направление, не акцентирующее внимания исключительно на феномене несистемной оппозиции, ориентировано на изучение закономерностей и последствий трансформации социально-политических практик (и более широко – политической реальности) под воздействием новых цифровых технологий. В его рамках на первый план выходят вопросы симулятивной политической реальности, цифрового гражданства и виртуальной самоидентификации, выработки новых механизмов политической мобилизации, совершенствования инструментария политической борьбы в условиях слабо структурированной и конкурентной виртуальной

среды. Указанным вопросам посвящено значительное число публикаций как зарубежных (М. Кастельс, Л. Килтц, Л. Ливроу, В. Молнар), так и отечественных ученых (Е.В. Бродовская, С.В. Володенков, М.Н. Грачев, А.Ю. Домбровская, Т.В. Евгеньева, В.В. Кафтан, А.В. Манойло, Р.В. Парма, А.В. Соколов, С.А. Шомова и др.).

Пятое направление, тесно связанное с пониманием генетических и функциональных черт российской несистемной оппозиции, особенностей её репрезентации в пространстве Рунета, – это изучение специфики современного российского политического протеста в его виртуальной и физической формах. Наибольшую важность в данном случае представляют работы Е.В. Бродовской, А.Ю. Домбровской, А.В. Манойло, Н.А. Пономарева, С.Н. Федорченко и др.

Отдельного внимания также заслуживают две группы смежных исследований. Первая из них – это конфликтологический (К. Боулдинг, Р. Дарендорф, Л. Козер и др.) и структурно-функциональный (Р. Мертон, Т. Парсонс и др.) анализ акторов современной политики, что важно и для понимания комплексной природы несистемной оппозиции, и для оценки потенциала её взаимодействия с иными субъектами российского политического процесса.

Вторая группа исследований посвящена особенностям социальных и политических образов, проблемам их эволюции, содержательного и структурного анализа (И.И. Глебова, А.Н. Леонтьев, С.В. Нестерова, Т.Н. Пищева, И.В. Самаркина, С.Д. Смирнов, В.В. Столин, Е.Б. Шестопа). Указанный политико-психологический вектор представляется особенно важным в русле выработки теоретических оснований и методологических ракурсов изучения образов российской несистемной оппозиции, формирующихся в турбулентном информационно-психологическом пространстве Рунета.

Цель исследования состоит в выявлении специфики образов несистемной оппозиции в социальных медиа Рунета и технологий их

конструирования, представляющих интерес с точки зрения оптимизации инструментов купирования рисков политического протеста в цифровой среде.

Достижение поставленной цели исследования предполагает решение следующего спектра взаимосвязанных научных **задач**:

- 1) проанализировать основные подходы к пониманию оппозиции, сложившиеся в российской и зарубежной политической науке;
- 2) раскрыть содержание понятия «несистемная оппозиция» и сформулировать его авторское определение;
- 3) на основе структурной операционализации понятия «политический образ» предложить концептуальную модель изучения образа российской несистемной оппозиции;
- 4) выявить особенности и ключевые содержательные компоненты образа либеральной несистемной оппозиции в пространстве социальных медиа Рунета;
- 5) детализировать особенности и ключевые содержательные компоненты образа левой несистемной оппозиции в социальных медиа Рунета;
- 6) раскрыть особенности и ключевые содержательные компоненты образа правой (националистической) несистемной оппозиции в пространстве социальных медиа Рунета;
- 7) охарактеризовать основные политические технологии, используемые различными акторами несистемной оппозиции и их сторонниками для конструирования собственного образа в интернет-пространстве;
- 8) проанализировать технологии политического протеста, используемые различными акторами несистемной оппозиции, их влияние на её образ в целом;
- 9) выявить основные направления и ключевые цифровые технологии, которые могут быть использованы властью для противодействия распространению влияния несистемной оппозиции.

Объект исследования – формирование образов российской несистемной оппозиции в Рунете на материалах социальных медиа.

Предмет исследования – основные содержательные особенности и технологические основания конструирования сегментарных образов

российской несистемной оппозиции в социальных медиа Рунета на рубеже 2010-х-2020-х годов.

Область исследования соответствует п. 3. «Политическая власть: природа, сущность и функции, легитимность. Властный процесс и политические институты»; п. 4. «Механизмы и технологии традиционной и цифровой политики: формы и уровни организации»; п. 5. «Политическое поведение и участие: артикуляция, агрегирование интересов, формы мобилизации»; п. 14. «Политический процесс: сущность, источники, структура, социальные основания и средовые факторы»; п. 29. «Информационные процессы и управление политическими коммуникациями: традиционные СМИ, социальные медиа и сети»; п. 30. «Политические технологии и специфика их применения»; п. 32. «Политические риски: модели и технологии управления» Паспорта научной специальности 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки).

Теоретические основы исследования. Теоретические основания исследования были выстроены с опорой на следующие компоненты:

1) Теории и концептуальные политологические разработки в области исследований оппозиции и политического протеста, в том числе, осуществляемого в виртуальной среде, с учетом присущей её неустойчивости и тенденции фрагментации онлайн-пространства (представленные в исследованиях А.С. Ахременко, Р. Даля, Т.В. Евгеньевой, Р.В. Пармы, Л.Н. Тимофеевой).

2) Современные теории массовой коммуникации и цифровой трансформации политических практик в условиях формирования новой информационной реальности (концепции Г.Ю. Никипорец-Такигава, Н.П. Пименова, А.В. Тощевой и иных исследователей). Фокусирование на указанных теоретических разработках позволяет рассматривать конструирование образа несистемной оппозиции в социальных медиа как сложный композиционный процесс, который представляет собой не прямое вертикальное воздействие несистемных акторов на целевые интернет-

аудитории, а множество диагональных и горизонтальных взаимодействий. В этой связи, заметим, что речь не идёт о исключительно целенаправленном, стратегически выверенном влиянии ключевых «игроков» несистемной оппозиции на интернет-пользователей (то есть, проектировании и создании строго определенного имиджа), а именно об образах как продуктах взаимного влияния разнородных политических акторов и их аудиторий.

3) Социально - и политико-психологические теории восприятия и образа, в которых последний понимается как сложноорганизованная открытая система, сочетающая в себе когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты (сформулированные в исследованиях А.Н. Леонтьева, Е.Б. Шестопаля, Н.В. Смутькиной, Н.Б. Боковой). Указанная триада компонентов стала базовой методологической рамкой исследования и модифицирована в ходе проведенного теоретического анализа (путем выделения символического и лидерского профилей в образах несистемной оппозиции).

Сочетание указанных теоретических оснований позволило сформировать комплексный теоретико-методологический фундамент проводимого исследования.

Методология и методы исследования. *Методологические основания исследования выработаны на основе сочетания трех базовых подходов – коммуникативного, когнитивного и сетевого.* В рамках первого подхода оппозиция рассматривается в динамическом ракурсе, с учетом цифровой трансформации информационной среды развития политического процесса. Последнее предполагает, с одной стороны, оценку влияния коммуникативного фактора на практики конструирования образов оппозиции, с другой – акцент на специфику политического восприятия, присущую активным пользователям Интернета, погруженным в несистемную политическую повестку.

Сетевой подход позволяет изучить несистемное оппозиционное поле как полицентричный конгломерат политических акторов и связанных с ними групп интернет-пользователей – как относительно автономных по отношению к друг другу и коммуницирующих лишь опосредованно, так и системно

взаимодействующих в процессе выработки и ретрансляции базовых политических установок и моделей протестного и деструктивного политического поведения. При этом известным ограничением сетевого подхода является то, что речь часто идёт не о подчеркнуто вертикальном взаимодействии равновесных (с точки зрения репутационного влияния, иных ресурсов, технологических возможностей) социальных и политических субъектов, а о выстраивании диагональных и даже квази-вертикальных коммуникативных схем, в которых разнообразные интернет-сообщества, их участники, становятся объектами фактического манипулирования со стороны наиболее крупных оппозиционных интернет-медиа.

Когнитивный подход подразумевает интерпретацию политического образа как феномена массового сознания, на который оказывают влияние различные психические предубеждения восприятия, мышления, познания, а также объяснения политической действительности. Ключевую роль при этом играют процессы представления, хранения, реинтерпретации информации, а также производства новых политических интенций (независимо от степени их достоверности).

Ведущее место в рамках проводимого научного исследования заняли такие *методики, как:*

1) Автоматизированный сбор и обработка больших данных с помощью системы мониторинга социальных медиа «Медиалогия», что позволило выявить базовые тенденции конструирования образов либерального, левого и правого (националистического) сегментов российской несистемной оппозиции интернет-среде.

В рамках использования данного метода диссертант модифицировал схему, разработанную аналитиками Центра прикладных социально-политических исследований и проектов (далее – ПРИСП) для мониторинга онлайн-активности несистемной оппозиции в 2016-2017 гг. Модификация заключалась в адаптации семантического ядра поисковых запросов с учетом задач исследования, а также событийно-динамической трансформацией

оппозиционного поля: «отсеивании» устаревших семантических единиц и включении новых, связанных с актуальной повесткой несистемной оппозиции на рубеже 2010-х-2020-х годов.

2) Дистантный экспертный опрос (неформализованное интервью, содержащее 14 открытых вопросов) «Специфика деятельности российской несистемной оппозиции и её образ в социальных медиа Рунета», позволивший выявить основные тенденции и технологии конструирования образов несистемной оппозиции в социальных сетях Рунета;

3) Вторичный анализ информации, представленной в докладах, посвященных проблеме деятельности оппозиции в современной России и ключевым тенденциям развития российского цифрового пространства.

Ключевыми инструментами прикладного исследования явились система автоматизированного мониторинга «Медиалогия», ее функциональные возможности, связанные с анализом интернет-пространства (опциональный блок «Соцмедиа»), а также специализированный сервис TGstat.ru в целях изучения активности несистемной оппозиции на платформе Telegram.

Эмпирическую базу исследования составляют следующие основные блоки:

1) Результаты экспертного опроса «Специфика деятельности российской несистемной оппозиции и её образ в социальных медиа Рунета» (8 апреля – 14 мая 2021 г.), в котором приняли участие 58 экспертов, представляющих различные профессиональные корпорации – ученые-исследователи (27 человек), журналисты (12 человек), общественные деятели в сфере «третьего сектора» (некоммерческих организаций, 19 человек), деятельность которых соприкасается с несистемными оппозиционными силами. Отбор экспертов осуществлялся согласно репутационному подходу на основе индекса публикационной активности по релевантной научной тематике и активности в социальных медиа (для журналистов и представителей некоммерческих структур) в сочетании с методом «снежного кома». Опрос в рамках формализованного интервью содержал 14 открытых вопросов,

касающихся, прежде всего, современного состояния несистемного сегмента российской оппозиции, её лидерского потенциала, текущей и перспективной тактики политической борьбы, а также использования традиционных и новых цифровых технологий противодействия власти. С полным текстом анкеты экспертного опроса можно ознакомиться в приложении А. Обобщение результатов данного опроса позволило диагностировать ключевые тенденции саморепрезентации и технологического продвижения различных несистемных акторов в интернет-пространстве.

2) Массив киберметрических данных, полученных посредством системы мониторинга социальных медиа «Медиалогия». Указанный массив был получен в рамках двух этапов мониторинга. Первый этап был проведен 18-23 декабря 2020 г. Собрано 156192 оригинальных сообщения пользователей в социальных медиа Рунета. Второй этап проведен 15-21 февраля 2021 г. Собрано 102784 оригинальных сообщения пользователей. Указанное распределение позволило ориентироваться, главным образом, именно на эти три популярные социальные медиа Рунета в рамках исследования. Пример семантического ядра поискового запроса, посвященного специфике деятельности российской несистемной оппозиции в социальных медиа Рунета, представлен в приложении Б.

3) Эмпирические данные и выводы, полученные в ходе реализации исследовательских проектов, социологических опросов, посвященных развитию Интернета и деятельности несистемной оппозиции, представленные публично, в 2010-х – 2020-х годах. К таким проектам, в частности, относятся:

– аналитический доклад «Новая протестная волна: мифы и реальность» (декабрь 2012 года), подготовленный Фондом развития гражданского общества на основе экспертного опроса и ориентированный на выявление мотивации участников протестных действий в рамках протестов 2011-2012 гг. Результаты и тенденции, представленные в указанном докладе, использовались в сравнительном ракурсе – для детализации трансформационных особенностей протестной активности в 2018-2021 гг.;

– аналитические доклады «Тенденции развития интернета в России» (2018 г.) и «Тенденции развития интернета в России и зарубежных странах» (2020 г.), подготовленные НИУ «Высшая школа экономики» и Координационным центром национального домена сети Интернет. Доклады составлены на основе статистической информации, предоставленной Росстатом, и данных Минкомсвязи, Минобрнауки, Минздрава, Евростата, Международного союза электросвязи и ряда других российских и межгосударственных структур;

– доклад Агентства политических и экономических коммуникаций «Протест-2021: структура, базовые тренды, прогноз. Рейтинг влияния деятельности корпораций на эскалацию протестных настроений» (2021 г.), в котором фиксируются основные тенденции реструктуризации массового протеста в России.

Доклад подготовлен на основе дистантного опроса федеральных и региональных экспертов в сочетании с интерпретацией количественных данных, предоставляемых Всероссийским центром изучения общественного мнения (далее – ВЦИОМ).

Научная новизна исследования состоит в следующем:

1) Расширена система представлений об образе коллективного политического актора как объекте научно-политического анализа: его классическая для политической психологии трехкомпонентная композиция, предполагающей выделение когнитивного, аффективного и поведенческого элементов, была дополнена лидерским и символическим профилями.

2) Доказано, что в рамках исследуемого периода целостный образ несистемной оппозиции в социальных медиа Рунета отсутствовал. Это отчасти было компенсировано наличием конгломерата разнородных политических представлений, структурированных в виде аморфных и слабо взаимосвязанных между собой сегментарных образов групп либеральной, левой и националистической оппозиции. Для всех указанных образов характерны такие свойства, как доминирование аффективной составляющей над

когнитивной, а также относительно невысокий уровень репрезентации поведенческого компонента.

3) Установлено, что основные технологии, используемые представителями несистемной оппозиции в социальных медиа Рунета с целью конструирования собственных образов, базируются на механизмах «негативной самоидентификации» через последовательную эскалацию конфликта с действующей властью, попытках морализации протеста и гуманизации («очеловечивания») оппозиционных лидеров.

4) Выявлены различия темпоральных векторов конструирования сегментарных образов российской несистемной оппозиции. Для либерального сегмента оппозиции характерны периодические попытки конструирования собственного, весьма аморфного образа «России будущего». Националисты, напротив, активно обращаются к представлениям о «сакральном прошлом». Специфика продвижения левой несистемной оппозиции в пространстве Рунета достаточно синкретична: их легитимация основывается на использовании образов как будущего, так и, в существенно большей мере, советского прошлого.

5) Зафиксировано, что наиболее перспективными инструментами, с помощью которых власть может противодействовать несистемной оппозиции в цифровом пространстве, выступают асимметричные политические технологии – «переформатирующие» и когнитивно-поведенческие.

Положения, выносимые на защиту:

1) Несистемная оппозиция представляет собой один из ключевых акторов политического процесса в переходных обществах и может быть определена как внутренне неоднородный сегмент политического пространства, находящийся вне либо на периферии правового поля, как правило, не участвующий в электоральных процессах (или ограничивающийся эпизодическим участием в них) и выступающий как за изменение политического курса, проводимого действующей властью, так и за кардинальные институциональные

трансформации сложившейся властной конфигурации и политической системы в целом (С. 48).

2) Образ либеральной оппозиции в социальных медиа Рунета характеризуется наибольшей аффективной насыщенностью и агрессивностью. Центральным когнитивным элементом образа либеральной оппозиции является последовательная борьба с коррупцией через серию «разоблачений» представителей действующей власти, что также обусловило его эмоциональную выразительность, достигаемую посредством постоянной эскалации конфликта с властью. Характерными чертами данного образа также являются относительная ограниченность – содержательная редуцированность его поведенческого (за исключением «умного голосования») и символического компонентов. Предельно деформированная, аффективно-центричная структура указанного образа связана с неспособностью представителей либеральной оппозиции предложить позитивную политическую повестку, конгруэнтную интересам российского общества или его значимой части, а также осознанным инструментальным акцентом на «негативную» идентичность и гипертрофированную конфликтность (С. 96).

3) Образ левой несистемной оппозиции в социальных медиа Рунета также характеризуется развернутой когнитивной и эмоциональной составляющими. Ключевое место в нём занимают такие смыслы, как социальная справедливость, противопоставление советского опыта и нынешних реалий, антибюрократическая риторика («против чиновников»). Вместе с тем, в данном образе, в отличие от образа «либералов», отсутствует элемент лидерской консолидации: несистемные «левые» в интернет-пространстве представлены группой наиболее ярких фигур, периодически конфликтующих между собой. Показательно, что символический профиль данного образа является предельно ретроспективным – с опорой на наследие СССР, а поведенческий профиль – аморфным, дефицитарным и внутренне противоречивым. Отмечаемые аморфность и внутренняя разбалансированность обусловлены, прежде всего,

крайне слабой консолидацией и не последовательной тактикой поведения левой несистемной оппозиции по отношению к действующей власти (С. 111).

4) Образ правой (националистической) оппозиции в социальных медиа Рунета является наименее ярким и частично лишенным связи с текущей политической динамикой российского общества, актуальными социальными запросами политизированного сегмента интернет-аудитории. В его когнитивной структуре основное место занимают такие смысловые конструкты, как борьба против мигрантов, интеграция Крыма в состав России, а также реминисценции – апелляции к историческому опыту Российской империи. При этом символический профиль образа «правых» характеризуется как редуцированный, и в то же время рельефный (двуглавый орел, черно-желто-белый флаг), а лидерский – отличается полицентричностью. Поведенческий элемент в образе «правых» крайне размыт и фактически сводится к тактике ситуативно обусловленного эпизодического протеста в социальных сетях. Подобная невыразительность образа националистической оппозиции, очевидно, проистекает из отсутствия у неё развернутой и четко артикулированной политической повестки, узкого смыслового поля деятельности и отчетливо реминисцентных ориентаций её акторов (С. 124).

5) Результаты проведенного исследования позволяют говорить о том, что на сегодняшний день в социальных медиа Рунета не сформировался целостный образ несистемной оппозиции как сложносоставного политического субъекта. Вместо него сложился весьма эклектический спектр смыслов, субъективных оценок, эмоций и символов, опосредованно связанных между собой, но не структурированных в единую систему представлений. При этом необходимо отметить, что в сегментарных образах оппозиции – либеральном, левом и националистическом – аффективный компонент отчетливо преобладает над когнитивным и поведенческим (С. 141).

6) Ключевыми технологиями конструирования образа несистемной оппозиции в социальных медиа Рунета являются: «очеловечивание» лидеров

оппозиции и параллельная дегуманизация власти, политические «расследования», направленные против отдельных фигур, сознательное обострение конфликта «власть – оппозиция» через его предельную персонализацию, ситуативная психоэмоциональная самоидентификация с молодежью через сознательное обострение конфликта поколений (С. 152).

7) Наиболее значимыми инструментами властного противодействия радикальной деятельности несистемной оппозиции в социальных медиа Рунета выступают четыре разновидности технологий: объяснительные, имеющие реактивный характер; превентивные, нацеленные на использование приемов упреждающего коммуникативного воздействия на аудиторию; «перереформирующие», в основе которых лежат принципы убеждающей коммуникации и трансформации установок восприятия политической реальности; инклюзивные когнитивно-поведенческие, предполагающие долгосрочное взаимодействие власти с отдельными целевыми аудиториями (С. 168).

Теоретическая значимость работы состоит в следующем:

- предложенная автором концептуальная модель изучения образа несистемной оппозиции может найти применение при анализе образов иных коллективных политических акторов, действующих в интернет-пространстве;
- выявлены основные содержательные особенности когнитивного, аффективного и поведенческого компонентов в структурах сегментарных образов левой, либеральной и националистической несистемной оппозиции в современной России;
- результаты исследования обладают актуальностью с точки зрения дальнейшего научного осмысления особенностей зарождения и трансформации протестных настроений в Рунете, в том числе, симбиотического потенциала социально обусловленного локального протеста.

Практическая значимость работы заключается в следующем:

- предложены базовые технологии, которые могут быть использованы государством в целях сдерживания цифрового влияния несистемной оппозиции

на российский политический процесс, обеспечения социально-политической стабильности и защиты интересов российского общества;

– инструментальные решения, применяемые несистемными акторами для борьбы с действующей властью и мобилизации собственных сторонников в интернет-пространстве, генерируемые ими политические риски, могут быть учтены при разработке стратегических государственных документов в сфере противодействия экстремизму, обеспечения комплексной информационной безопасности Российской Федерации;

– инклюзивные когнитивно-поведенческие технологии (направленные на снижение отрицательного воздействия негативных информационных потоков на массовое сознание) могут использоваться негосударственными структурами, в частности, некоммерческими организациями, для повышения уровня информационной культуры российских подростков и молодежи, быть интегрированы в соответствующие образовательные программы средней и высшей школы. Также результаты настоящего исследования могут быть использованы при организации учебного процесса в Лицее Финансового университета. Отдельные полученные результаты и выводы автора востребованы в рамках преподавания учебного курса «Обществознание».

Степень достоверности, апробация и внедрение результатов исследования. Степень достоверности результатов исследования подтверждается существенным массивом эмпирических данных, используемых автором, корректностью проведенных исследовательских процедур, наличием целостной исследовательской модели, опирающейся на развёрнутый и критически осмысленный теоретико-методологический фундамент. Можно зафиксировать соответствие диссертации таким базовым критериям, как полнота и верифицируемый характер полученных результатов.

Основные положения, результаты и выводы диссертационного исследования были представлены автором в докладах на следующих всероссийских и международных мероприятиях: на XIV Международной студенческой научно-практической конференции «Россия и мир в XXI веке:

политика и экономика в эпоху трансформации мирового порядка» (Москва, РАНХиГС, 16 ноября 2022 г.); на Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) «Политико-экономическая устойчивость Российского государства в эпоху турбулентности» (Москва, Финансовый университет, 24 января 2023 г.); на Международной научно-практической конференции «Форсайт образования: возрождение традиций vs декларируемое новаторство» (Москва, Финансовый университет, 1-3 февраля 2023 г.).

Результаты исследования нашли применение в практической деятельности Федерального агентства по делам Содружества независимых государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничества). В частности, используются разработанные в диссертации технологии противодействия деструктивным информационным потокам, искусственно генерируемым в ряде постсоветских стран и нацеленным на дестабилизацию социально-политической ситуации в российском обществе. По материалам исследования внедрены разработанные в диссертации асимметричные и инклюзивные технологии блокирования внешних негативных импульсов в цифровой среде. Возможность параллельного использования и сочетания указанных технологий обеспечивает необходимую вариативность коммуникативных стратегий Россотрудничества в цифровом поле Рунета, охватывающем большинство постсоветских государств. Выводы и основные положения диссертации используются в практической работе Россотрудничества и способствуют оперативному выявлению и нейтрализации негативных информационных эффектов, обусловленных попытками целенаправленного распространения антироссийского по своему содержанию контента в русскоязычном сегменте интернета.

Апробация и внедрение результатов исследования подтверждены соответствующими документами.

Личный вклад автора. Цели, задачи, концептуальная модель исследования сформулированы лично автором, он принял личное участие в разработке гайда экспертного опроса и его проведении. Результаты работы, свидетельствующие о ее научной новизне и представленные в положениях, выносимых на защиту, получены автором самостоятельно.

Публикации. Основные положения диссертации отражены в 7 публикациях общим объемом 3,47 п.л. (авторский объем – 2,97 п.л.), из которых 6 общим объемом 3,16 п.л. (авторский объем – 2,66 п.л.) в рецензируемых научных изданиях, определенных ВАК при Минобрнауки России.

Структура и объем диссертации обусловлены целью и перечнем научных задач исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы из 172 наименований и 4 приложений. Текст диссертации изложен на 210 страницах, содержит 24 рисунка и 11 таблиц.

Глава 1

Несистемная оппозиция как политическое явление: теоретико-методологический анализ

1.1 Подходы к изучению оппозиции в политической науке

Проблема политической оппозиции, её роль в развитии политических институтов и практик, является одним из актуальных направлений политической науки. Зарождение и распространение понятия «оппозиция» происходит в эпоху Нового времени и напрямую связано с процессами трансформации общественных отношений в западной Европе, поэтапным и конфликтным по своему содержанию переходом от феодально-сословного уклада к капиталистическому. Наиболее ярким свидетельством такого перехода (проявившегося во множестве буржуазных революций и следовавших за ними «реставраций») явилась институционализация оппозиции как одного из существенных элементов политической системы, определяющей, наряду с правящим режимом, логику и динамику социальных процессов и участвующего в выработке ключевых решений в сфере государственного управления. Проблематика взаимодействия власти и политической оппозиции присутствует в трудах Дж. Локка [12], Ш. Монтескьё [15], А. де Токвиля [27] и других мыслителей той эпохи.

В последующем дискурс оппозитологии активно развивается в рамках политической науки. Причем речь идёт как о классическом политическом знании конца XIX – XX столетий, так и о широком комплексе современных исследований, посвященных специфике властных отношений (и соответственно, взаимодействию правящих и оппозиционных политических акторов) в начале XXI века.

Анализируя значение института оппозиции для политических систем современных обществ, их структурной и политико-культурной трансформации,

следует обратиться к существующим в политической науке определениям понятия «оппозиция».

Очевидно, что современная политическая наука, пытаясь внести ясность в трактовку термина «оппозиция», тем не менее, находится в классической смысловой триаде «не-власть – анти-власть – альтернативная власть». Согласно интегративно-субъектному взгляду Т.Е. Граевой, политическая оппозиция – это «совокупность партий и движений, осуществляющих словом и делом критику существующего строя, сложившейся политической системы, установившегося режима. имеющих альтернативную продекларированную власть предрержащими программу развития общества и государства, опирающихся в своей деятельности на принципы и базовые положения, противоположные тем, которые выработаны идеологами господствующего класса» [41, с. 7-8].

А.И. Соловьев придерживается институционального понимания оппозиции, определяя её как «политический институт, имеющий целью выражение интересов и ценностей, не представленных в деятельности правящего режима» [21, с. 241]. С.А. Сергеев говорит о необходимости различать понятие «политическая оппозиция» в узком и широком смыслах, а также активно использует близкий, но не синонимичный термин «политическая оппозиционность» [101]. Он полагает, что «политическая оппозиция в широком смысле слова - политический актер или субъект политики, являющийся обычно организованной политической силой и оказывающий противодействие или сопротивление отдельным аспектам того политического курса, что проводится властью, или же всему курсу, или и курсу, и режиму в целом» [101, с. 131]. В узком смысле слова политическая оппозиция - это политическая партия, коалиция, которая на данный момент является меньшинством, но имеет возможность прийти к власти на следующих выборах. Оппозиционность при этом понимается как сложное и многофакторное психологическое состояние, «комплекс эмоций, установок, ценностей и взглядов, в большей или меньшей степени отрицающих эмоции, установки, ценности и взгляды, предлагаемые и культивируемые властью,

могущий выражаться в тех или иных формах протестного поведения и являющийся субстратом для политической оппозиции» [101, с. 131].

М.О. Чернокозова, также следуя идее сочетания институционального и деятельностного взглядов на феномен оппозиции, определяет оппозиционарность как целенаправленную активность субъектов политики, направленную «на выражение и достижение целей и задач, обусловленных определенным неприятием ими официальной направленности, порядка и уклада социально-политической и экономической жизнедеятельности общества» [33, с. 12].

А.Р. Курбанов считает, что теоретический анализ феномена оппозиции в современной науке может быть описан в рамках двух ключевых парадигм: поведенческой (социологической) и институционального (политологической). Также он отмечает, что политическая наука выработала три «смысловых подхода» к определению феномена политической оппозиции:

– *оппозиция как политический институт*, «понимаемая, с одной стороны, как идеальная модель политических отношений между властными субъектами и субъектами, критикующими их действия или выдвигающими претензии на обладание властью, а с другой - как соответствующий этой модели специфический тип политических отношений»;

– *оппозиция как конгломерат*: множество акторов, участвующих в борьбе за власть и противодействии этой власти в целом;

– *оппозиция как некоторый консолидированный субъект* политического процесса. Однако «в последнем случае можно говорить о множестве оппозиций, поскольку в реальной политической практике крайне редко возникают устойчивые коалиции оппозиционных акторов, которые можно рассматривать как единую политическую силу» [43, с. 11].

Институциональный подход к анализу феномена политической оппозиции является одним из наиболее востребованных и в классической политической науке, и в рамках формирования современного политического знания в начале XXI века. В его основании лежит признание того факта, что

оппозиция проявляет себя в политической системе не просто как совокупность коммуницирующих между собой и с действующей властью акторов, структура связей между участниками политического процесса, претендующими на власть, а выступает фундаментальным и неотъемлемым элементом каждой конкурентной политической системы.

В частности, Р. Даль, изучая особенности политической оппозиции в десяти западных странах, выделяет такие критерии её типологизации, как организационное единство или концентрация оппонентов; уровень конкурентности, самоидентификация (четкая /расплывчатая); основные цели, стратегии, используемые оппозиционными акторами [6]. Развивая концептуальные положения теории полиархии Р. Даля, Ж. Блондель уделил особое внимание факторам культурного, социального и экономического характера, что открыло новые возможности для сравнения различных национальных моделей становления и функционирования институтов оппозиции [118, с. 475-478].

Особого внимания в контексте процессов, протекающих в современной России, заслуживает также *девелопменталистский подход* к выстраиванию теоретико-методологических рамок изучения феномена политической оппозиции. Фундаментальные основания данного подхода были заложены в работах Х. Линца, А. Степана [142], А. Лейпхарта [11], Г. О’Доннела [90]. Его положения представляют особый интерес для трансформирующихся политических систем (находящихся в состоянии демократического транзита – движения к конкурентной политической конфигурации или «отката» демократии) и многосоставных обществ, в которых сложились серьезные сегментарные различия: социокультурные, этноконфессиональные, социально-экономические, ценностно-поведенческие.

Представляется, что девелопменталистский подход к пониманию роли политической оппозиции в транзитных обществах, при всех своих несомненных плюсах, характеризуются рядом спорных положений и теоретико-методологических ограничений. В частности, необходимо

упомянуть как минимум три таких ограничения. Первое ограничение вытекает из избыточного акцента на демократизации как условия становления и совершенствования института политической оппозиции. При этом опыт последней трети XX в. – начала XXI в. достаточно выразительно свидетельствует о том, что большинство транзитных процессов носят незавершенный, прерванный либо откровенно реверсивный характер. Происходит обратное движение к авторитарным практикам, которые зачастую бывают еще более жесткими и репрессивными, чем предшествующая «отправная точка» перехода. Яркие примеры такого обратного транзита – постсоветские государства центральной Азии (в особенности, Туркмения и Узбекистан).

Второе ограничение рассматриваемого девелопменталистского подхода связано с существующими в политической науке разночтениями по поводу того, какое общество должно считаться многосоставным (какие критерии многосоставности являются наиболее корректными с научной точки зрения применительно к реалиям XXI века) и какие миноритарные сегменты социума являются значимыми, в том числе и в контексте обеспечения их представительства в политической жизни и тем более – наделения их правом вето (о чем, в частности, пишет А. Лейпхарт). В связи с этим неизбежны дискуссии по поводу права и возможности миноритарных социально-политических групп действительно влиять на определение государственного политического курса, не только косвенно участвовать в выработке обобщенной политической повестки дня на национальном уровне, но и в принятии стратегических внешне- и внутривнутриполитических решений [11].

Обращение к девелопменталистскому подходу представляется методологически продуктивным с точки зрения анализа особенностей российской политической оппозиции, изучения различных аспектов её деятельности. Существенный вклад в выработку дефиниции политической оппозиции, в том числе, и с учетом текущих российских (постсоветских) практик, внесли отечественные ученые. В частности, А.И. Исаков предлагает

симбиотический деятельностно-системный подход, определяя политическую оппозицию и как особую разновидность деятельности, и как специфическое по своему генезису и неоднородное с точки зрения содержания явление. По его мнению, «политическая оппозиция – это политическая деятельность, охватывающая и управленческую, и организационную стороны, но специфическим образом и с разной степенью универсальности, инклюзивности и атрибутивности...» [35, с. 10]. И в тоже время, это устойчивое системное явление, «присущее открытому, демократическому обществу и обеспечивающее, при выполнении задач управления обществом, применение сложных законов регулирования за счет превращения разомкнутой системы регулирования жизни общества в замкнутую», устойчивую и функционирующую на основе проработанного нормативного фундамента [35, с. 11].

Весьма серьезную политико-теоретическую ценность представляет анализ практик политической оппозиции сквозь призму *коммуникативного подхода* (И.М. Дзялошинский [62], С.Московичи [16], Н.П. Пименов [37], А.В. Гощева [39], Ю. Хабермас [28]). Его представители рассматривают феномен современной политической оппозиции с несколько иной точки зрения, а именно, как продукт циркулирующих в обществе массовых настроений недовольства действующей властью, того, что в современном российском политическом дискурсе получило определение «запрос на перемены». Таким образом, именно совокупность протестных настроений в различных их вариациях – от фрустрации до агрессии и готовности к неконвенциональным действиям – порождает состояние оппозиции. А оппозиция в этом случае может быть определена как *институциональное оформление оппозиционности*, её субъекто-деятельностная репрезентация в политическом пространстве посредством агрегации и публичной артикуляции интересов и требований оппозиционных слоев общества.

Однако следует учитывать и то, что оппозиционность как самоощущение значительной части общества далеко не всегда получает должное

институциональное оформление. Это происходит по ряду взаимообусловленных причин. Первая и наиболее очевидная – системное противодействие со стороны власти, в том числе, с использованием и репрессивных механизмов, и потенциала политического манипулирования массовым сознанием. Вторая причина заключается в недостатке ресурсов у оппозиционных сил (особенно если оппозиция находится на нелегальном или «полулегальном» положении), а также внутренней фрагментированности самого оппозиционного движения, в силу неготовности лидеров к компромиссам и хотя бы ситуативным коалициям [101]. Третья причина носит более сложный характер и связана с тем, что раздражение и протест, адресованные власти, имеют либо фокусированный локальный характер (то, что людей касается непосредственно), либо размыты и лишены адресата (так называемый («протест против всех и вся»). В обоих этих случаях, как правило, отсутствует идейно-политическая мотивация, широкая конструктивная повестка преобразований. Оппозиционные акторы изначально уходят на второй план и вынуждены принять реактивную тактику, то есть, подстраиваться под динамику текущих политических событий.

Безусловно, крайне важное место в рамках коммуникативного подхода занимает исследование интеракций в системе координат «власть – оппозиция», взаимосвязи между правящими элитами и оппонировавшими им политическими акторами. На наш взгляд, наиболее развернутый взгляд на проблему политологического осмысления оппозиции в контексте её динамической природы и коммуникативного взаимодействия с властью даёт Л.Н. Тимофеева [26; 45; 106]. Она выделяет пять соответствующих парадигм комплексного осмысления такого взаимодействия: через дилемму «общее благо - частные интересы»; через противопоставление государства и общества как двух «анархических стихий», требующих ограничения; через традиционные идеологические доктрины; через сравнение двух концепций демократии: коммунитаристской и элитистской; через правовое регулирование свободы

власти и граждан, что позволило глубже уяснить суть оппозиции и ее деятельность в различных системах координат [45, с. 22].

Очевидно, что коммуникативный подход открывает широкие методологические возможности в области осмысления деятельности оппозиции именно как значимого субъекта многомерной политической коммуникации в современном социуме, трансформации ценностно-смыслового пространства политики. При этом коммуникативная природа оппозиции может рассматриваться в двух взаимосвязанных теоретических ракурсах: *интерактивном*, в контексте обмена актуальной социально-политической информацией (что сближает коммуникативные концепции оппозитологии с субъектно-деятельностными) и *результатирующем*. В последнем случае особо важным представляется не характер и процессуальные особенности, а результат коммуникации: и с точки зрения трансформации общенациональной повестки дня, и в контексте влияния на динамику массовых настроений, и с точки зрения изменений в политическом поведении различных социальных групп.

Используя потенциал коммуникативного подхода для исследования феномена политической оппозиции, важно принимать во внимание то, что антивластные акторы интегрированы в три различных по своей сути коммуникативных формата. Речь идет о системах устойчивых взаимодействий «оппозиция – власть», «оппозиция – социум» и «оппозиция – оппозиция». Если первые два формата, опирающиеся на модели вертикальной (с отсутствующей или слабо развитой обратной связью) или диагональной (с более развитой и эффективной обратной связью) коммуникации, изучены в достаточной мере, то проблема горизонтальной координации действий между различными оппозиционными субъектами («оппозиция – оппозиция») пока еще отличается высокой лакунарностью. В самом общем виде исследователи, как российские, так и зарубежные, говорят о условно фрагментарном и консолидированном «полях» и «дискурсах» оппозиции [45; 84; 101]. То есть, чем больше точек консолидации могут найти оппозиционные силы в их противоборстве

с действующей властью, тем более серьезное влияние они оказывают на текущие политические процессы.

Говоря о взаимодействии между различными субъектами оппозиции, можно выделить *три уровня их консолидации*. *Первый уровень – ценностно-идеологический* – означает высокую степень согласованности действий и нацеленность на долгосрочное сотрудничество, возможность выработать позитивную повестку дня, предложить масштабный образ будущего, который пользовался бы поддержкой со стороны значительной части граждан. *Второй уровень – проблемно-ориентированный* предполагает совместный подход (сходные мнения, совместные протестные акции) по решению наиболее значимых вопросов национального развития, акцент на недостаточной эффективности и компетентности правящих политико-административных элит. *Третий уровень* взаимодействия различных оппозиционных акторов – *ситуативно-поведенческий*. Его точкой опоры выступает исключительно общее неприятие действующей власти, преимущественно «негативная» повестка дня. При этом оппозиция находится во фрагментированном состоянии: её различные сегменты и лидеры демонстрирует неготовность к активному стратегическому взаимодействию, превалирование частных интересов, активно противодействуют друг другу, но могут блокироваться в рамках неких локальных вопросов или действий.

К коммуникативным теориям оппозиции тесно *примыкает конфликтологический подход*, рассматривающий отношения «власть - оппозиция» как разновидность некоего конфликта: от радикального исторически обусловленного классового до умеренной конкуренции в её предельно институционализированном виде. Несмотря на то, что истоки конфликтологического подхода в мы можем обнаружить на заре становления социально-гуманитарных наук, полномасштабное его использование в ракурсе оппозитологии стало возможно лишь в XX веке, когда происходила кристаллизация теории позитивного конфликта (Л. Козер [10], Р. Дарендорф [61], К. Боулдинг [30] и др.). Концепт позитивной роли

конфликта в политике открыл дополнительные возможности в осмыслении такого явления, как оппозиция. Её деятельность стала рассматриваться в конструктивном ключе (а не только с точки зрения смены существующей власти, продуцирования политической нестабильности и кризисных тенденций в обществе). Важнейшей функцией оппозиционных сил стала не просто рефлексия – критика, помогающая власти корректировать государственную политику, но и выработка альтернативных политических решений по наиболее значимым вопросам общенационального характера, деятельное участие в санации и обновлении политической системы [45].

Сегодня именно сочетание ценностно-идеологического и конфликтологического подхода позволяет выработать такие шкалы оппозиционности, как «*конструктивность – деструктивность*» (свидетельством тому является ставшее общеупотребительным словосочетание «конструктивная оппозиция») и «*радикальность – конвенциональность*». Указанные дихотомии не представляются статичными и дискретными, представляя собой, скорее, некий континуум. Их смысловое наполнение зависит от конкретно-исторических особенностей национальной политологической традиции. Но, тем не менее, они крайне важны в методологическом плане и для многомерного политологического анализа феномена несистемной оппозиции.

Для многогранного понимания политической оппозиции, её природы и системообразующих элементов, важно также рассмотреть *потенциал элитаристского подхода*. Современные концепции элитаризма в значительной мере отличаются от традиционного взгляда, который представлен в трудах классиков элитологии (Р. Михельса [86], Й. Шумпетера [124] и др.), поскольку акцент делается на функциях репрезентации и рекрутинга. Первая подразумевает, что политические элиты – и правящие, и оппозиционные – являются не закрытыми системами (если не квази-сословного типа, то с многочисленными барьерами), а активно коммуницируют с иными сегментами социума, представляют их интересы не только на декларативном,

но и на десизионно-управленческом уровне, то есть, в виде конкретных политических решений и действий. Вторая функция – рекрутинг – ставит во главу угла регулярное обновление властных элит различных уровней и эффективное функционирование социальных лифтов.

Истоки взгляда на политическую конкуренцию именно как на соперничество элит лежат в теории «демократического элитаризма», выдвинутой Й. Шумпетером [124]. Он справедливо полагал, что: а) даже в формально демократических обществах к реальной борьбе за власть допущено меньшинство граждан; б) вопрос политической власти, в конечном счете самым тесным образом сопряжен с проблемой распределения национальных ресурсов, стремлением перераспределить капиталы в свою пользу. Таким образом, в условиях политической конкуренции, согласно Шумпетеру, на первое место выходит электоральный фактор – борьба отдельных лидеров и сил за доверие граждан [124]. В свою очередь, К. Манхейм фиксирует особую значимость рекрутинга в процессе формирования политических элит на конкурентных (демократических) началах [13; 34]. Он пишет: «демократия влечет за собой антиэлитистскую тенденцию... характеризуется не отсутствием страты элиты, а скорее новым способом рекрутирования и новым самосознанием элиты» [34, с. 200].

Развитие идей демократического элитаризма привело к распространению в зарубежной политической науке 1960-1980-х годов плюралистических концепции политических элит, которые рассматривали политические элиты в их расширенной интерпретации, включая в них не только действующую власть (отдельных политических лидеров и связанных с ними высокопоставленных чиновников), а как социальный слой, объединяющий и правящие группы, и оппозиционные. Ценность указанного подхода для современной оппозитологии заключена в том, что оппозиция (условные контрэлиты) в конкурентных политических системах понимается не как экстерналия, а как неотъемлемый элемент политической конструкции

общества, которая, оппонируя власти, тем не менее, влияет на проводимый государственный курс и частично разделяет ответственность за его результаты. Указанная точка зрения на роль оппозиции в политической системе общества прочно закрепились в современной политологии, найдя отражение и в работах российских ученых.

Серьезную методологическую ценность для анализа феномена оппозиции представляет *структурно-функциональный подход*, базовые принципы которого были заложены в трудах Г. Алмонда [116], Р. Мертона [83], Т. Парсонса [17] и др. Опираясь на четырехзвенную схему Т. Парсонса «адаптация – достижение целей – интеграция – поддержание латентного образца», можно констатировать, что ключевая роль оппозиции в сбалансированной конкурентной политической системе заключается в непрерывном участии в разработке стратегических целей общественного развития. Достигается это путем решения следующей триады задач:

- верификации и корректировки целей и приоритетов, предлагаемых действующей властью (в формате «конструктивной критики»);
- альтернативного целеполагания (в случае, если проводимая государственная политика не соответствует запросам значительной части общества);
- выработки альтернативной (конкурирующей по отношению к реализуемой) модели государственной политики, её стратегического содержания и операциональной составляющей (иными словами, важной является не только разработка стратегии развития, но и конкретных механизмов и алгоритмов её реализации) [17].

Немаловажно, что деятельность оппозиции в современных конкурентных политических системах (во всяком случае, оппозиции «системной», вписанной в существующую политическую конфигурацию) тесно связано с функцией интеграции, обеспечением преемственности власти: электоральной, нормативной и, в определенной мере, идеологической. Последняя подразумевает, что изменение государственной внутренней и внешней

политики в случае прихода к власти оппозиционных сил должно протекать как коррекция и модернизация, а не тотальный институциональный и ментальный разрыв с прошлым и демонтаж фундаментальных ценностно-символических оснований всей политической системы.

На наш взгляд, необходимо остановиться на четырех системообразующих свойствах политической оппозиции, вытекающих из теоретических положений структурного функционализма. *Первое свойство – неоднородность оппозиционного движения с точки зрения нормативного статуса* (легальная – нелегальная оппозиция) и *доминирующих практик* (радикалы – лоялисты), что неизбежно приводит к необходимости дифференциации инструментария, используемого властью в отношении конкурирующих с ней акторов: от инкорпорирования во властные структуры до диалоговых форм до силового подавления и использования репрессивных методов. *Второе свойство – наличие у оппозиции набора латентных функций*, выполняемых ею параллельно с основными. На наш взгляд, особое значение латентные функции оппозиции обретают тогда, когда «системность» оппозиционных сил становится не признаком, а эвфемизмом, описывающим имитационный характер политической конкуренции.

Третье свойство – неизбежность присутствия дисфункционального элемента в деятельности отдельных оппозиционных (равно как и провластных) «игроков», который обусловлен естественными издержками противоборства по поводу власти, различными коммуникативными барьерами, возникающими как непосредственно в среде оппозиции, так и в ходе её взаимодействия с властью [83; 116]. *Четвертое свойство связано с идеей «совместной ответственности» власти и оппозиционных сил за устойчивость национальной политической системы.* Очевидно, что реализация принципа ответственности со стороны оппозиционных сил требует развития конвенциональных политических практик, конструирования механизмов агрегации различных, в том числе и миноритарных, социально-политических групп [45; 83].

Важно отметить, что во второй половине XX – начале XXI столетий в политической науке велись интенсивные дискуссии по поводу основополагающих функций политической оппозиции как специфического социального института и субъекта деятельности.

В данном контексте научный интерес представляет анализ функциональной составляющей в деятельности политической оппозиции отечественными учеными, которые руководствуются как общими теоретическими положениями, так и ситуативными контекстами современной России. Например, Р.В. Короткевич пишет: «просвечивая деятельность власти и вскрывая ее недостатки, оппозиция обеспечивает, таким образом, гласность в обществе. В связи с той ролью, которую она играет в политической жизни, можно выделить ее основные функции: сигнально-нормативная; давление на политическую власть с целью принятия более соответствующих потребностям общества решений; корректировка политического курса; стимулирование инноваций в разрешении важных проблем; обеспечение гласности» [72, с. 83].

Схожей точки зрения на функциональное содержание феномена оппозиции придерживаются и ряд других отечественных ученых. Например, К.Н. Пономарев выделяет такие базовые функции оппозиции, как «объективная и обоснованная» критика властных структур и носителей властных полномочий, а также иных акторов; контроль за деятельностью власти с целью выявления недостатков и последующего информирования общественности о них; формирование набора альтернативных идей и предложений; участие в реализации кадровой политики через подготовку потенциальных политических лидеров и «высшего управленческого персонала» [38, с. 20].

Опираясь на рассмотренные выше подходы, мы можем выделить ряд взаимосвязанных ключевых функций политической оппозиции в современных конкурентных политических системах.

То есть, речь идет о реализации властных притязаний оппозиционными акторами различной направленности в условиях, когда оппозиция не лишена возможности легальной деятельности и реального, а не формально-

имитационного участия в политическом процессе. Указанные функции приведены в таблице 1.

Таблица 1 – Ключевые функции оппозиции в конкурентных политических системах

Функция	Содержательная сторона
Институционализирующая	Оппозиция – институт, обеспечивающий устойчивость политической системы
Артикуляционно-репрезентативная	<i>Способность оппозиции</i> артикулировать и эффективно отстаивать интересы разных сегментов общества
Сигнально-диагностическая	Связана со способностью оппозиционных акторов четко обозначать наиболее проблемные аспекты («слабые места») проводимой государственной политики
Конкурентная	Участие оппозиции в разнообразных институционализованных практиках политической конкуренции, борьбу за власть
Программно-управленческая	- формулирование стратегических альтернатив проводимой государственной политики; - сотрудничество с действующей властью в процессе осуществления государственного управления в рамках «разделенной ответственности»
Элитогенез	Рекрутинг будущих представителей политико-административных элит в оппозиционном поле

Источник: составлено автором.

Важный теоретический момент, заслуживающий отдельного внимания, связан с *имитационной функцией оппозиции*. Особенно указанная научная проблема стала актуальной в свете процессов институционализации и усиления авторитарных политических режимов на постсоветском пространстве, распространения авторитарных практик, предполагающих контроль над деятельностью всех ведущих оппозиционных акторов, их последовательное выдавливание за пределы системно-нормативного поля. В политологическом дискурсе российской оппозитологии указанные процессы описываются такими понятиями, как, например, «полуавторитарный режим», «управляемая демократия», «имитационная демократия». Естественно, что имитационный

характер демократических процедур и ограниченность политической конкуренции (причем не только конкуренции субъектов, но и «конкуренции смыслов», различных стратегий национального развития) способствуют формированию широкого квазиопозиционного конгломерата политических «игроков» – партий, движений, кандидатов на выборах различного уровня – которые, декларируя свою оппозиционность и одновременно «системность», по существу призваны не более чем имитировать борьбу за власть, выступать инструментом внутренней и внешнеполитической легитимации правящего режима.

В современной политической науке кристаллизовались две точки зрения на феномен имитационной (управляемой) демократии. Первая исходит из того, что речь идет о формально-процедурных моментах, призванных имитировать конкуренцию в условиях существования де факто авторитарного режима и отсутствия институционализированной (главным образом, электоральной) системы воздействия гражданского общества на власть и проводимую ей политику. Это позволяет интерпретировать управляемую демократию как инструмент системного манипулирования социально-политическими процессами и массовыми настроениями, направленного на обеспечение доминирующего политического влияния и непрерывного роста благосостояния правящих элит (через контроль над ключевыми активами, в том числе, национальными ресурсами). То есть, рядовые граждане оказываются в ситуации «выбора без выбора», когда формально декларируемая свобода слова и волеизъявления, по существу, не влияет на характер принимаемых политических решений [162].

Подобного мнения по рассматриваемому вопросу придерживается В. Прибыловский. Он считает, что управляемая демократия – ни что иное, как «режимы в государствах «третьего мира», которые не являются полностью диктатурами, а пытаются приспособить свои системы под общественное мнение стран «первого мира» и вводят некоторые внешние приемы демократии для прикрытия авторитарно-олигархической сущности правления в своих

странах «управляемая демократия» - это авторитарно- олигархические режимы «третьего мира», использующие демократическую завесу...» [155].

В этих условиях «несистемность» тех или иных политических факторов автоматически означает их вытеснение за пределы правового поля, делает их объектом целенаправленных репрессий со стороны власти, а игроки, инкорпорированные в систему, лишены какой-либо самостоятельности в принятии решений и выборе стратегии поведения, полностью зависимы от правящего режима.

Вторая точка зрения исходит из того, что и управляемая демократия представляет собой *разновидность гибридного политического режима*, сочетающего авторитарные и конкурентные политические практики. В таких условиях действующая власть допускает существование несистемной оппозиции, не проводит в отношении неё репрессивной политики (или ограничивается «точечными» репрессивными действиями), но активно использует массмедиа и механизмы политического манипулирования для создания негативного имиджа ключевых несистемных субъектов, и административно-правовые барьеры – в целях минимизации их присутствия на электоральном поле [130].

Необходимо отметить, что указанная трактовка позволяет разграничить понятия «имитационная» и «управляемая» демократия. Если первая понимается в контексте внешней репрезентации правящего режима с целью скрыть собственную недемократическую сущность, в том числе, и в целях собственной внешнеполитической легитимации, то «управляемость» интерпретируется как некое следствие нелинейности политического транзита, неизбежная издержка поставторитарных преобразований или имманентное свойство конкретной политической культуры (в которой, например, доминируют персоналистская модель власти и вертикальная конфигурация государственно-общественного взаимодействия).

Следует заметить, что понятие «управляемая демократия» (наряду с «суверенной демократией») было весьма востребованным в российском

политическом дискурсе 2000-х годов, его провластном сегменте. Речь шла о том, что российская политико-культурная специфика в сочетании с необходимостью преодоления социально-политического кризиса 1990-х годов требует выстраивания «вертикали власти», консолидированной политической системы с четко очерченным кругом «игроков», формальных и неформальных институтов, в том числе и в контексте взаимоотношений «власть – оппозиция». При этом подчеркивалось, что формирование «вертикальной» интегрированной системы политического управления не привело к ликвидации конкурентных практик, а лишь способствует их упорядочиванию путем более жёсткой нормативной формализации. Вместе с тем, нетрудно заметить, что указанный взгляд на «управляемую демократию» также предполагает наличие имитационного компонента и, как следствие, деление оппозиции на системную, вписанную в сложившуюся институциональную конфигурацию, и несистемную, не желающую «играть» по установленным правилам.

Таким образом, нами были рассмотрены различные подходы к пониманию оппозиции в политической науке: институциональный, девелопменталистский, коммуникативный, элитаристский (конкуренции элит), конфликтологический и структурно-функциональный. Селективное сочетание коммуникативного и конфликтологического подходов представляется наиболее актуальным с точки зрения многомерного осмысления феномена оппозиции, включая её несистемный сегмент.

1.2 Несистемная оппозиция как объект политологического исследования

Проблема несистемной политической оппозиции является достаточно заметной в рамках современной российской и зарубежной оппозитологии, однако содержит в себе ряд значимых лакун и нуждается в дальнейшей теоретической разработке. В связи с этим можно согласиться с мнением, что «классификация российской политической оппозиции в современных условиях

– довольно сложная исследовательская проблема» [70, с. 22]. И, более того, «четких общепринятых критериев отнесения той или иной политической партии к числу представителей системной / несистемной оппозиции в современной российской политической науке пока не сложилось» [70, с. 22]. Тем не менее, обобщая различные политологические взгляды на феномен несистемной оппозиции, представляется оправданным выделить четыре основных точки зрения на ее сущность.

Первая точка зрения может быть охарактеризована как *нормативная (юридическая) и исходит из формально-правового статуса* тех или иных акторов политического процесса. Его основное методологическое преимущество заключено в предельной рационализации и прозрачности дихотомии системности – несистемности. Признаком первой является формальная включенность определенной политической силы в существующее правовое поле, её готовность следовать сложившимся в государстве, юридически оформленным нормам и процедурам. Очевидным методологическим преимуществом данного подхода является четкость дифференциации, поскольку при его использовании легальность, наличие формального правового статуса является признаком системности; отсутствие такого статуса – несистемности. Однако крайне существенный дефект указанного подхода заключен в том, что в таком случае «системность» или несистемный характер той или иной оппозиционной силы по существу определяет действующая власть, причем, руководствуясь, как правило, текущей политической конъюнктурой и собственными интересами (яркий пример – регистрация или отказ в регистрации политических партий). Естественно, такой подход слабо отражает специфику программных установок и степень радикализма конкретной политической силы (нацелена ли она на коренной «слом» системы или на эволюционный путь частичных преобразований), её ориентацию на агрессивные / конвенциональные модели борьбы.

Вторую точку зрения можно охарактеризовать как *электорально ориентированную*. В этом случае базовый признак системности сводится

к участию оппозиции в выборах. Соответственно, несистемная оппозиция по тем или иным причинам не включена в электоральные процессы. По нашему мнению, данный подход представляется наиболее дискуссионным и неоднозначным по двум моментам.

Во-первых, очевидно, что неучастие тех или иных оппозиционных сил, кандидатов в электоральных процессах обусловлено разными обстоятельствами: от противодействия со стороны власти (через отказ в регистрации, снятие с выборов), существующих процедурных барьеров (невозможности собрать необходимое число подписей, превышение допустимого порога недействительных подписей) до сознательного отказа от легальной конкуренции и ориентации на неконвенциональные практики политической борьбы с правящим режимом. То есть, по существу, в рамках электорального подхода происходит искусственное теоретическое упрощение термина «несистемная оппозиция»: под которой понимаются и акторы, целенаправленно выведенные властью за пределы электорального поля, и политические субъекты – организации и лидеры – изначально выбравшие конфронтационные, силовые сценарии борьбы за власть.

Во-вторых, современные отечественные и зарубежные политические практики наглядно свидетельствуют, что участие / неучастие тех или иных политических сил в электоральных процессах в условиях «управляемой демократии» носит ситуативный характер. Оно во многом зависит и от текущей повестки дня, и от политико-технологических особенностей конкретной избирательной кампании (допуск отдельных, на первый взгляд, несистемных кандидатов как технологический приём) [70; 162]. Более того, следует принципиально различать две ситуации: осознанный отказ тех или иных политических сил от участия электоральной борьбе и неучастие в силу барьеров, создаваемых действующей властью (например, не допуск на выборы, «снятие» оппозиционных кандидатов, уголовное преследование лидеров). Таким образом, электоральный критерий системности / несистемности при всей своей актуальности для полномасштабного теоретического осмысления

феномена несистемной оппозиции не может рассматриваться как ведущий или универсальный, поскольку существенно ограничен ситуативными и субъективными политическими факторами.

Третья точка зрения – отражает установочно-поведенческий взгляд на сущность несистемной оппозиции как политического явления. Она представляется более сложной и имеет композиционную политико-психологическую структуру. В его основании лежат несколько взаимосвязанных моментов, характеризующих как деятельностные аспекты, так и установки, ценностно-обусловленные паттерны поведения рассматриваемых политических акторов:

- готовность /неготовность признавать легитимность действующей власти;
- нацеленность на участие /отказ от участия в электоральных процессах (а не сам факт неучастия, как в вышеописанном электоральном критерии);
- соотношение конструктивных / деструктивных положений в программных документах, предлагаемой повестке дня (акцент на позитивных альтернативах проводимой политике или на «демонтаже» существующего правящего режима);
- конкретные поведенческие репрезентации установок оппозиции по отношению к действующей власти, выражающиеся в доминировании конвенциональных (легальных) либо неконвенциональных (противозаконных и агрессивных) действий.

Акцент на поведенческом компоненте и степени радикализации как важном критерии системности / несистемности делают ряд российских исследователей. В частности, согласно В.С. Кондратьеву, разграничивающим критерием «системности – несистемности» является «отношение политических структур к существующим формам политической борьбы: участию в оппозиционных митингах и демонстрациях (в том числе и несанкционированных) и, главным образом, к выборам» [70, с. 19]. Н.П. Медведев и А.В. Борисенко высказывают мнение, что несистемные

политические силы «отличает жесткое противоборство с действующей властью, направленное на использование не всегда законных методов ведения политической борьбы» [81, с. 150]. Более того, «именно использование подобных способов достижения поставленной цели отражается на статусе данных политических сил, который зачастую носит нелегальный или полуправильный характер» [81, с. 150].

Представленная выше точка зрения является достаточно гибкой, поскольку связывает формальный статус конкретного политического субъекта не с самим фактом произвольного признания / непризнания со стороны действующей власти, а определенными инструментами политической борьбы, используемыми различными оппозиционными силами (то есть, статус в данном случае – не самостоятельный критерий, а производная от деятельности). Однако нельзя не отметить, что данный подход несет в себе некоторый элемент упрощения: очевидно, что часто правовое положение той или иной силы отражает не более чем субъективное мнение действующей власти, отдельных высокопоставленных лиц, принимающих решения в сфере внутренней политики. Естественно, что в условиях преобладания авторитарных практик политического управления «входной барьер» в системное поле политики будет высоким. Лояльность по отношению к правящему режиму и обеспечение его безопасности станут основными критериями включения оппозиционных игроков в системные процессы, что может свести всю оппозиционную деятельность преимущественно к имитационным практикам и декларативным моментам [82].

Четвертая точка зрения носит комплексно-динамический характер. В своем понимании несистемной оппозиции она опирается на несколько факторов, таких как институциональная конфигурация власти, действующее законодательство, национальная политико-культурная традиция, коммуникативный ландшафт общества. Данный подход ориентирован на принцип подвижности отношений «власть – несистемная оппозиция», возможности изменения статуса системности / несистемности тех или иных

оппозиционных сил в зависимости от текущей политической динамики, внутриэлитарных конфигураций и трансформации массовых настроений.

В рамках комплексного понимания несистемной оппозиции развернутое её определение формулирует В.Я. Гельман [130]. По его мнению, к ней могут быть отнесены «политические организации, движения и отдельные политики, чьи цели включают в себя смену или кардинальную трансформацию существующего авторитарного политического режима. В этом смысле «несистемную» оппозицию можно считать и демократической («антиавторитарной») оппозицией, независимо от (весьма различных) взглядов отдельных ее представителей. Отличие ее от «системной» оппозиции (специалисты также используют термин «полуоппозиция» или «секторальная оппозиция») состоит в том, что системные критики властей, хотя и выступают за смену политического курса в отдельных сферах, но по тем или иным причинам не склонны добиваться смены политического режима» [130].

Симптоматично, что В.Я. Гельман указывает на факт нечеткого разграничения системных и несистемных игроков политического пространства. Он полагает, что «данное аналитическое различие не означает, что «системная» и «несистемная» оппозиции на персональном уровне представляют собой непересекающиеся множества — по крайней мере, в российском контексте они, скорее, выглядят как сообщающиеся сосуды. Однако стратегическая разница между ними весьма существенна — в авторитарных режимах первые выступают как «попутчики» и младшие партнеры правящих групп (хотя риски нелояльности с их стороны отнюдь не нулевые), а вторые являются их явными оппонентами» [130].

В целом соглашаясь с приведенной выше трактовкой, необходимо отметить и ряд дискуссионных моментов в подходе, предлагаемом В.Я. Гельманом. Один из них связан с неочевидным имманентным «антиавторитарным» характером несистемной оппозиции, когда речь идёт о её противодействии недемократическим режимам. Можно предположить, что «демократические» декларации, озвучиваемые рядом несистемных акторов,

выполняют исключительно инструментальную пропагандистскую функцию и не связаны ни с их подлинными политическими ценностями, ни с предлагаемой ими альтернативой политическому курсу действующей власти. Иными словами, «демократическая альтернатива» нередко является механизмом, призванным камуфлировать процесс неправового, силового «авторитарно-авторитарного» транзита, когда одни правящие группы частично сменяются другими, но при этом авторитарный характер властной конфигурации остается неизменным. Например, именно по такому пути развивались политические системы ряда постсоветских государств Центральной Азии, когда на смену позднесоветским политическим практикам пришли не менее (Республика Казахстан), а в ряде случаев и более (Республика Туркменистан, Республика Узбекистан) жесткие авторитарно-персоналистские режимы.

Следующий дискуссионный вопрос, вытекающий из подхода В.Я. Гельмана, связан со степенью интеграции различных акторов несистемной оппозиции. Мировая практика поставторитарных транзитов второй половины XX – начала XXI столетий наглядно свидетельствует: в большинстве случаев «точкой консолидации» оппозиционных сил и лидеров служит цель смены правящего режима. То есть, в большинстве случаев речь идет не о консолидации как таковой, а о ситуативной координации действий, которая носит, как правило, краткосрочный характер и оказывается невостребованной и в случае успеха (после смены действующей власти несистемные игроки начинают остро конкурировать между собой), и в случае неудачи (которая нередко сопровождается взаимными претензиями и публичными обвинениями в среде оппозиционеров). Поэтому более логичным представляется рассмотрение оппозиции не как интегрированного субъекта антивластной деятельности, а как конгломерата сил, противостоящих правящему режиму и периодически координирующих собственную тактику согласно текущей социально-политической динамике.

В связи с этим неизбежно возникает вопрос: способна ли оппозиция, выстроенная на основании «негативного консенсуса» по отношению к действующей власти, предложить позитивную повестку дня? Естественно, речь не идёт о единой долгосрочной стратегии национального развития (в случае реализации принципа «широкой коалиции» в борьбе с правящим режимом, как правило, невозможна), а о наличии нескольких альтернативных программ, поддерживаемых значительной частью общества. И самое главное – о способности ключевых акторов «негативного консенсуса» обеспечить переход к конкурентным политическим практикам, не допустить затяжного кризиса и распада политической системы в целом (то есть, ситуации, когда смена режима означает институциональный коллапс государства на всех его организационных уровнях).

Третий дискуссионный вопрос, следующий из предлагаемого В.Я. Гельманом описания различий системной и несистемной оппозиции, связан с неоднородностью «попутчиков» или «младших партнеров» власти. Представляется, что говоря о системных силах, необходимо иметь в виду то обстоятельство, что «попутчики» могут быть классифицированы и сточки зрения их генезиса, и в контексте глубины их инкорпорирования в существующую властную конфигурацию, и на основании степени их готовности следовать в фарватере политики правящего режима. Очевидно, что также можно говорить о существовании ситуативных союзников власти и сил, полностью ориентированных на блокирование с ней и по существу не являющихся оппозиционными (если речь не идёт о сугубо частных политических вопросах). Также следует, на наш взгляд, учитывать и специфику зарождения той или иной «системной» оппозиционной структуры. Крайне важно, является ли она изначально самостоятельной силой, интегрированной в сложившиеся «правила игры» и допущенной к участию в выборах, или исключительно политтехнологическим продуктом правящих элит, призванным конкурировать с реальной оппозицией в электоральном пространстве (то есть, выступать в роли «спойлера»).

Безусловно, значимым фактором политологического анализа феномена несистемной оппозиции и выделения её ключевых характеристик является обращение к национальной политико-культурной специфике. Важность данного исследовательского аспекта обусловлена тем, что рамки системности-несистемности напрямую зависят от социокультурной традиции властно-общественных отношений, которая во многом выступает первоосновой институциональной организации того или иного типа политического режима [116]. Поэтому вполне закономерно, что отечественные исследователи пытаются выявить определить российскую несистемную оппозицию и особенности её развития и сквозь призму историко-культурных детерминант и закономерностей, и опираясь современные (постсоветские) политические практики, присущие российской политической системе сегодня.

Опираясь на основные положения сетевого подхода [14; 102; 119], можно говорить о таких характеристиках несистемного оппозиционного поля, как его внутренняя гетерогенность и, в известной мере, тяготение к полицентричной конфигурации, преобладание «горизонтального» и «диагонального» форматов коммуникаций между его основными акторами. Вместе с тем, сетевой подход, при всей его изначальной важности, имеет и ряд существенных ограничений в контекст его использования именно для анализа несистемного политического поля. Назовем два наиболее очевидных ограничения. Во-первых, сетевая конфигурация политики подразумевает устойчивость взаимосвязей акторов, в нее включенных [14; 119]. В то же время аморфность границ несистемного сегмента может приводить к дисфункциональным проявлениям коммуникации между ключевыми акторами несистемной оппозиции. То есть, данная коммуникация обретает эпизодический, обрывочный и подчеркнуто конфликтный характер, в которых не происходит выстраивания масштабных «сетей доверия». Во-вторых, следствием конфликтности соответствующих акторов и преобладания деструктивных коммуникативных практик является «геттоизация» оппозиционных аудиторий, отличающихся по своим базовым идеологическим установкам.

Так, существенный интерес вызывает набор критериев описания российской несистемной оппозиции, предложенный Н.А. Пономаревым и А.А. Майлисом. Они высказывают мнение, что сегодня в Российской Федерации под несистемными оппозиционными силами подразумевается «совокупность формальных и неформальных организаций, а также лидеров общественного мнения, характеризуемых при помощи следующих признаков:

- резко отрицательное восприятие В.В. Путина как системообразующей фигуры в российской политике;
- непризнание парламентских партий в качестве «полноценной» оппозиции;
- использование нелегальных и методов политической борьбы (за исключением действий экстремистского характера) [96, с. 110].

Подразумевается, что «несистемная оппозиция в России не отличается четкой структурированностью: наиболее выражено ее либеральное крыло, прочие сегменты отличаются идеологической гибридность» [96, с. 110]. При этом его авторы справедливо подчеркивают, что «данное определение не является универсальным и может рассматриваться как адекватное лишь реалиям российской политики» [96, с. 110].

Опираясь на рассмотренные выше определения и подходы, можно охарактеризовать несистемную оппозицию как внутренне неоднородный сегмент российского политического пространства, находящийся вне либо на периферии правового поля, как правило, не участвующий в электоральных процессах и выступающий как за изменение политического курса, проводимого действующей властью, так и за кардинальные институциональные трансформации сложившейся властной конфигурации и политической системы в целом.

Представляется, что сформулированное определение не только позволяет эффективно дифференцировать системные и несистемные группы политической оппозиции, но и релевантно политико-культурной специфике

формирования, самоидентификации и функционирования большинства заметных оппозиционных акторов в сегодняшней России.

Таким образом, следует обратить внимание на следующие моменты, *важные для анализа деятельности российской несистемной оппозиции на современном этапе:*

– неоднородность выступает одним из ключевых свойств несистемного сегмента российского политического поля, что затрудняет поиск консолидирующих императивов в оппозиционной среде (за исключением рельефной негативной установки в отношении действующей власти);

– правовой статус отдельных несистемных акторов может носить нечеткий «плавающий» характер и быстро изменяться (отказ в регистрации – регистрация; разрешение на участие в выборах в одних регионах, разрешение и последующее «снятие» – в других, запрет и административное / уголовное преследование оппозиционных активистов – в-третьих);

– признак участия в электоральных процессах или отказа от него является одним из важных, но не универсальным критерием дифференциации системных и несистемных политических игроков. Данный критерий тесно связан как с субъективизмом правящих политико-административных элит различных уровней, так и с разными по своей сути причинами неучастия (самостоятельный отказ как элемент политической стратегии либо административное давление, «снятие», запрет);

– требование кардинальной смены внутри - и внешнеполитического курса является необходимым, но не достаточным признаком несистемности. Более важный момент состоит в том, что несистемные акторы (в отличие от системных, которые тоже говоря и о корректировке проводимой государственной политики, и о институциональных преобразованиях) нацелены на всеобъемлющую переконфигурацию политической системы, переустройство всех значимых её компонентов.

Как представляется, можно выделить четыре основных методологических особенности, связанных с проблемой политологического анализа несистемной

оппозиции как многомерного социально-политического явления. *Первая* и в известной мере парадоксальная *особенность* обусловлена тем, что несистемность в качестве базовой характеристики применима только в контексте дуалистического конструкта «власть – оппозиция». Как справедливо замечает Д.И. Давыденко, исследование специфики несистемной оппозиции «показало возможность использования системного подхода для изучения данного явления, включенность радикальных оппозиционных движений в политическую систему современной России» [42, с. 11].

Вторая особенность заключается в необходимости анализа несистемной оппозиции в оптике трансформаций конкретной политической системы (в рамках проводимого нами исследования – политической системы современной России), с учетом национальной политико-культурной традиции, схем выстраивания отношений между властью и социумом (вертикально-персоналистской, авторитарно-корпоративной, гибридной конкурентно-элитарной, конкурентной и другими)

Третья особенность вытекает из сложности выработки единого дифференцирующего критерия несистемности, даже применительно к отдельно рассматриваемой национальной политической системы. То есть, все интегративные критерии, позволяющие различать системных и несистемных игроков политического пространства будут носить подвижный характер, зависеть, в том числе, от текущих политико-конъюнктурных моментов, субъективной интерпретации правящей группой уровня рисков, связанных с оппозиционной деятельностью различных политических акторов.

Четвертая особенность заключается в следующем: серьезные методологические сложности как для научного осмысления рассматриваемого феномена, так и для прикладного политического анализа (в том числе, оперативного мониторинга процессов в протестной среде) представляет факт неоднородности несистемного поля [42; 60; 109; 130]. Причем указанная неоднородность проявляется не только в виде политико-идеологических расхождений между его участниками – оппозиционными лидерами

и возглавляемыми ими структурами – но и на уровне выбора повседневной политической тактики применительно к текущей ситуации (например, весьма показателен раскол несистемных оппозиционных сил по поводу участия / неучастия в голосовании о поправках в Конституцию Российской Федерации 1 июля 2020 г.). Однако, преодоление тактических расхождений может привести и к синергетическому эффекту ситуативной консолидации за счет расширения повестки дня.

Таким образом, представляется возможным рассматривать несистемную оппозицию как неотъемлемую часть широкого спектра политической оппозиции, находящуюся на периферии или вне политико-правового пространства, что выражается в отсутствии системного участия в электоральных процессах (эпизодическом участии или отказе от такового), а также широкое использование не конвенциональных практик политической борьбы. Однако в данном ракурсе также важно и то, что вся несистемная оппозиция не делает акцент исключительно на не конвенциональных инструментах борьбы, не сводясь, тем самым, к радикальной оппозиции. Для последней интеграция в системное поле является, по существу, не приемлемой, а для другой, также части несистемной оппозиции – наоборот, желаемой, но не возможной по причине противодействия государственной власти («выдавливания» за пределы системного поля). То есть, несистемная оппозиция не исчерпывается радикальной, хотя следует признать, что часто именно радикальные силы образуют ядро несистемного поля. В то же время субъективно-оценочные рамки понимания радикализма (в отличие, например, от политического экстремизма), широкое использование данного понятия в целях политической стигматизации, не позволяют говорить и о том, что политический радикализм – факультативный атрибут исключительно тех политических сил, которые находятся вне системного поля политики. Таким образом, радикализация требований и неконвенциональные действия могут рассматриваться как дополнительные признаки несистемности (что весьма актуально в современных российских условиях), но не выступают

универсальным маркером, поскольку значительная часть оппозиционных сил и отдельных лидеров, причисляемых по тем или иным причинам к несистемным, не призывает к прямым насильственным или иным противозаконным акциям [42; 130].

Также представляет интерес разграничение понятий «*несистемная оппозиция*» и «*протестные политические акторы*». Здесь следует заметить, что эти понятия не взаимно тождественны, а находятся в пересекающихся плоскостях. С одной стороны, совокупность всех протестных акторов как политических субъектов, системно или ситуационно проявляющих себя посредством различных форм протеста, естественно не исчерпывается только несистемной составляющей. Системные политические силы, интегрированные в существующую нормативно-институциональную конфигурацию, также могут выступать инициатором и участником политического протеста, особенно если речь идёт о ситуативных и локальных, проблемно-фокусированных его проявлениях (не против власти в целом, а против недостатков проводимой отраслевой политики, на отдельной территории и так далее). С другой стороны, понятие «*протестные политические акторы*» подразумевает выраженную поведенческую составляющую, связанную с активной функцией организатора или участника актуальной протестной динамики. Это позволяет считать, что далеко не все несистемные оппозиционные группы в полной мере соответствуют данному поведенческому признаку, часто являясь протестными акторами лишь формально и декларативно.

Отдельное, пока еще формирующееся направление современной оппозитологии, представляет собой анализ ключевых факторов, способствующих переходу системных игроков в несистемное качество и кристаллизации несистемной оппозиции как специфического сегмента политического пространства [60, с. 1183-1184].

Можно подчеркнуть, что сегодняшней политической науке не сложилось консенсуса по указанному вопросу. Более того, упоминаемые факторы в большинстве своем носят весьма размытый характер и детерминированы

политическими взглядами самих исследователей. Поэтому представляется наиболее обоснованным вести речь не об отдельных факторах, а о группах факторов, влияющих на статус того или иного оппозиционного субъекта.

На наш взгляд, первоочередное значение имеют субъективно – психологические факторы, которые служат триггером конституирования определенной схемы отношений «власть - оппозиция». По существу, речь идет о двух взаимодополняемых моментах. Первый связан с отношением власти (более конкретно – политического руководства страны; лиц, принимающих решения) к оппозиционным силам различной направленности: готовностью или неготовностью признавать их в качестве легальных участников политического процесса, степени субъективного восприятия рисков, исходящих от оппозиции, а также о психологической готовности к применению репрессивных практик против отдельных оппозиционных групп. Естественно, если во властных структурах доминирует негативное отношение к оппозиционной деятельности, установка на использование неконкурентных административных и / или силовых механизмов, то возникает вероятность, что значительная часть оппозиции (которая вполне могла бы системно функционировать в рамках конкурентной политической архитектуры) будет вытеснена во внесистемное пространство. Второй момент – установки оппозиционных лидеров и их последователей относительно правящего режима и методов борьбы за власть (например, готовы ли они к насильственным действиям, несанкционированным массовым акциям).

Вторая группа факторов – политико-культурные особенности, которые во многом предопределяют (хотя и не детерминируют) взаимоотношение правящих элит с другими социальными слоями. Естественно, что в условиях доминирования авторитарной традиции, вертикальной политической коммуникации и патерналистских установок массового сознания создает благоприятный фон для распространения в обществе неконвенциональных практик политической борьбы [60; 64; 70]. Не отрицая серьезного значения политико-культурной традиции, следует отметить, что апелляция к ней,

всевозможные реминисценции и исторические параллели часто используются для манипулирования массовыми настроениями, выступая в качестве универсальной, предельно стереотипизированной объяснительной схемы. В данном ракурсе показательны мнения и сторонников действующей российской власти, и несистемной оппозиции. Так, представители первой регулярно говорят о исторически сложившейся персоналистской модели государственного управления и о невозможности имплементации институтов «западной демократии» в отечественных реалиях. Сторонники второй утверждают, что режим «авторитарный», «тоталитарный» (список эпитетов можно продолжить), тотально фальсифицирует выборы всех уровней. Следовательно, борьба с ним возможна исключительно радикальными методами.

Третья группа факторов, заслуживающая несомненного внимания – институциональные. Можно констатировать, что совокупность политических институтов, определяющих нормативную и организационную специфику функционирования конкретной политической системы, непосредственно «задаёт» рамки и возможности интеграции разнородных политических сил в системное политическое пространство или наоборот, «выталкивает» их на периферию, во внесистемное поле. Очевидно, что в контексте многогранного понимания несистемной оппозиции, её места в политическом процессе, понимание института, исходя из формально-нормативного подхода, представляется крайне редуцированным хотя бы в силу того, что и радикально ориентированные оппозиционные силы, и сама действующая власть часто склонны игнорировать правовые нормы. Более того, для авторитарных и гибридных политических режимов характерен конъюнктурный взгляд на нормативную систему общественных отношений, что выражается в регулярном изменении законодательства о деятельности политических партий, выборах, СМИ сообразно интересам текущего момента. Поэтому считаем, что в данном случае более продуктивным представляется использование концепций неоинституционализма [43; 57], в которой сама природа института определена

через совокупность формальных норм и устоявшихся неформальных правил. Политический институт в таком случае – продукт некой социокультурной традиции властно-общественного взаимодействия, ценностно-поведенческая квинтэссенция всего многообразия политического опыта, включая деятельность оппозиции.

Следующая проблема, связанная с комплексным теоретическим осмыслением феномена несистемной оппозиции, – выработка приемлемой типологизации различных акторов, её составляющих. Анализ зарубежных и российских исследований показывает, что выделение тех или иных типов оппозиции всегда зависит от особенностей конкретной политической системы и не может быть универсальным [43; 84, с. 26-28]. Тем не менее, можно выделить несколько критериев классификации несистемных политических субъектов. Первый основан на использовании идеологической шкалы лево-правого континуума и отражает идеологические установки и ориентиры участников несистемно-оппозиционного движения. Вторым критерием репрезентирует степень радикализма по отношению к действующей власти (конвенционально - ориентированные – конфронтационные – радикальные). Третий критерий, который может быть использован для внутренней дифференциации несистемного сегмента, – позиция власти по отношению к конкретным структурам и лидерам оппозиции.

Говоря о современных российских реалиях, можно с известной долей условности выделить три группы:

- имитационную оппозицию, создаваемую самим правящим режимом в целях контроля над массовыми протестными настроениями, усиления внутренней конфликтности или дискредитации отдельных несистемных игроков;

- несистемную оппозицию, находящуюся, как правило, за пределами электорального пространства, но формально заявляющую о своей приверженности конвенциональным установкам и готовности действовать в пределах правового поля. Такие силы, как правило, сталкиваются с серьезным

административным противодействием на всех уровнях, но их сторонники не подвергаются уголовному преследованию;

– антисистемную (радикальную) оппозицию, деятельность которой носит выраженный агрессивный характер и поэтому не просто наталкивается на административное противодействие, но запрещена действующей властью, а её лидеры находятся либо под арестом, либо за пределами страны.

Условность такого разделения связана и с тем, что многие оппозиционные силы сочетают в себе конвенциональную риторику, попытки интегрироваться в электоральное пространство и радикальные акции. В то же время действующая власть также склонна менять свое отношение к отдельным оппозиционным движениям и их лидерам. В России 2010-х годов ярким примером того, как правящий режим менял свое отношение к конкретному оппозиционному лидеру, инкорпорируя его в системное пространство, а затем, исключая из этого пространства, является политическая биография А.А. Навального. Как известно, он прошел путь от несистемного деятеля с маргинальным статусом до системного политика (принял участие в выборах мэра Москвы в 2013 г.) и снова превратился в несистемного «игрока», одного из лидеров радикального крыла оппозиционного движения, который подвергся уголовному преследованию. Таким образом, в современных реалиях номинальный статус системности / несистемности того или иного оппозиционного субъекта – объединения или отдельного политика – тесно связан с решением текущих задач действующей власти и не имеет под собой глубоких идейных оснований.

Таким образом, в ходе анализа различных концептуальных схем осмысления несистемной оппозиции были выделены контуры основных диспозиций ее понимания: нормативной, электоральной, установочно-поведенческой, системно-коммуникативной. Основываясь на сочетании указанных концептуальных оснований, несистемную оппозицию можно определить как внутренне неоднородный сегмент политического пространства, находящийся вне либо на периферии правового поля, как правило,

не участвующий в электоральных процессах и выступающий как за изменение политического курса, проводимого действующей властью, так и за кардинальные институциональные трансформации сложившейся властной конфигурации и политической системы в целом.

1.3 Образ несистемной оппозиции в интернете: концептуальная модель исследования

Композиционный анализ образов несистемной оппозиции сопряжён с *вопросом структурной операционализации* понятия «политический образ». Следует отметить, что проблематика образов в целом и политических образов как их разновидности весьма проработана в отечественном и зарубежном социально-гуманитарном знании.

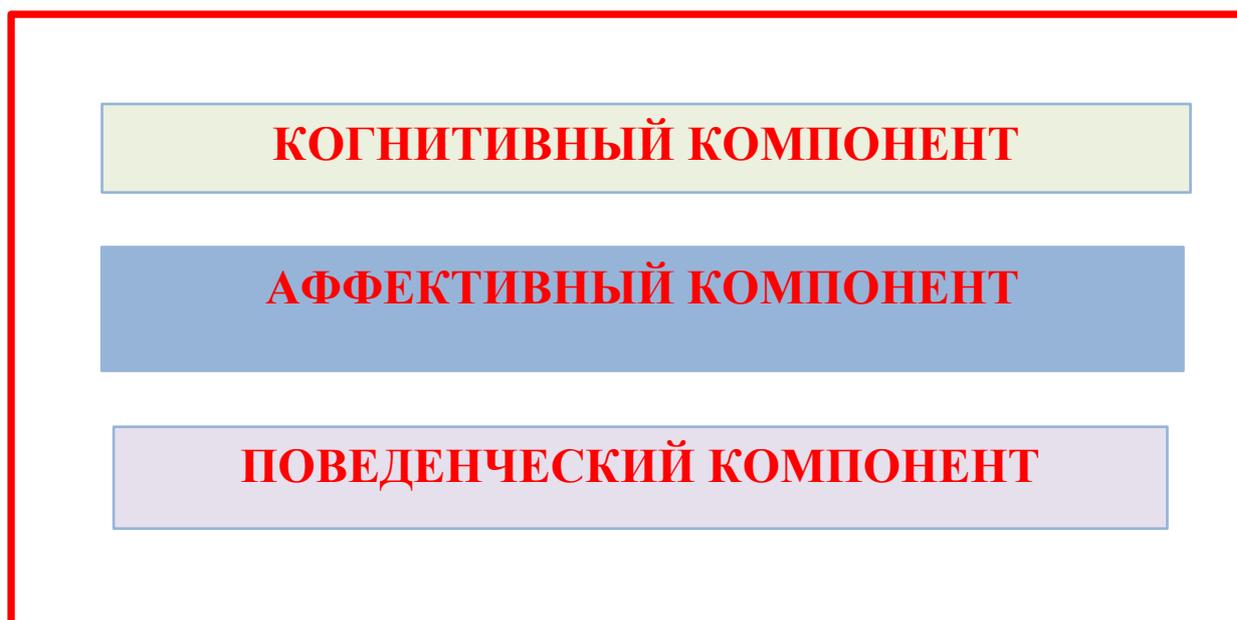
В основе отечественного понимания природы образов лежит концепция «образа мира», выдвинутая А. Н. Леонтьевым [74]. Согласно его подходу, образ мира есть некое многоплановое интегральное представление о действительности, совокупность значений, знаний, эмоций человека в его взаимодействии с внешним миром. Образ мира по своей сути есть «образ образов», в сложноорганизованной структуре которого выделяются множество элементов – образов (более низкого порядка), когнитивных конструкторов, аффективных импульсов [74]. Именно образ мира является «тем постоянным и никогда не исчезающим фоном, который предваряет любое чувственное впечатление» [20, с. 61].

Весьма продуктивными с точки зрения осмысления образов разнообразных политических явлений представляются исследования российской политической науки. Существенная часть указанных работ посвящена именно особенностям формирования и трансформации политических образов в интернет-пространстве, в условиях новой информационной реальности начала XXI века. При этом российская политико-психологическая традиция, в отличие от западной, достаточно четко

разграничивает понятия «имидж» и «образ» [18; 50]. Первое представляет собой сознательно формируемый информационный конструкт, продукт целенаправленной деятельности конкретных политических акторов, второе – симбиотический, часто внутренне противоречивый и опосредованный (через механизм восприятия) результат разнонаправленных несистематических воздействий, причем, как со стороны многочисленных «игроков» оппозиционного поля, так и самой интернет-аудитории. В этом ракурсе восприятие следует понимать как механизм «считывания» политической информации (например, имиджевых конструктов, транслируемых разнообразными политическими силами), а образ – как продукт психической деятельности, то есть, многоэтапной переработки данной информации массовым сознанием [18; 50; 66; 93].

Массовый образ как информационно-психический феномен проявляет себя, в том числе, через репрезентацию в пространстве массовых коммуникаций, включая социальные медиа Рунета. Механизмами такой репрезентации выступают сообщения пользователей, которые вовлечены в оппозиционную коммуникацию, но не являются ключевыми акторами несистемной оппозиции, не ведут целенаправленной деятельности по выстраиванию ее имиджа в цифровой среде, а транслируют собственные представления. В этом смысле массовый образ – есть конгломерат представлений, транслируемых в рамках определенного медийного поля, которые могут быть интерпретированы как некоторая, относительно целая, или наоборот, аморфная и фрагментарная, информационно-психологическая совокупность. Важно также отметить, что в российской социальной и политической психологии (Н.Б. Бокова [50], И.И. Глебова [5], С.В. Нестерова [89], Т.Н. Пищева [93], С.Д. Смирнов [20], Е.Б. Шестопап [113] и др.) сформировалась достаточно устойчивая традиция структуризации разнообразных социально-политических образов: субъектов, процессов и явлений. В её рамках в структуре образа выделяются три компонента – когнитивный, аффективный и поведенческий.

Нетрудно заметить, что указанные компоненты опосредованно взаимосвязаны с ключевыми сторонами высшей психической деятельности: динамической, операциональной и мотивационно-волевой. Основываясь на указанных выше теоретических разработках, можно осуществить структурную операционализацию понятия «политический образ», выделив в нем в качестве базовых когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты, что отражено на рисунке 1.

Источник: составлено автором по материалам [18; 20; 44; 50; 89; 22; 93; 113].
Рисунок 1 – Структурная операционализация понятия «политический образ»

Когнитивный компонент (профиль) образа представляет собой совокупность смыслов и транслируемых политических оценок, выступает идеологическим фундаментом позиционирования конкретных политических акторов в «виртуальном» пространстве [44; 113]. Помимо этого, в рамках данного профиля могут быть выделены и сугубо прикладные аспекты, связанные с реакцией на текущую политическую ситуацию, конкретные предложения в различных сферах государственной политики, перформатированию проводимого политического курса [89].

Не менее значимым видится *аффективный компонент (профиль)* образа несистемной оппозиции, который отражает как общий эмоциональный фон

оппозиционного дискурса в Рунете, так и определенные сегментарные различия (в частности, в вопросе отношения к действующей власти, отдельным её резонансным решениям). Можно отметить, что для анализа эмоционального профиля российской несистемной оппозиции особое значение имеет, в том числе, невербальный (визуализированный) интернет-контент, представленный различными изображениями и мемами. Говоря об осмыслении политических мемов, необходимо обратиться к работам Р. Докинза [7], С.В. Канашиной [68], К.Л. Рыжкова [99] С. А. Шомовой [114] и др. Согласно С.А. Шомовой, «под политическим интернет-мемом мы понимаем специфический жанр интернет-коммуникации; в этом качестве мы рассматриваем отдельные сообщения в новых медиа, представляющие собой реакцию на то или иное политическое событие, обладающие различной семиотической природой (визуальной, аудиальной, вербальной), отличающиеся броскостью содержания и «упаковки», подвергающиеся многочисленному копированию пользователями и спонтанно распространяющиеся в Сети» [114, с. 39].

Определенную специфику имеет и *поведенческий компонент (профиль)* образов российской несистемной оппозиции в Рунете. Необходимо оговориться, что речь идет в большей степени не о конкретных действиях, а о поведенческих установках и моделях поведения, исповедуемых различными несистемными акторами и касающихся ряда принципиальных вопросов (участия / неучастия в выборах, степени готовности к неконвенциональным действиям, установках на консолидацию / внутреннее противоборство). В то же время важно отметить, что массовый образ как некий результат представляет собой не сугубо внутриспсихическое явление, локализованное на индивидуальном уровне [93; 104; 113].

Указанный выше подход к пониманию структурной композиции политического образа представляется весьма распространенным, во многом унифицированным и не всегда достаточным. В частности, речь идет о том, что «политический образ», будучи некоторым общим знаменателем, всё же включает в себе и потенциал методологических вариаций. Самый характерный

момент в данном случае – очевидные различия между однородными субъектными, например, локальными и персонализированными образами, и сложными, многомерными, внутренне гетерогенными образами коллективных политических акторов [5; 93; 113]. Поэтому, помимо трех упомянутых классических компонентов (профилей), традиционно выделяемых в рамках политико-психологических исследований, в целях детализации научного поиска представляется целесообразным выделить два дополнительных профиля политического образа: *лидерский* и *символический*.

Выделение *лидерского профиля* в структуре образа несистемной оппозиции обусловлено тем, что политическая оппозиция, несомненно, должна рассматриваться как коллективный политический актор, подсистема политического пространства. Соответственно, вопросы политического лидерства занимают одно из центральных мест в современной политической науке в целом, и в тех исследованиях, которые сфокусированы на особенностях функционирования таких акторов: политических партий, движений, неформальных групп влияния [44; 89; 108]. Проблема политического лидерства в поле российской оппозиции, безусловно, изучалась отечественными исследователями, но при этом в меньшей степени затрагивала ее несистемный сегмент [44; 108]. По этой причине представляется необходимым обратить особое внимание на данный аспект в рамках проводимого исследования.

То есть, анализ лидерского профиля нацелен на оценку лидерского потенциала российской несистемной оппозиции: выявление персоналий, которые широко известны в российском интернет-пространстве, являются лидерами мнений для определенных социальных групп. Немаловажно, что некоторые из них способны выступить в качестве конвенциональных и отчасти консолидирующих фигур для различных оппозиционных сегментов.

Говоря о необходимости выделения и детального изучения *символического профиля* в структурном поле образа российской несистемной оппозиции следует уточнить, что данная научная проблема также остается

лакунарной. Основные символы, ранее используемые наиболее активными группами несистемной оппозиции, достаточно хорошо узнаваемы в публичном пространстве, но не осмысливались в контексте комплексного политологического понимания феномена несистемной оппозиции в целом, и ее образа в частности. Как известно, политический символ представляет собой материализацию смысловых и аффективных компонентов образа, способ их фиксации в массовом сознании и одновременно выполняет роль маркера в рамках определенных политических практик, как дискурсивных (идейно-политической демаркации «своих» от «чужих»), так и мобилизационных (организации протестных выступлений, привлечения сторонников в социальных сетях). В связи с этим анализ *символического профиля* представляется и необходимым, и продуктивным с точки зрения понимания возможностей комплексного символического потенциала (на основе сочетания разных идей и установок) мобилизации оппозиционных политических сил.

Безусловно, влияние на характер проводимого исследования оказывает и то, что рассматриваемый нами образ несистемной оппозиции формируется именно в процессе интернет-коммуникации, обретает репрезентацию в пространстве Рунета.

Следует отметить, что тотальная «интернетизация» всех социальных процессов, сопровождающаяся непрерывным совершенствованием цифровых технологий, стала глобальным трендом, во многом определившим и политический облик повседневности [71; 76]. Таким образом, можно всецело согласиться с мнением, что «широкое применение новых информационных и коммуникационных технологий является необратимой тенденцией мирового развития и научно-технической революции последних десятилетий. Особая роль в этом процессе принадлежит глобальной сети Интернет, которая, являясь специфическим интерактивным средством массовой коммуникации, уже активно используется в политическом процессе, бросая вызовы его традиционным институтам и механизмам» [77, с. 124]. Можно констатировать, что «цифра» способствовала не только ускорению разнообразных

трансформационных эффектов, интенсификации коммуникаций между различными политическими акторами (количества и скорости интеракций), но и задала новое качество политической реальности в целом.

Второе десятилетие XXI века (2010-е годы) стали периодом интенсивной «интернетизации» всех сфер жизни российского общества [24; 25]. Так, о темпах данного процесса наглядно свидетельствует аналитический обзор «2010-2020: самое драматическое десятилетие Рунета» [125]. В нём, в частности, отмечается следующее: «... в 2009 году интернетом в России пользовались 42 миллиона человек, а к середине 2019 года число пользователей превысило 95 миллионов человек – или 78% населения страны. Средняя скорость доступа России в 2010 году составляла 2,59 Мбит/сек. По этому показателю страна находилась на 27-м месте в мировом рейтинге. К концу 2019 года средняя скорость скачивания через фиксированный широкополосный интернет в России достигла 53,4 Мбит/с - и теперь по этому показателю страна занимает девятое место среди крупнейших экономических держав. Скорость мобильного интернета в России в среднем составляет 19,8 Мбит/сек, т.е. 10 место среди тех же крупнейших держав» [125].

Следует отметить, что на заре внедрения интернет-технологий в политические практики, в «информирующую» эпоху (то есть, когда преобладающим был «сайтовый» формат, а не социальные сети), в оценке интернет-коммуникации преобладали инструментальный и функциональный подходы. *Первый рассматривал глобальную сеть как инструмент, позволяющий интенсифицировать и улучшить качество информационных обменов между различными субъектами политики* [86; 87; 88; 89].

Второй – функциональный – подход представляется нам более разветвленными и эвристически продуктивным, поскольку пытался дать ответ на вопрос: какие качественные изменения в политике происходят в связи с развитием интернет-технологий (интенсификация и рост устойчивости обратной связи между властью и различными политическими группами; перенос части функций государства в электронные форматы; наметившийся

уже в начале 2000-х годов перенос центра тяжести электоральной агитации в сетевое пространство)?

Однако уже в конце 1990-х – начале 2000-х годов и в зарубежной, и в российской политической науке оформился пространственно-ориентированный сетевой взгляд на структурную организацию интернета, который стал пониматься не как инструмент, пусть и полифункциональный по своей природе, а как многомерное, полицентричное и разнородное в морфологическом плане социальное пространство, в котором происходит кристаллизация разнообразных социальных – от бытовых до глобальных политических практик [14; 102; 119]. Многомерное пространственное понимание Интернета, упор на его сетевую архитектуру – указанные моменты способствовали перефокусированию исследовательского интереса от его прикладных функций к новому смысловому и символическому качеству политики, генерируемому в его границах, но часто перетекающему в офлайн-действительность [14; 48; 102]. Так, «коммуникационные ресурсы Сети как открывают дополнительные возможности для уже существующих в офлайне объединений, так и порождают свои виртуальные объединения, не существующие в реальном мире. Интернет дает возможность идентификации и самоопределения группам общественности, которые не могут сформироваться в реальном пространстве» [85, с. 150].

В этом случае физическая и виртуальная реальности политического процесса сливаются в интегративное по своей сути пространство симулятивной реальности. Под данным типом реальности подразумевается «многомерное пространство политических симулякров в их взаимодействии и трансформации». При этом ученые выделяют три ключевых её свойства. Первое – ускоренная динамика («гипердинамия»), что приводит к неустойчивости смыслов и сложных когнитивных конструктов, их замене простыми и непротиворечивыми формами познания и репрезентации действительности [48]. Второе – избыточный эффект психоэмоциональной «наркотизации», перенос центра тяжести от когнитивных форматов к эмоциям.

Третье свойство – отчетливо выраженная стрессогенность, постоянное генерирование именно негативных эмоций, что в конечном итоге оказывает деструктивное влияние на массовое сознание и, следовательно, уменьшает устойчивость современных политических институтов [92; 95].

Размышляя об особенностях Рунета в целом, как некой социокультурной среды и разделяя идею его отличия от других национальных аналогов, можно полагать, что специфика российского сегмента интернет-пространства отчасти обусловлена внутренними психологическими установками «типичного» (среднестатистического) интернет-пользователя [58; 66]. Среди таких факторов и установок наиболее часто выделяются высокий уровень образования (что стимулирует соответствующий уровень запросов к контенту), склонность к рефлексии, негативизация действительности, включая, разумеется, и политику во всех её проявлениях.

Таким образом, на первый план выходит вопрос о некоторых *базовых исторических, социокультурных, психологических, свойствах (особенностях) политического пространства Рунета.*

Важно подчеркнуть, что в российской политической науке исследований по данному вопросу весьма немного. Однако некоторые из них в сочетании с трудами зарубежных ученых, направленных на поиск универсальных свойств глобальной Сети, позволяют выработать авторский взгляд на указанную проблему, который представлен в таблице 2.

Таблица 2 – Ключевые характеристики Рунета как динамичного коммуникативного пространства

Характеристика	Содержание
1	2
Ускоренная динамика (более быстрая смена повестки дня по сравнению с офлайн-средой)	Более быстрое обновление актуального новостного контента в соцмедиа Рунета, которое достигается и за счет большего разнообразия онлайн-контента (мнений, оценок, комментариев), что продуцирует дополнительный психологический «эффект движения» политического пространства Рунета

Продолжение таблицы 2

1	2
Разность политических повесток («дискурсов») Рунета и традиционных российских СМИ	Политическая повестка Рунета более разнообразна, сегментирована и менее комплиментарна действующей власти, чем повестка традиционных СМИ
Рунет – среда конструирования «виртуальных» идентичностей	Глобальная Сеть став важнейшим «пространством повседневности» современного человека, неизбежно ставит перед ним проблему идентификационного выбора. На первый план выходит поиск рефератной группы, которая удовлетворяла бы его потребность в коллективной самоактуализации, приемлемом «образе «нас» как некоем символично-смысловом конструкте
Упрощение когнитивной составляющей образов и рост значимости эмоционального компонента	Преобладаем тренд на эмоционально окрашенное восприятие политической картины мира, который характеризуется преобладанием негативных эмоций, неуклонным ростом конфликтности, отсутствием полноценного диалога между различными политическими субъектами (в том числе, акторами несистемной оппозиции)
Структурная фрагментация аудиторий	Политические аудитории Рунета достаточно четко разграничиваются, исходя из собственных идейных предпочтений

Источник: составлено автором.

Говоря о быстром устаревании коммуникативных форматов, можно привести характерный пример: такой востребованный формат начала – середины 2010-х годов, как текстовая онлайн-трансляция, уже является во многом архаичным и уступил место «стримам». Во многом данная тенденция объясняется теми специфическими свойствами «политического Рунета», о которых было сказано выше: ускоренной динамикой, которая проявляется не только в быстрой смене повестки дня, в том числе, акцентом на визуализацию контента. Сегодня, в начале 2020-х годов можно зафиксировать тот факт, что именно «стрим» стал одной из основных форм репрезентации новостного контента в социальных медиа Рунета. Это особенно актуально в свете того, что значительная часть блогеров и новостных ресурсов специализируется на оперативном предоставлении информации о различных протестных акциях.

Помимо генерализованных особенностей (свойств) политической сферы Рунета, представленных выше, считаем необходимым остановиться на двух его

характеристиках, которые имеют непосредственное отношение к деятельности российской несистемной оппозиции в интернет-пространстве сегодня.

Первая характерная черта «политического Рунета», которую фиксируют (и фиксировали ранее, начиная с конца 1990-х годов) ученые и аналитики – его оппозиционность по отношению к действующей власти. При этом, главным образом речь идёт о деятельности несистемной оппозиции, социальных медиа Интернета как драйвере протестных настроений и нередко – неконвенциональных политических практик [91; 95; 110]. Естественно, указанный тренд не мог в полной мере проявить себя до 2006-2008 гг. – наступления «эпохи социальных сетей» в российском интернет-пространстве. Здесь необходимо отметить, что указанный временной отрезок совпал с электоральным циклом 2007-2008 гг., который ознаменовался во многом имитационным по своей сути транзитом власти и параллельным выстраиванием модели управляемой демократии, резким сокращением пространства политической конкуренции.

Если во второй половине 2000-х – начале 2010-х годов исследователи говорили, что среди пользователей Рунета, активно интересующихся политикой, достаточно широко распространены либеральные взгляды и, помимо этого, социальные медиа стали пространством активности «русских националистов», вытесненных системного публичного пространства российской политики, то после протестов 2011-2012 гг. в центре внимания оказалась несколько иная тенденция. Она была связана с негативизацией риторики юзеров в отношении Президента России В.В. Путина, радикализацией антивластных интенций интернет-сообщества.

Вместе с тем, необходимо учитывать и тот факт, что оппозиционность значительного числа российских интернет-пользователей носит именно неструктурированный («несистемный» в широком смысле слова) характер: «власть» и её оппоненты не дифференцируются, образ первой часто инкорпорирует в себя и оппозицию. Эту ситуацию весьма точно на примере политических интернет-мемов описывает С.А. Шомова: «активно

карнавализируя в своем мемомтворчестве образы властей предрержащих, аудитория Рунета с не меньшим критицизмом смотрит и на представителей российской оппозиции» [114, с. 35].

Вторая характеристика, тесно связанная с функционированием несистемной оппозиции в Рунете, обусловлена фрагментарностью политической сферы последнего как одной из определяющих черт онлайн-поведения российской политической интернет-аудитории. Активное развитие социальных медиа провоцирует и усиливает дальнейшее размежевания (а нередко и «геттоизацию») виртуального пространства в целом, в том числе, и несистемных оппозиционных групп, которые становятся во многом закрытыми сообществами. Причем, речь идёт не об отсутствии «виртуальных площадок» пересечения различных аудиторий, а о генерировании специфической кулуарной атмосферы и резко агрессивной реакции на всевозможные вторжения идейно-политических «чужих», которые воспринимаются часто как «враги»). Говоря о тренде фрагментации политического поля интернет-коммуникации, ученые справедливо отмечают такие его последствия, как рост психоэмоционального отчуждения значительной части юзеров от реальной политической повестки дня, которая интересует большинство россиян, рост числа радикального и алармистского контента, дисфункциональный характер коммуникативного взаимодействия вследствие отсутствия развитых навыков политического диалога.

Необходимо особо отметить, что проблема фрагментации политической сферы Рунета вплотную приближает нас к вопросу о его структурной организации как политического пространства. Указанный вопрос важен, прежде всего, в рамках осмысления места различных акторов несистемной оппозиции в нём. Следует оговориться, что в российской политологической традиции за последнее десятилетие сложились три принципиальных взгляда на структурные особенности Рунета как неоднородного и тяготеющего к фрагментации политического пространства.

Первый взгляд – условно психологический – представляется весьма актуальным в контексте анализа именно социально-политических образов, которые рассматриваются не в атомарном качестве, а как структурно сложные композиции [23; 64]. В его основании лежит понимание российской оппозиции, представленной в виртуальной среде, как некоего конгломерата («пространства в пространстве»), в котором представлены и активно циркулируют разнообразные символы (в том числе, в виде мемов), а также когнитивные элементы – смысловые единицы, соединенные в разнонаправленные идеологемы («либеральную», «левую», «экологическую» и другие). Помимо этого, содержание указанного конгломерата также образуют эмоциональные составляющие (которые часто не только служат соответствующими фреймами когнитивных конструкторов, но и подменяют их, порождая политические симулякры) и поведенческие модели, предлагаемые различными политическими силами в контексте текущей политической динамики [104; 105].

Однако можно заметить, что при всей своей оригинальности и теоретической привлекательности указанный подход к структуризации политической сферы Рунета выводит за скобки глубокие идеологические размежевания. «Несистемная оппозиция», таким образом, искусственно превращается в некий обезличенный и консолидированный на основе неприятия действующей власти коллективный субъект, что, безусловно, противоречит существующим сегодня реалиям.

Второй взгляд, на проблему структуризации политического пространства Рунета, который можно условно назвать конфигурационным, восходит к началу эпохи социальных сетей в России (вторая половина 2000-х годов) и базируется на разграничении двух функциональных составляющих интернет-коммуникации: «информирующей» (официальные и полуофициальные сайты политических сил, их слабо обновляющиеся страницы в социальных сетях, контент которых в значительной степени дублирует содержание сайтов) и собственно интерактивной (горизонтальной). Его использование подводит нас к пониманию важности диалоговых форматов, разветвленной обратной

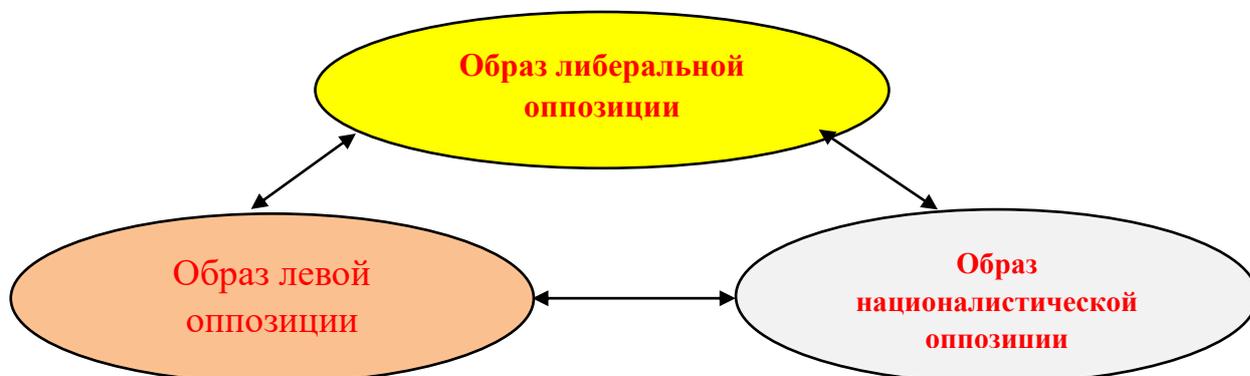
связи в процессе обмена актуальной политической информацией [1; 54]. Сегодня значение диалоговой составляющей возрастает, поскольку качественная обратная связь выступает не некоторой дополнительной опцией, а инструментом непрерывной агитации и массовой мобилизации сторонников.

Важно подчеркнуть, что указанный взгляд на структуру политического поля Рунета не является статическим и, тем более, не противопоставляет вертикальный (условно «сайтовый») и горизонтальный (социально-сетевой) форматы. Однако бурный рост числа соцмедиа, интенсивное развитие блогосферы Рунета в начале 2010-х годов (речь идёт о появлении микроблогов – Живого журнала и Твиттера) привело к его усложнению и выделению нового формата политической коммуникации – диагонального. Суть последнего заключена в том, что консолидация сетевого сообщества происходит вокруг определенных «лидеров мнений», задающих конкретную повестку дня, инициирующих дискуссию и во многом определяющих её смысловую направленность и эмоциональную тональность.

Третий – политико-идеологический – взгляд на структуризацию «несистемного» политического пространства Рунета представляется наиболее продуктивным именно в контексте дифференциации оппозиционных групп, представленных в цифровом пространстве. Он опирается на традиционное для классической политической теории и активно используемое в постсоветской России политико-идеологическое размежевание правых (националистических), левых (от радикальных до умеренных) и либеральных сил несистемной оппозиции [168]. При этом заметим, что подобное сегментирование не исключает неоднородности каждого из сегментов: поэтому отдельные исследователи используют понятие «спектр» применительно ко всем трем группам.

Пример использования данного подхода в рамках анализа политического пространства Рунета был озвучен на семинаре «Трудный путь к нации: проблемы и перспективы национально-гражданской интеграции в России» (22.10.2012), на котором были представлены результаты исследования

«Этнополитическая проблематика в российской блогосфере» [168]. Размышляя о структурных особенностях политически активной интернет-аудитории, авторы исследования выделили четыре группы: одну провластную («путинисты») и три оппозиционные («либералы», «националисты», «левые») [168]. При этом маркеры «правые» и «левые» традиционно используются в рамках лево-правового континуума, когда не предполагается выделение субсегментов. Ещё один существенный момент: идеологический критерий размежевания оппозиционных сил в интернет-пространстве не только воспроизводит их структуру в офлайн-среде и базируется на экспертных оценках, но также учитывает в качестве одного из определяющих критериев самоидентификации, то, к какой части оппозиционного спектра причисляют себя те или иные акторы. То есть, опираясь на идеологический принцип (на основе «лево-правого континуума»), можно выделить в структуре несистемной оппозиции три сегмента и соответствующие им сегментарные образы: правый сегмент, к которому относятся националисты, и соответствующий ему образ националистической оппозиции; левый сегмент и соответствующий ему образ левой российской оппозиции; либеральный сегмент и соответствующий ему образ либеральной оппозиции. Учитывая рассмотренные выше концептуально-теоретические основания, можно зафиксировать базовый уровень сегментирования собирательного образа несистемной оппозиции на основе политико-идеологического принципа, что отражено на рисунке 2.

Источник: составлено автором.

Рисунок 2 – Собирательный образ российской оппозиции как конгломерат сегментарных образов

Иными словами, критическим моментом является то, что указанная выше структура – условный «собираемый образ» несистемной оппозиции – в сегодняшних российских реалиях не является некой содержательной целостностью, представляет собой не образ явления или института как такового, а конгломерат фрагментов массового сознания, слабо взаимосвязанных между собой. Поэтому в рамках исследования акцент сделан не на унифицированном «образе» как завершенной структурной композиции, а именно на сегментарных образах левой, либеральной и националистической оппозиции, складывающихся в социально-медийном пространстве Рунета. Опираясь на проведенную структурную операционализацию понятия «политический образ», можно предложить концептуальную исследовательскую модель. Данная модель предполагает последовательное изучение трех сегментарных образов несистемной оппозиции – либеральной, левой и правой. Указанная модель представлена на рисунке 3.

Источник: составлено автором.

Рисунок 3 – Концептуальная модель изучения образа несистемной оппозиции

Характеризуя представленную концептуальную модель, необходимо выделить три нюанса ее понимания.

Во-первых, последовательное изучение образов либеральной, левой и националистической оппозиции позволяет зафиксировать как их общие особенности (которые отражают специфику образа-конгломерата несистемной оппозиции в целом), так и специфические черты каждого из трех рассматриваемых конструктов.

Во-вторых, представленные в структуре образов когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты (профили) отличаются внутренним динамизмом и являются взаимосвязанными, коэволюционируют во взаимодействии друг с другом.

В-третьих, лидерский и символический профили, дополнительно выделенные в рамках сформулированной модели, впитывают в себя, а затем ретранслируют в онлайн-пространство целый ряд когнитивных, аффективных и эмоциональных элементов, присутствующих в структуре сегментарных образов, являясь по существу, не обособленными содержательными (смысловыми или эмоциональными блоками), а ракурсами, отражающими важные качественные характеристики данных образов.

Следует особо отметить, что современные ученые, исповедуя интегративный подход, рассматривают развитие политического пространства Рунета в ракурсе более объемного и многогранного процесса *цифровизации или цифровой трансформации политики*. В свою очередь, под цифровизацией политики понимается интенсивное распространение цифровых технологий, что приводит к видоизменению традиционных политических институтов и отношений, доминированию политических смыслов, символов и практик, порожденных виртуальной средой и ставших массовыми.

Необходимо упомянуть, что если одни исследователи используют понятия «цифровизация» и «цифровая трансформация» как синонимы, то другие акцентируют внимание на различиях. Они говорят о том, что цифровая трансформация – современная стадия цифровизации (вслед за

компьютеризацией, «интернетизацией» и информационной глобализацией), которая характеризуется всеобъемлющими изменениями политики, начавшимися в первом десятилетии XXI века и активно продолжающимися по сей день. Не ставя в рамках данной работы цели детального осмысления теоретических подходов к цифровизации, можно в целом согласиться с мнением А.Е. Конькова, что «за прошедшие неполные четверть века объект исследования цифровизации в мировом общественном сознании значительно расширился. Можно выделять такие базовые направления работ, как изучение влияния технологий на возможности социального участия, функциональные особенности приложения отдельных технологий в общественной динамике – в первую очередь, больших данных, а также искусственного интеллекта и других, проблемы безопасности и цифровой зависимости» [71, с. 8].

Отдельного внимания заслуживает вопрос о рисках, порождаемых цифровой трансформацией. В данном контексте существенный интерес представляют как фундаментальные исследования в области политических рисков и дисфункций, характерных для информационного общества (Г.Л. Акопов [1], У. Бек [2], А.В. Брега [51] Э. Гидденс [4]), так и труды, посвященные информационно-политическим рискам и вызовам цифровизации на современном этапе её развития (С.В. Володенков [55], В.В. Кафтан [69], А.А. Косоруков [73]). При этом речь идёт как о рискогенных проявлениях, ограничивающихся онлайн-пространством, так и о деструктивных эффектах, генерируемых в пространстве Рунета, но переходящим и физическое (офлайн) политическое пространство.

На сегодняшний день не сложилось какой-либо унифицированной или общепризнанной классификации рисков цифровой трансформации, обусловленных качественной динамикой Рунета. Более того, ученые, обращающиеся к данной проблематике, как правило, исходят из идеи, что невозможно провести выраженный водораздел между макросоциальными и собственно политическими вызовами, инициируемыми совершенствованием и тотальным распространением цифровых технологий. Поэтому в большинстве

случаев речь идёт о социально-политических рисках цифровизации и развития интернет-технологий как её магистрального направления. Например, В. Сальников среди фундаментальных рисков цифровизации выделяет «неприятие цифровой морали» (когда право принятия решений предоставлено алгоритмам), риски «суперутечек» данных и технические риски поражения цифровых алгоритмов вирусами [161].

Более широкий политико-экономический подход предлагает Д.Р. Мухаметов. Он выделяет пять политических рисков цифровизации, среди которых наиболее значимым с точки зрения отношений «власть – оппозиция» является неравномерность социально-экономического развития, усиливающаяся по причине нарастания цифрового разрыва. Это порождает усиление социального неравенства, которое может негативно сказаться на устойчивости политической системы [88, с. 61-63].

Основываясь на рассмотренных выше подходах, считаем возможным особо выделить четыре политических риска, актуальных в контексте отношений «власть – несистемная оппозиция» в цифровом пространстве. Данные риски, их значение для власти и оппозиции, представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Основные цифровые риски в политическом пространстве Рунета

Цифровой политический риск	Значение для власти и оппозиции
Угроза «цифрового тоталитаризма»	Политическая конкуренция обретает латентный характер и одновременно- отчетливо деструктивные формы
Возможность целенаправленного тиражирования недостоверной информации («фейков»)	Снижение доверия к политике в целом: возможность дискредитации <i>всех</i> акторов политического процесса
Преобладание негативной политической повестки дня	Перспектива дестабилизации всех элементов политической системы
Недостаточная функция государства как «мягкого» регулятора политического пространства Рунета	Взаимно направленная радикализация политических практик в цифровой среде: «запретительных» - со стороны государства; протестных – со стороны оппозиции

Источник: составлено автором.

Можно заключить, что политико-идеологический подход был выбран в качестве основополагающего для выделения и дальнейшего изучения образов трех основных идейно-политических групп российской несистемной оппозиции, наиболее ярко представленных в Рунете: «либералов», «левых» и «националистов». Структурная операционализация понятия «политический образ» позволяет выделить в каждом из трех указанных сегментарных образов три «классических» компонента (профиля): когнитивный, аффективный поведенческий, а также два дополнительных профиля: символический и лидерский.

Выводы по главе 1

1) Были рассмотрены и структурированы основные подходы к определению и последующему изучению оппозиции в политической науке: неоинституциональный, девелопменталистский, коммуникативный, конфликтологический, элитаристский (конкуренции элит), структурно-функциональный. Представляется, что акцент на сочетание коммуникативного и неоинституционального наиболее продуктивен в плане понимания современной оппозиции. В рамках исследования выделены и проанализированы четыре ключевых точки зрения на генезис и особенности несистемной оппозиции: нормативная, электоральная, установочно-поведенческая, системно-коммуникативная.

2) Несистемную оппозицию можно определить как внутренне неоднородный сегмент российского политического пространства, находящийся на периферии либо вне правового поля, как правило, не участвующий (или эпизодически участвующий) в электоральных процессах и выступающий как за изменение политического курса, проводимого действующей властью, так и за кардинальные институциональные трансформации сложившейся властной конфигурации и политической системы в целом. Были описаны три группы факторов, способствующих переходу системных субъектов политического поля в несистемное качество и наоборот: институциональные (включая

нормативную составляющую), политико-культурные и субъективно-психологические.

3) Анализ Рунета как социально-политического пространства, имеющего сетевую коммуникативную архитектуру, позволяет выделить несколько наиболее значимых её свойств, таких как: ускоренная динамика в сравнении с офлайн-средой; существенная разность политических повесток («дискурсов») Рунета и традиционных российских СМИ; конструирование в ней «виртуальных» политических идентичностей и связанных с ними неформальных политических микросоциумов; упрощение когнитивной составляющей политической интернет-коммуникации и рост значимости эмоционального фактора; быстрое устаревание предшествующих форматов продвижения политического контента. Вместе с тем были особо отмечены такие важные характеристики политического сегмента Рунета на современном этапе его развития, как стремление к резкой эскалации конфликтной социально-политической повестки и нарастающая фрагментированность.

4) Обозначены и детализированы ключевые подходы к осмыслению структуры политической сферы Рунета. Идеологический подход выбран в качестве основополагающего для выделения и дальнейшего изучения сегментарных образов трех основных сегментов российской несистемной оппозиции, представленных в Рунете: «либералов», «левых» и «националистов». При этом также отмечены несколько основополагающих рисков, связанных с дальнейшей эволюцией политического пространства Рунета: опасность усиления контроля со стороны государства («цифровой тоталитаризм»), возможность бесконтрольной генерации и распространения «фейков», высокий уровень агрессии, что снижает устойчивость политической системы общества.

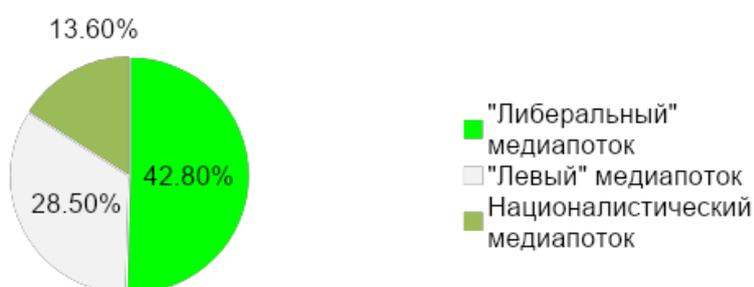
5) На основе структурной операционализации понятия «политический образ» были зафиксированы три его основополагающих структурных компонента (профиля): когнитивный, аффективный, поведенческий, а также два дополнительных профиля: лидерский и символический. Сформулирована

концептуальная модель изучения трех сегментарных образов несистемной оппозиции (либеральной, правой и левой) в пространстве Рунета, предполагающая последовательный анализ их ключевых компонентов (когнитивного, аффективного, поведенческого) и двух дополнительных профилей (лидерского и символического) с последующим выделением наиболее важных общих и специфических черт, свойственных данным политическим образам.

Глава 2

Специфика образов российской несистемной оппозиции в социальных медиа Рунета: содержательное измерение

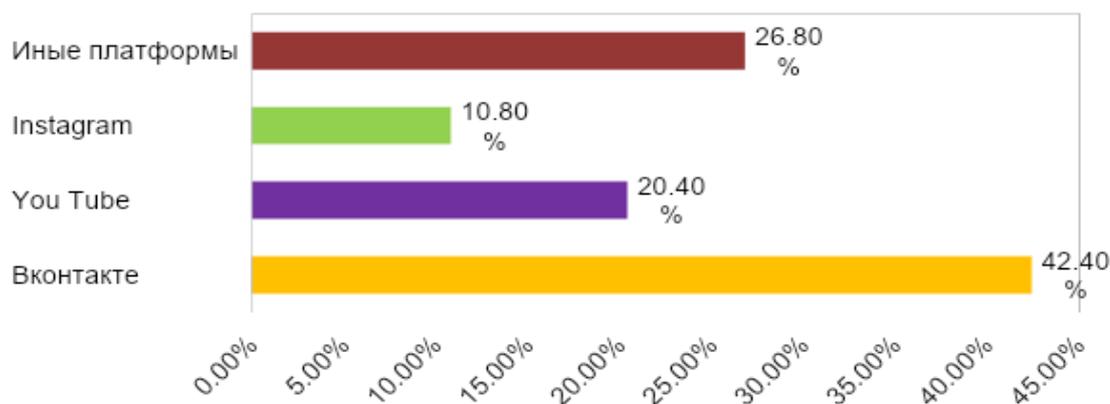
Представляется необходимым дать структурную характеристику разнонаправленным и во многом спонтанным медиапотокам, характеризующим либеральный, левый и националистический интернет-сегменты. Массив киберметрических данных был получен в рамках двух этапов мониторинга посредством системы мониторинга социальных медиа «Медиалогия». Первый этап был проведен 18-23 декабря 2020 г. Было собрано 156192 оригинальных сообщения пользователей в социальных медиа Рунета. Второй этап был проведен 15-21 февраля 2021 г. Было собрано 102784 оригинальных сообщения пользователей. Таким образом, было получено 258976 сообщений (единиц анализа). Из них 109893 сообщения идентифицированы на платформе «ВКонтакте»; 52894 – YouTube; 28055 – Instagram; 68134 – на иных медиаплатформах. Проведенный анализ свидетельствует о наибольшей интенсивности «либерального» информационного потока (110738 сообщений), и о наименьшей – националистического (35114 сообщений). Генерализованный «левый» информационный поток представлен 73914 сообщениями. Указанные данные отражены на рисунке 4.

Источник: составлено автором на основе автоматизированного мониторинга социальных медиа.

Рисунок 4 – Интенсивность медиапотоков в исследуемый период (от всего числа, включая не дифференцированные сообщения)

Рисунок 5 иллюстрирует распределение медиапотоков по основным цифровым платформам.

Источник: составлено автором на основе автоматизированного мониторинга социальных медиа.

Рисунок 5 – Распределение анализируемых медиапотоков по основным цифровым платформам

Интересно отметить, что большинство сообщений (72,6%) были опубликованы в декабре 2020 г. и феврале 2021 г. При этом пик протестной активности в рассматриваемый период пришелся на хронологический отрезок 17-31 января 2021 г., когда были проведены четыре крупнейшие несанкционированные акции в не менее чем 185 городах. Для сравнения, в феврале прошли лишь две сопоставимые по масштабам акции несистемной оппозиции (2 и 14 февраля 2021 г.). Объяснить отсутствие четкой корреляции между офлайн- и онлайн-активностью протестных групп, вероятно, можно следующим образом. В период с середины декабря 2020 г. оппозиционные ресурсы резко увеличили активность с целью мобилизации собственной аудитории, что потребовало резко увеличить поток публикаций. Непосредственно в период проведения несанкционированных акций ресурсы несистемных онлайн-медиа были сконцентрированы на освещении наиболее крупных беспорядков в live-режиме. Помимо того, именно во второй половине января представителям несистемной оппозиции в медиаполе пришлось

столкнуться с наиболее решительным противодействием со стороны правоохранителей.

Детальные характеристики информационных потоков, генерируемых российской несистемной оппозицией, представлены в приложении В.

2.1 Образ либеральной несистемной оппозиции в Рунете

Важно понимать, что идентификация того или иного сегмента российской несистемной оппозиции является весьма условной в силу двух обстоятельств. Первое – эклектичности идеологических принципов, исповедуемых или хотя бы декларируемых различными оппозиционными силами (то есть, налицо смешение разных идей и суждений).

По нашему мнению, наиболее ярко нечеткость идейно-политических границ проявляется именно у так называемого либерального крыла российской оппозиции, которое абсорбирует различные оттенки данного идейного течения и, как правило, не имеет даже косвенного отношения к традиционному либерализму. Последний из характеристики определенной политической идеологии превращается в метафору – конъюнктурную самореференцию, объединяющую и право-консервативных «национал-либералов, и «социал-демократов», и условных интеллектуалов-западников, сторонников исторического «европейского пути» России.

Характеризуя сложности с идентификацией российских «либералов», а также негативные коннотации этого термина, аналитики часто дают весьма радикальные оценки: «мы живем в удивительной стране. В России начала XXI века слова «либерализм», «либерал» стали ненормативным политическим ругательством...» [135].

Во многом схожего мнения придерживаются и опрошенные нами эксперты, говоря о том, *«что в России либералов нет, есть так называемые либералы, прикрывающиеся либеральной идеологией, спекулирующие на ней... Некоторые из них самые настоящие авторитарно мыслящие люди»;*

«либеральная оппозиция, которая действительно либеральная, у нас глубоко маргинальна, но есть некоторые её «вожди», связанные с Западом, с американскими спецслужбами в том числе, финансируемые оттуда. Поэтому они играют в демократию и говорят про «тоталитарный режим» и права человека».

Ряд исследователей справедливо, на наш взгляд, указывают на то, что негативный образ «либерала» в современной России сформировался по причине неадекватного поведения самой либеральной оппозиции. Например, социолог А. Рощин отмечает: «беда в том, что снобистская позиция либералов ведет напрямиком в политическое гетто, в коем все нынешние либералы и пребывают, причем уже давно. С «основной массой» никогда не удастся войти в диалог, если не найти с ней общего языка. А для общего языка необходимо в первую очередь договориться о терминах» [133].

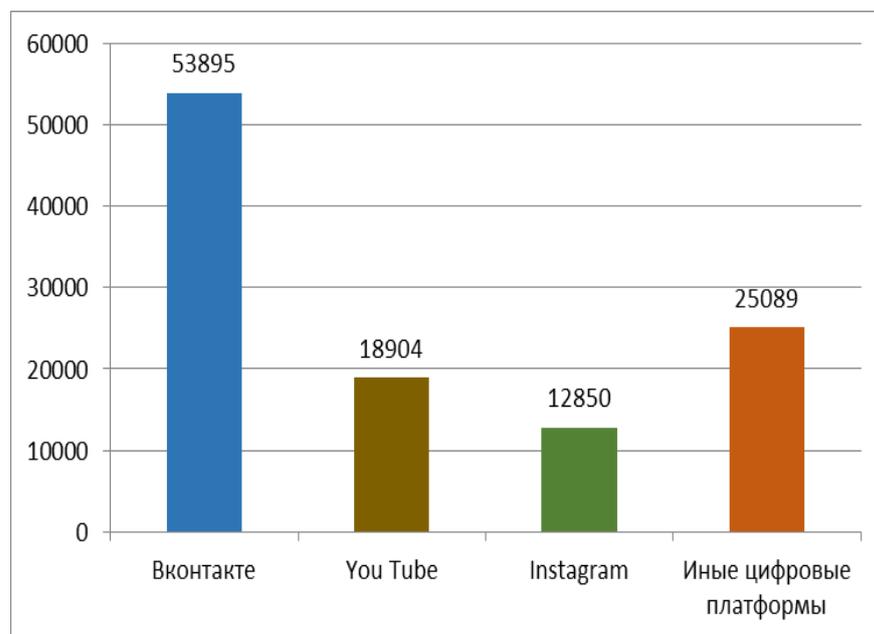
Тем не менее, представляется, что всё же можно констатировать, что в такой ситуации, помимо очевидного критерия политической самоидентификации («я либерал») под условно либеральным сегментом российской оппозиции принято понимать силы, характеризующиеся четырьмя комбинируемыми признаками:

- резко и беспощадно выступающие против «авторитарной» российской власти;
- выступающие за нормализацию отношений с Западом даже ценой значительных геополитических уступок (например, уход с Донбасса и даже отказ от Крыма),
- доминирование рыночной экономической модели в её неолиберальном (основанном на монетаристском подходе) виде;
- негативно относящихся к советской эпохе, практически всем её проявлениям (от тотальной критики до признаний, что «были отдельные плюсы») [133].

Но, тем не менее, целый ряд экспертов небезосновательно продолжают говорить и о глубокой лакунарности идеологии современного российского

либерализма («нет у них никакой идеи», «критиковать могут все, а предложить что-то разумное – не могут. Здоровые мысли отсутствуют, только твердят о коррупции и о репрессиях»), и о сохраняющемся внутреннем расколе либерального фланга несистемной оппозиции («всех, кто по каким-то непонятным причинам считает себя либералами»).

В рамках проведения двухэтапного киберметрического исследования было выявлено 110738 текстовых сообщений, отражающих специфику сегментарных политических представлений, характерных для либерального спектра интернет-пользователей. Распределение указанных сообщений отражено на рисунке 6.

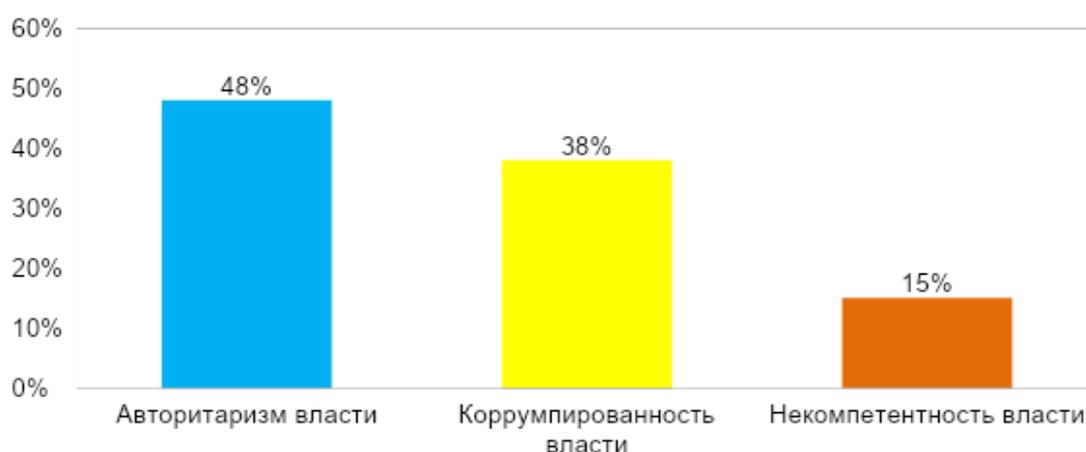
Источник: составлено автором на основе автоматизированного мониторинга социальных медиа.

Рисунок 6 – Распределение сообщений либерального медиапотока по цифровым платформам

Таким образом, представляется возможным говорить и о том, что в исследуемые периоды наиболее значимыми платформами репрезентации собственных политических представлений для либерального сегмента несистемной оппозиции продолжала оставаться социальная сеть «ВКонтакте», менее значимыми – YouTube и Instagram.

Когнитивный профиль образа либеральной оппозиции.

Естественно, обозначенная выше ситуация создает сложности при исследовании когнитивного профиля несистемной оппозиции либерального толка в социальных медиа Рунета. Наиболее важная характеристика когнитивного профиля (тесно связанная с аффективным свойством негативизации) состоит в выраженном, практически тотальном акценте на негативные интенции – жесткую критику действующей власти и всех сторон проводимой государственной политики. То есть, первый контур критики – объектно-ориентированный, в котором объектом последовательных атак выступает «режим» («власть»), персонализированный Президентом Российской Федерации – В.В. Путиным или – значительно реже – представленный другими субъектами, символизирующими его ближайшее окружение (например, «питерские», «путинские силовики»). Системообразующими в данном случае являются идеи авторитарности, коррумпированности и некомпетентности действующей власти. Проведенный анализ позволил выявить три неравнозначных смысловых ракурса, которые прослеживаются в информационных потоках исследуемого сегмента. Они представлены на рисунке 7.

Источник: составлено автором на основе автоматизированного мониторинга социальных медиа.

Рисунок 7 – Три смысловых вектора в информационных потоках, циркулирующих среди сторонников либеральной оппозиции (от общего числа анализируемых сообщений представителей сегмента)

Можно констатировать, что тема борьбы с коррупцией занимает одно из центральных мест в повестке дня либеральной несистемной оппозиции (символичным в этом контексте выглядит название организации А. Навального – «Фонд борьбы с коррупцией»). При этом коррумпированность власти интерпретируется в трех ракурсах. Первый ракурс – демонстрация её изначальной «порочности», «низкого качества», морального разложения и тотальной управленческой «непригодности» (метафора «случайного президента» и «посредственного человека», введенная в публично-политический дискурс еще в 2000-е годы). Второй ракурс либеральная оппозиция преподносит как результат отсутствия реальной политической конкуренции, «несменяемости», что неизбежно приводит «загнивание» режима, его нацеленность только на собственное благосостояние и неспособность быть сколько-нибудь адекватным не только внутренним и внешнеполитическим вызовам, но даже отвечать минимальным критериям современности.

Третья составляющая «коррумпированности» правящего режима в интерпретации представителей либеральной оппозиции связана с попыткой обострить конфликт «власть – народ», противопоставить «богатство» одних «бедности» других. В оборот вводятся соответствующие сентенции, утверждающие, что аккумуляция богатств в лице верховных представителей власти, включая первых лиц государства, имеет прямым следствием падение благосостояния и уровня жизни основной массы российских граждан.

При этом в «антикоррупционной» деятельности оппозиции особое место занимают персональные атаки на руководство Российской Федерации через соответствующие «фильмы-расследования»: «Он вам не Димон», «Чайка», сюжеты о «дворце Путина», «поместье Мишустина» и др. Естественно, такие информационно-психологические атаки призваны не только дискредитировать всё руководство страны, но и показать степень «разложения вертикали власти» как таковой (очевидный меседж второго уровня выглядит следующим образом: тотально коррумпированные люди априори не в состоянии коррупцией в стране).

Второй контур критики в адрес действующей власти можно охарактеризовать как деятельность-ориентированный. В центре такого типа критики находится определенная сфера проводимой государственной политики или проблема. Главное место в рамках данного направления занимает тематика репрессий, представленная различными формами и связанными с ними семантическими конструктами. Безусловно, наибольшей популярностью пользуется тема политических репрессий «режима» – преследований оппозиции, подавления политических свобод, попыток «зачистить» политическое поле, в том числе за счет имитационной («карманной») системной оппозиции. При этом репрессии трактуются в двух эмоциональных ключах: как доказательство генетической жестокости «кровавого режима» и как проявление страха перед возможными политическими изменениями, в том числе и страха ответственности за свои «преступления».

Актуализация идеи «преступной сущности» власти происходит в условиях, когда имеет место соответствующий факт, вызывающий широкий общественный резонанс (уголовное преследование знакового оппозиционного деятеля, жесткое пресечение – «разгон» несанкционированных акций протеста). При этом в последнее время (2018-2021 гг.) несистемная оппозиция, и в особенности либеральный её сегмент, уделяет особое внимание теме политических заключенных, «громких» уголовных дел. Таким образом, важно отметить, что тема политических репрессий (лозунг «свободу всем политическим заключенным») стала смысловым стержнем, вокруг которого находят частичный – ситуативный – компромисс разные группы несистемной и в некоторых случаях – системной российской оппозиции. К числу таких, безусловно, резонансных эпизодов относятся, в первую очередь, дела А. Навального, И. Голунова, «Сети», «Нового величия», Н. Платошкина, А. Шестуна, Б. Шпигеля, преследование В. Мальцева, Л. Соболь, Л. Волкова.

Важно заметить, что тематическая линия политических репрессий обыгрывается либеральным сегментом в двух проекциях. Первая – это преследование лидеров и заметных фигур, многочисленные персональные

«дела» оппозиционеров. Вторая проекция связана со стремлением показать, что под «каток машины» попадают «простые» люди, осмелившиеся выразить свои взгляды, хотя бы частично расходящиеся с позицией власти (в данном случае наиболее показательны дела «Нового величия» и «Сети»).

Еще одна, в целом периферийная смысловая линия позиционирования либерального сегмента в соцмедиа Рунета связана с попыткой перехватить перспективную повестку дня, воплощением которой стал интернет-мем «прекрасная Россия будущего». Представляется, что такой шаг был вполне обоснованным на фоне фундаментального, признаваемого даже действующей властью, дефицита позитивного общенационального образа будущего в российском обществе.

Вместе с тем, уже на начальном этапе конкретизации данной стратегии возникли вопросы, связанные с детализацией соответствующих смысловых конструктов (то есть, ответом на вопрос «что нового будет в «прекрасной России будущего?», а не на вопрос «чем Россия будущего будет отличаться от настоящей?») и механизмами предлагаемых социальных нововведений. По нашему мнению, такой шаг – ориентация на будущее – при всей своей продуктивности и стратегической очевидности, всё же обладает и существенным дезинтеграционным потенциалом, так как способен «измельчить» либеральную повестку дня и обострить противоречия в среде несистемных «либералов» (которые сегодня ретушируются общностью неприятия «режима»), а также резко высветить и без того достаточно очевидную проблему когнитивной бедности позитивного вектора в образе «либеральной» оппозиции.

Важно, отметить, что начало Специальной военной операции Вооруженных сил России на Украине, безусловно, трансформировало когнитивный профиль образа либеральной несистемной оппозиции в Рунете. Он обрел отчетливо заостренный «антивоенный» характер. В нем наметился переход от каких-либо частично конструктивных и компромиссных интенций (например, «прекрасной России будущего») к императивному лозунгу

немедленного прекращения Специальной военной операции. Однако содержательное смещение актуальной политической повестки не привело к полному отказу от рассмотренных выше когнитивных конструктов. Более того, они получили новое звучание, став дополнительными элементами.

Аффективный профиль образа либеральной оппозиции.

Аффективный профиль, раскрывающий психоэмоциональную специфику образа российской либеральной оппозиции, характеризуется, главным образом, доминированием радикальной агрессивной риторики - неприятием по отношению к действующей власти, декларированию готовности к неконвенциональным действиям. При этом отвергаются (часто в резкой форме) возможности компромисса с «режимом» или даже возможность изменить политическую конфигурацию через электоральные процедуры. Значимость последних нивелируется через тотальное осуждение («*фальшивые депутаты*», «*путинские шестерки*») и последовательное высмеивание их участников («*клоунада*», «*цирк*», «*смех*»).

Вторая аффективная составляющая, продуцируемая либеральным сегментом российской несистемной оппозиции – это страх перед действующей властью. Например, ходатайство прокуратуры о признании Фонда борьбы с коррупцией (ФБК) и «штабов Навального» экстремистскими организациями в социальных сетях было воспринято как подготовка к массовым репрессиям». Данный пост «МБХ медиа» вызвал соответствующие комментарии пользователей «ВКонтакте», где прослеживается резкий негатив в отношении власти.

Третья аффективная составляющая, присутствующая в образе либеральной оппозиции – это предельное неприятие (чувство ненависти) и по отношению к власти в целом, и по отношению к наиболее заметным ее фигурам. Следует отметить, что радикализация аффективного компонента в образе либеральной оппозиции четко проявилась в феврале –марте 2022 года и была прямо связана с началом Специальной военной операции Российской Федерации на Украине. При этом произошло практически полное аффективное

смещение либеральных политических акторов в сторону «негативной идентичности» – резкого осуждения российской власти. Нередко указанная риторика приобретала предельно экспрессивный и генерализованный характер (то есть речь шла об осуждении не только действий власти, но и «страны России» как таковой).

То есть, негатив в отношении власти перешел в крайне эмоционально окрашенные негативные оценки российской действительности в целом, яркое по форме, но достаточно стереотипизированное по содержанию описание сегодняшней России как «ненормальной страны».

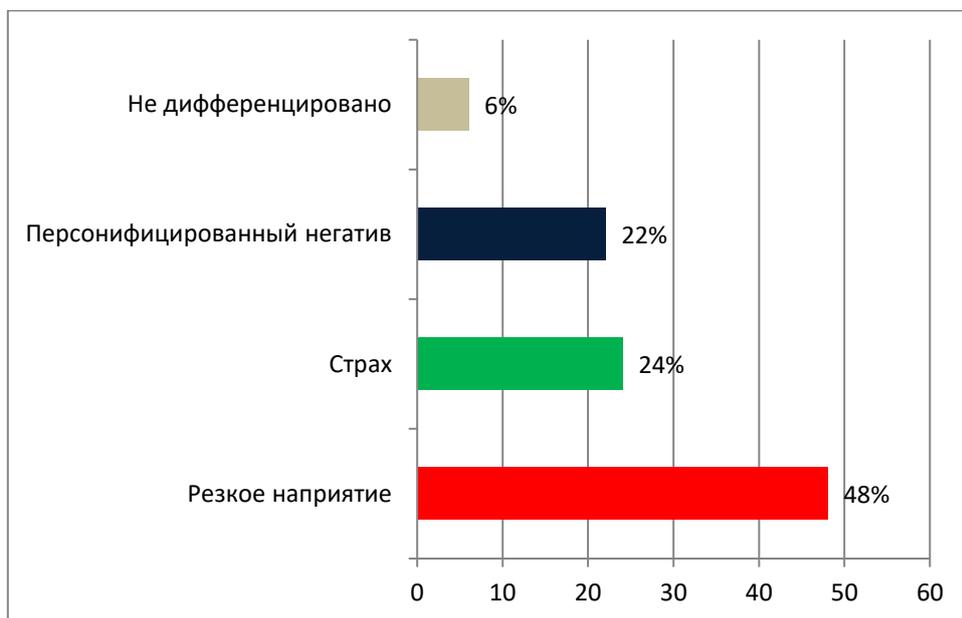
Подобные негативные оценки прослеживаются не только в восприятии действий власти в ходе Специальной военной операции, но и в обобщенных императивных характеристиках, даваемых «либералами» сегодняшней российской социально-политической действительности («ад», «коррупционная диктатура», «тоталитарное государство», «вымирание», «цифровой концлагерь»).

Третья аффективная составляющая, выраженная менее двух предыдущих эмоций, также лежит в негативной плоскости и может быть охарактеризована как подчеркнутое, персонифицированное неприязненное отношение к отдельным фигурам российской власти, что выражается, в том числе, в элементах сетевого юмора.

Вместе с тем, указанная составляющая сегодня уже может рассматриваться в качестве инерционной, уступив место аффекту всеобъемлющего неприятия, направленного на политическое руководство России.

При этом вполне естественно и закономерно, что составляющая, отражающая категорическое и тотальное неприятие, во многом страдает когнитивной бедностью, то есть, лишена четких смыслообразующих оснований и зиждется, преимущественно, на основе гипертрофированного негативного аффекта. Соотношение данных компонентов, а также массива

сообщений, которые не удалось четко идентифицировать (с точки зрения преобладающей эмоции) представлено на рисунке 8.

Источник: составлено автором.

Рисунок 8 – Ключевые эмоции в аффективном профиле образа либерального сегмента российской несистемной оппозиции

Также исследование позволяет говорить еще о двух заметных чертах эмоционального профиля либеральной оппозиции, её несистемной части.

Во-первых, явная избыточность эмоциональной окраски в ущерб когнитивным конструктам, ситуация при которой относительная когнитивная «бедность идей» соседствует с многочисленными негативными сентенциями, оценочными суждениями, адресованными как действующей власти, так и другим сегментам несистемной оппозиции, а также – оппонентам по либеральному крылу. Последнее немаловажно, поскольку создается ситуация, когда консолидация сил, самоидентифицирующихся в качестве «либералов», становится фактически невозможной. Естественно, такая недоговороспособность является важным аргументом сторонников действующей власти для противодействия несистемным либеральным акторам в публичном пространстве (*«не способны договориться даже между собой, как они собираются управлять?!»*).

Во-вторых, стремление либеральных лидеров искусственно повышать градус эмоций в ситуациях, требующих рационализации, часто вредит имиджу российского либерального движения в целом. Яркий пример последнего времени – конфликт А.А. Навального с ветераном Великой Отечественной войны, в рамках которого первый применил иррациональную, на наш взгляд, тактику обострения, используя в ходе судебного заседания эпитеты «кукла» и другие неконвенциональные характеристики. Такая линия поведения привела уже не к политическому, а к моральному осуждению А.А. Навального со стороны общественного мнения, включая его умеренно-либеральную составляющую, а также других лидеров российского несистемного движения (типичная реакция - «надо было извиниться»).

Поведенческий профиль образа либеральной оппозиции.

По мнению экспертов, поведенческий профиль либеральной оппозиции в интернет-пространстве характеризуется четырьмя основными чертами.

Во-первых, речь идёт об уже состоявшемся фундаментальном переносе политической активности либеральных сил в интернет-пространство. По существу, именно «виртуальная среда» Рунета стала и пространством позиционирования либеральной оппозиции, и полем рекрутинга сторонников (аудиторий сообществ и групп в социальных сетях), и ареной проведения разнообразных политических акций, преимущественно антивластного протестного характера.

При этом можно констатировать, что указанная ситуация имеет три измерения. Первое заключается в том, что мы имеем дело с вынужденной адаптивной моделью поведения, связанной с тем, что возможности позиционирования (или хотя бы регулярного появления) несистемной оппозиции в традиционных российских СМИ сведены к минимуму государственной информационной политикой, которую проводит действующая власть. Второе измерение обусловлено трансформацией информационного пространства Российской Федерации, форсированной «интернетизацией» действительности, которая приводит не только к расширению возможностей в

онлайн-пространстве, но и к резкому росту аудитории. Как показывают многочисленные социологические исследования, к концу 2010-х – началу 2020-х годов интернет перестал быть пространством политической активности только лишь молодежи и условного «среднего класса» - обеспеченных жителей крупных городов. В этой ситуации ставка на социальные медиа Рунета представляется вполне логичной и соотнобразуется с долгосрочной стратегией политической деятельности, исповедуемой значительной частью несистемных либеральных акторов. Третье измерение, на наш взгляд, менее очевидно, но также заслуживает внимания. Оно связано с тем, что у ряда лидеров и активистов сложилось мнение о том, что социальные сети интернета успешно выполняют функцию разветвленного компенсаторного механизма, способны полностью заменить собой политическую активность в физическом пространстве.

Второй момент связан с тем, что либеральный сегмент оппозиции, будучи наиболее включенным в интернет-коммуникацию (мнение эксперта – *«лучшие умеют позиционировать себя в Интернете, чем, например, коммунисты или другие левые»*) по сравнению с левыми и националистами, тем не менее, выступает основным драйвером относительно многочисленных несанкционированных протестных действий в физическом пространстве. При этом, в отличие, например, от «левых», либеральные активисты несистемного толка открыто признают необходимость несанкционированных протестов в условиях фактической невозможности организации легальных акций оппозиционных сил (разумеется, если речь не идёт о «прокремлевской» системной оппозиции). Естественно, жесткие действия власти по пресечению таких выступлений воспринимаются в существующих политических реалиях как абсолютно неизбежные, что делает «либералов» объектом критики, как со стороны власти, так и других оппозиционных акторов, а также указывается рядом экспертов – участников опроса как негативная сторона деятельности оппозиции (*«подставляют детей под дубинки ОМОНа», «эксплуатируют молодежь, даже школьников»*).

Третья черта – это последовательное стремление физически или хотя бы символически (на уровне «слов поддержки») интегрироваться в протестные акции, имеющие фокусированную социальную направленность. При этом ведущую роль здесь играет не какая-либо организационно-управленческая или координирующая деятельность оппозиционеров, а именно присоединение – проявление не идеологической, а моральной солидарности с протестующими даже при несогласии с их политическими взглядами.

Четвертый момент, который уже был упомянут в рамках описания аффективного профиля, связан с невысоким уровнем прагматизма и наличием зримого иррационального элемента в поведении «либералов». Это, в свою очередь, вызывает и широкий негативный резонанс в обществе, и порождает сомнения в психологической способности либеральных лидеров к эффективному стратегическому целеполаганию, государственно-управленческой деятельности как таковой. Своеобразным «локусом контроля» в данном случае стало отношение либеральных оппозиционеров к вхождению Крыма в состав России (ответ на вопрос «чей Крым?»), который показал в лучшем случае двусмысленность их подхода, в худшем – неготовность многих лидеров либеральной оппозиции защищать национальные интересы России, их полную зависимость от мнения западных стран (А. Навальный: «провести новый референдум»; М. Касьянов: «вернуть Украине»).

Символический профиль образа либеральной оппозиции.

Символический профиль образа либеральной оппозиции в целом можно описать как достаточно бедный и редуцированный. Его главная характеристика – отсутствие интегрирующего материального символа в виде знака или цвета, например, как общеизвестной «белой ленточки» в 2011-2012 гг., ставшей не только интернет-мемом, но и символическим отображением самоидентификации либерально-ориентированной части протестующих. На сегодняшний день подобный символ-идентификатор в либеральном сегменте несистемной оппозиции отсутствует,

Использование триколора как некоего реминисцентного знака, коррелирующего с противопоставлением 1990-х годов («свободной России») и «путинского режима» носит весьма ограниченный характер и, естественно, не получает поддержки даже у значительной части «либеральной» группы оппозиционеров. Более того, оно представляется непродуктивным, так как государственный флаг Российской Федерации ассоциируется у большинства интернет-пользователей (вне зависимости от их политических взглядов) и с российской государственностью в целом, и с действующей властью в частности. В этом плане показательным является мнение эксперта о позиционировании «либералов» в онлайн-пространстве: *«весьма негативный образ, нет у них ни идей, ни символов, да и лидеров, кроме, может быть, Навального тоже нет».*

До определенного момента (ситуации с предполагаемой попыткой отравления А. Навального) компенсаторную символическую роль в некоторой мере выполнял сетевой юмор, связанный с карикатурными изображениями представителей действующей власти. На наш взгляд, подобная тактика имела локальный успех, учитывая главную роль негативной самоидентификации (против «режима») в консолидации либерального крыла оппозиции.

Начиная с августа 2020 года и, тем более с января 2021 года, на роль символа несистемной либеральной оппозиции претендует фигура А. Навального, медийное доминирование которого в Рунете среди знаковых «несистемных оппозиционеров» (причем не только относящих себя к условным «либералам») не вызывает сомнений.

Лидерский профиль образа либеральной оппозиции.

Всего на вопрос о лидерах несистемной либеральной оппозиции ответило 58 экспертов, принявших участие в исследовании, было названо 10 фамилий (при этом каждый эксперт мог назвать от одной до трех персоналий). Примечательно, что все 58 экспертов (и, соответственно, все эксперты, принявшие участие в исследовании) назвали в числе лидеров А.А. Навального.

Пять лидеров либерального сегмента по частоте упоминаний экспертами приведены в таблице 4.

Таблица 4 – Лидеры либеральной несистемной оппозиции в современной России согласно мнению экспертов

Рейтинг	Политический лидер	Количество упоминаний
1	А. Навальный	58
2	И. Яшин	37
3	М. Ходорковский	22
4	Д. Гудков	10
5	К. Собчак	9

Источник: составлено автором по результатам экспертного опроса.

Во многом схожая тенденция прослеживается и по результатам киберметрического анализа, где также в лидерском профиле доминирует фигура А. Навального (73% от всех сообщений). Хотя также следует признать, что подавляющее большинство сообщений в рамках данного сегмента заострены на негативизации представлений о действующей власти, а не на собственных лидерах. Указанная тенденция гиперфокусирования вокруг фигуры А. Навального отражена на рисунке 9.

Источник: составлено автором на основе автоматизированного мониторинга социальных медиа.

Рисунок 9 – Лидерский профиль либерального сегмента несистемной оппозиции

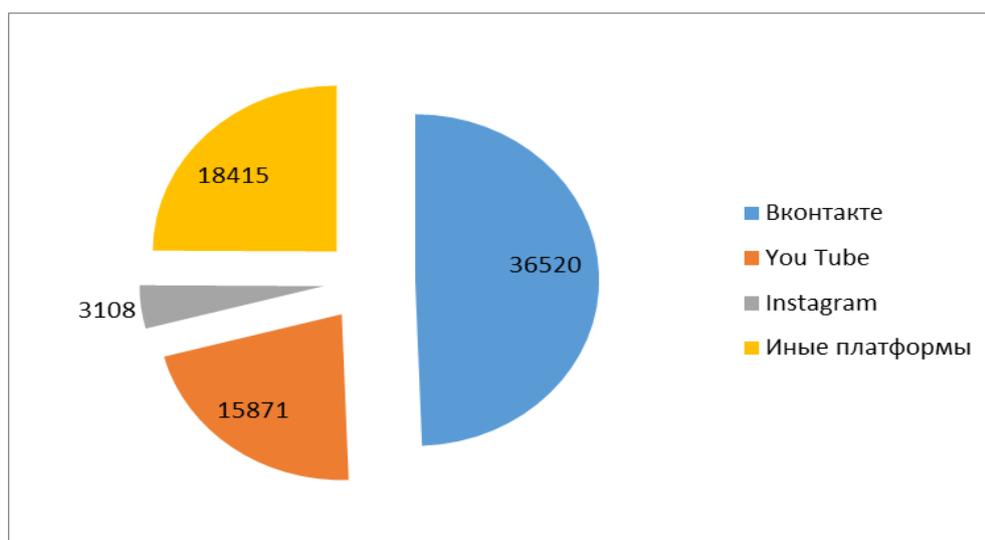
Таким образом, подтвердился ключевой тренд, ставший очевидным в 2018-2021 гг. – становление в рамках либерального сегмента несистемной оппозиции некоего информационного мейнстрима, наиболее узнаваемой фигурой и психологическим лидером которого выступает А. Навальный (включая сочувствующие ему «демократические» группы) и тотальная маргинализация в медиапространстве оппонировавших ему либеральных и умеренно-либеральных лидеров, в том числе, вписанных в системное поле (Г. Явлинский, С. Митрохин, Б. Титов и др.). Указанная тенденция особенно ярко обозначилась в августе 2020 г., когда произошла история с предполагаемым отравлением А. Навального. То есть, можно говорить о том, что в 2017-2021 гг., начиная с «маршей против коррупции» и «расследований» и заканчивая арестом А. Навального после его возвращения в Российскую Федерацию в январе 2021 г. и последовавшими за этим протестами, произошла частичная консолидация большинства несистемных либеральных игроков на основе «борьбы против репрессий».

Можно сделать вывод, что образ либеральной оппозиции в социальных медиа Рунета обладает определенной насыщенностью, которая достигается путем эскалации конфликта с действующей властью. Его отличительная черта – высокий уровень консолидации вокруг фигуры А. Навального, которая занимает центральное место и в лидерском поле, и в событийной повестке дня «либералов».

При этом смыслообразующим компонентом образа «либеральной» оппозиции является последовательная борьба с коррупцией через серию «разоблачений» представителей действующей власти, что также обусловило его эмоциональную выразительность, достигаемую посредством постоянной эскалации конфликта с «режимом». Можно констатировать, что образ «либералов» также характеризуется бедностью и внутренней разбалансированностью его поведенческого и символического компонентов.

2.2 Образ левой несистемной оппозиции в Рунете

Медиапоток, характеризующий образ левой несистемной оппозиции, насчитывает 73914 выявленных сообщений. Их распределение иллюстрирует рисунок 10.

Источник: составлено автором.

Рисунок 10 – Распределение «левого» информационного потока несистемной оппозиции по основным цифровым платформам

Когнитивный профиль образа левой оппозиции.

Характеризуется относительно высоким уровнем насыщения и в отдельных случаях – сложностью и внутренней разбалансированностью предлагаемых смысловых структур («смена власти в России неизбежна, но нынешний этап развития закономерен и полезен, так как время для революции ещё не пришло»).

Агрегируя многочисленные когнитивные конструкты, присутствующие в поле левого сегмента несистемной оппозиции, можно отметить: принципиальный идеологический водораздел между различными группами и интернет-сообществами «левых» связан с пониманием масштабности социальных преобразований, необходимых России. Так, представители умеренного крыла «левых» (более активно и ярко представленного

в пространстве соцмедиа Рунета) говорят, главным образом, в всеобъемлющей модернизации существующей политико-управленческой системы, снижении социального неравенства, антикоррупционной политике. Конституирующим смысловым конструктом в данном случае выступает «справедливость» во всех её проекциях, и прежде всего – с точки зрения обеспечения социальных благ основной массы граждан. Представители иного крыла, которое может быть условно названо радикальным, не только рассматривают смену политического строя в России как историческую неизбежность, но и говорят о тотальном демонтаже существующего социально-экономического уклада. То есть, на первый план выходит не только идея перераспределения богатств, а именно коренное переформатирование социальной динамики, замена существующих политических институтов новыми.

При этом звучат весьма разнообразные сентенции, связанные как со спецификой российской политической системы, так и апеллирующие к глобальным тенденциям, которые, по мнению некоторых представителей радикальных «левых», свидетельствуют о кризисе и надвигающемся «крахе капитализма» в мировом масштабе. Естественно, они считают, что это неизбежно повлечет за собой полное видоизменение и системы международных отношений, и трансформацию институциональных, и что не менее важно, ценностно-идеологических оснований российской государственности и российского общества.

Можно констатировать, что стержневым смысловым элементом левого дискурса в социальных медиа Рунета (а одновременно – и точкой интеграции левых сил различных оттенков и направлений) является идея социальной справедливости и соответственно – борьбы против несправедливой социально-экономической политики действующей власти, ущемления прав населения и «ограбления россиян». При этом симптоматично, что и данный сегмент несистемной оппозиции активно использует идеи противопоставления «страны России» и действующей власти, которая иногда приобретает не только деструктивные, но и крайне радикальные формы: *«Россия самая богатая*

страна в мире по запасам природных ресурсов, а большинство граждан Российской Федерации сводят концы с концами, власть творит беспредел, и справедливости почти нету...» [145].

Важнейшим смысловым элементом дискурса «левых» в социальных сетях Рунета является формирования образа «врага» в лице «Единой России» и более обобщенно – «партии власти». При этом, как и либеральное интернет-сообщество, «левые» паблики ориентированы на активное освещение коррупционной проблематики (*«Недавно был отправлен в отставку «за утратой доверия» губернатор Пензенской области Иван Белозерцев, известный как пламенный единоросс, а еще и любитель взяток» [153].*

Однако существенное место занимает также и освещение актуальных скандалов, связанных с неэтичным поведением чиновников, представляющих «партию власти». Немаловажно, что на первый план выносятся идея тотальной «порочности» правящих элит всех уровней, их некомпетентности, что находит отражение и в соответствующих семантических формулировках (например, *«не утихают скандалы...»*).

Важно также выделить и тот момент, что представители левой несистемной оппозиции (даже не будучи выразителями радикальных взглядов) весьма часто говорят не только об «антинародном» характере или коррумпированности, но и о системной неадекватности государства как института управления общественными процессами, его неспособности реагировать на вызовы современности и, более того, стремлении подменить существующую реальность иллюзорными конструктами: «картинкой» на телевидении, структурными преобразованиями. Помимо этого, для дискредитации «Единой России» также активно используется и соответствующий визуальный контент, основанный на механизме нивелирование значимости оппонентов через юмор.

Существенное место в конструировании когнитивного ядра образа левой несистемной оппозиции в Рунете занимает ретроспективная составляющая, в частности, выраженная в постоянных апелляциях к советскому периоду, его

сравнению с современной действительностью и противопоставления ей (разумеется, выводы делаются не в пользу современной модели социально-экономического и политического развития), а также стремление защитить историческую память о СССР от атак «либералов» и солидаризировавшихся с ними провластных «лжепатриотов». Характерное высказывание в социальных сетях выглядит следующим образом: *«наши лжепатриоты из либерального лагеря еще с перестроечных времен освоили один очень действенный прием: меряться размером исторических заслуг того или иного деятеля. Кто для российской истории более ценен Сталин или Ленин? Понятно, что такое сравнение, вообще говоря, некорректно. Но допустим, что Ленин. Тогда сносим Сталина. Или наоборот, тут же важен сам принцип ...Вот хотели вернуть памятник Феликсу Дзержинскому на Лубянскую площадь в Москве, где он и стоял. Что сделали либералы от власти? Заставили москвичей выбрать между Дзержинским и Александром Невским. И понятно почему – кого бы не выбрали, патриотическая общественность получает поддых»* [164].

Еще один показательный момент, периодически представители левого сегмента Рунета, даже относящие себя к «умеренным» и сторонникам рыночной экономики пытаются использовать так называемую «русскую» повестку, преломляя её сквозь призму социально-экономической ситуации, неспособности государства «навести порядок» в сфере миграционной политики, а также устойчивое снижение уровня жизни значительной части россиян. То есть, акцент отчетливо делается на сопряженность миграционных и социально-экономических проблем современного российского общества, дисфункциональные проявления в деятельности системы государственного управления, пронизывающие все значимые (включая миграционные процессы) сферы жизнедеятельности общества. При этом, в отличие, например, от националистической риторики, данная ситуация, всё же, рассматривается не сквозь призму доминантной этнической ксенофобии, а с акцентом на «безответственность» и слабую эффективность государства, неспособность и нежелание действующей власти защищать русских.

Ключевые когнитивные векторы, определяющие смысловой облик образа левой оппозиции в социальных медиа Рунета, представлены на рисунке 11.

Источник: составлено автором на основе автоматизированного мониторинга социальных медиа.

Рисунок 11 – Ключевые смысловые линии, конституирующие образ левой несистемной оппозиции в соцмедиа Рунета

Важно оговориться, что период Специальной военной операции в 2022-2024 гг. явился определенным вызовом для когнитивной составляющей образа левой оппозиции. В ней наметилось частичное размежевание: некоторые леворадикальные акторы цифрового пространства, по существу, интегрировались в когнитивное поле либеральной несистемной оппозиции, выступив с резким осуждением Специальной военной операции. Вместе с тем, большая часть левых несистемных сил, солидаризировавшись с действиями российской власти на Украине, тем не менее, удачно преломила новую социально-политическую повестку сквозь призму ранее выстроенных когнитивных фреймов. Среди этих фреймов новое актуальное содержание обрели социальная справедливость (в том числе вопросы социальной защиты участников Специальной военной операции), Победа СССР над нацизмом в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. (через концепт «денацификации»), сопоставление военной мощи СССР и современной России

Аффективный профиль образа левой оппозиции.

Характеризуется значительной степенью выраженности негативных эмоций, объектами которых выступают и действующая российская власть, и политико-экономический уклад постсоветской России в целом («*грабят народ уже тридцать лет*») и капитализм – современная глобальная экономика как квинтэссенция «*мирового зла*».

Можно заметить, образу левой оппозиции в Рунете присущ весьма широкий спектр эмоций – от радикально-негативных до относительно сдержанной критики со стороны экономистов, придерживающихся «левых взглядов» и идей «социально ответственного» государства при сохранении основ рыночной экономики (М. Делягин, В. Жуковский и др.). Наличие последнего течения делает уровень агрессивности атак на власть со стороны левого сегмента несистемной оппозиции несколько менее высоким, чем у всей совокупности «либералов».

Важный момент, характеризующий аффективный профиль образа несистемных «левых», который также отмечают и эксперты (5 человек – «*говорят больше о прошлом*») – это ретроспективная направленность эмоций, сопряженная с ретроспективной направленностью смыслов (о чем речь шла выше). Целый ряд событий недавней истории СССР – России, такие как «перестройка» М.С. Горбачева, распад СССР, «лихие 90-е», «приватизация», по-прежнему продуцируют яркий эмоциональный отклик среди интернет-пользователей, придерживающихся левых взглядов.

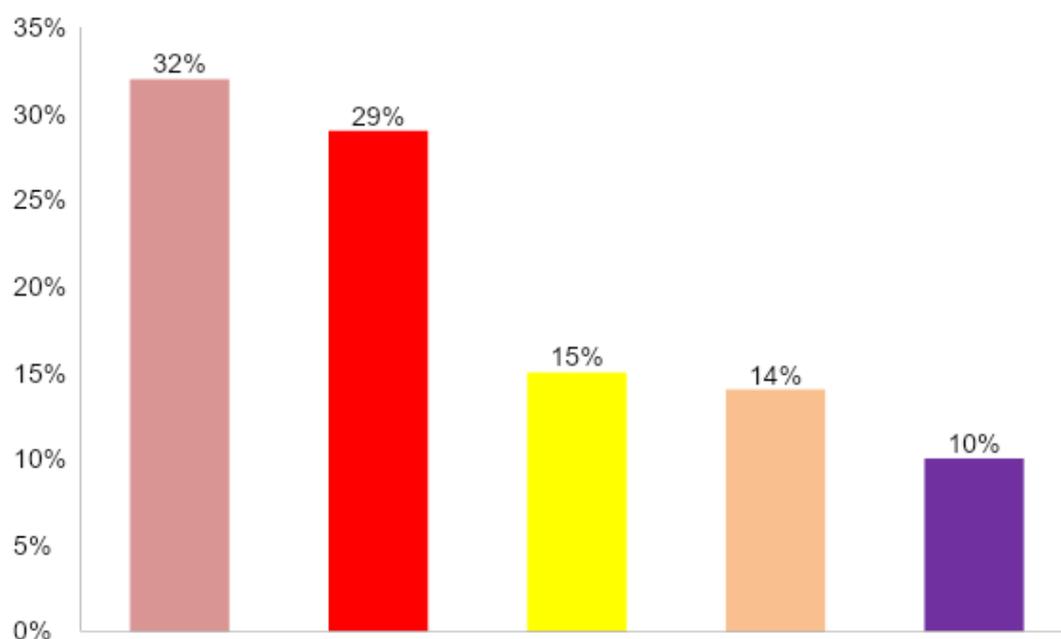
Таким образом, следует отметить, что, в целом, спектр событий, вызывающих аффективные реакции у представителей левой оппозиции, значительно шире, чем у «либералов» (которые концентрируются на негативных эмоциях по поводу правления В.В. Путина, признавая при этом, что в 2000-2008 гг. в Российской Федерации имели место и некоторые «*позитивные процессы*»).

Важная черта аффективного профиля образа левой оппозиции в социальных медиа Рунета – наличие в нем существенной позитивной

составляющей, обусловленной, в первую очередь, надеждами на восстановление социальной справедливости: связанной с возможностью некой модификации позднесоветского опыта, его «осовременивании», выстраивании модели обновленного социализма, которая будет более справедливой с точки зрения распределения национального богатства (общеизвестные тезисы о прогрессивной шкале налогообложения, «налоге на роскошь», компенсационном налоге «на олигархов» за «незаконную приватизацию девяностых»).

Характеризуя аффективный профиль образа левой несистемной оппозиции в Рунете, можно отметить, что он базируется на трех составляющих: резко негативном отношении к действующей власти, умеренно негативном восприятии текущей ситуации в стране и сочетании ностальгических импульсов с надеждой на позитивные перемены в России.

Место указанных импульсов в «левом» сегментарном медиапоточе очерчено на рисунке 12.

Источник: составлено автором на основе автоматизированного мониторинга социальных медиа.

Рисунок 12 – Аффективный профиль образа левой несистемной оппозиции в соцмедиа Рунета

Поведенческий профиль образа левой оппозиции.

В целом можно констатировать, что поведенческий профиль и поведенческие установки большинства «несистемных игроков» левого политического поля весьма непоследовательны, расходятся с декларативной составляющей и отражают высокий уровень стратегической дезориентации (и даже откровенной растерянности), неспособность сформулировать хотя бы среднесрочные стратегии поведения для своих сторонников. Структурируя поведенческий профиль левой оппозиции, можно выделить четыре ключевых поведенческих вопроса, ставшие объектом внутреннего размежевания данного политического сегмента в интернет-пространстве.

Первый вопрос связан с необходимостью (целесообразностью) начала активных действий против действующей власти в целом. Следует заметить, что большинство «левых» вне зависимости от внутренних идейных и ситуативных разногласий выступает за начало активного противоборства с «олигархическим» (а в отдельных радикальных оценках – «преступным») режимом и смену существующего политико-экономического строя. Однако повседневными являются взаимные упреки в неготовности вести активную борьбу в физическом пространстве, а не только в социальных сетях Рунета, что еще раз демонстрирует высокий уровень взаимного недоверия между различными группами левой политической ориентации и личностное неприятие между их лидерами. В данном контексте важно подчеркнуть, что «соглашательство», обвинения в имитации борьбы и оппортунистическом поведении стали одной из универсальных взаимных претензий несистемных левых сил в современной России. По мнению опрошенных нами экспертов, это не столько наносит ущерб имиджу левых как «непримиримых борцов с режимом» («кажется, что ни ничего не могут»; «не понимают, как действовать в сложившейся обстановке», «лишены не только стратегии, но и тактики», «бессильны за пределами Интернета» и т.д.), сколько используется для того, чтобы оправдать их неспособность к внутренней

консолидации, неготовность «отдельных вождей» умерить собственные амбиции.

При этом в интернет-пространстве представлен и иной – крайне узкий – сегмент левых сил (по крайней мере, идентифицирующих себя таким образом), которые, декларируя неизбежность социальной революции (именно «революции», а не смены власти или политического курса) и «краха российского воровского капитализма» в будущем, говорят, что сегодня российское общество находится на стадии накопления протестного потенциала, который еще не достаточен для радикальных политических действий. Актуальная задача левых сил в данном случае, по их мнению, состоит в более детальном осмыслении положений марксизма применительно к реалиям XXI века, адаптации «левой» идеи к существующей ситуации, организационной консолидации и даже внутреннем «очищении» левого движения. На наш взгляд, примечательно, что идея «адаптации» левой идеологии к новым реалиям очень часто не означает придания ей большей гибкости или отказа радикальных действий, а наоборот, часто подразумевает последующий «переход к революционной борьбе» в условиях «разложения» мировой капиталистической системы и кризиса глобализации как идеологического и политико-экономического проекта транснациональных элит Запада.

Второй поведенческий вопрос связан с оправданностью (допустимостью или недопустимостью) неконвенциональных и нелегальных действий, подразумевающих нарушение действующего законодательства и в перспективе – силовые сценарии борьбы за власть. В данном случае следует отметить, что в разнородной среде интернет-пользователей, причисляющих себя к различным левым течениям, всё же преобладает идея использования легальных механизмов в политике или, по крайней мере, отказа от масштабной радикализации ситуации («не допустить крови»). Но в то же время заметны и два других важных момента. Первый – неоднозначность взглядов представителей «левой» несистемной оппозиции на вопрос организации несанкционированных акций протеста или активного участия в них.

Безусловно, актуальность данного вопроса обострилась в 2020 году в связи с ограничениями проведения массовых мероприятий, введенными в связи с эпидемией COVID-19. Следует констатировать, что среди «левых» интернет-пользователей доминирует мнение, что эти ограничения в связи с пандемией – не более чем повод для действующей власти снизить «уличную» политическую активность оппозиции, осуществлять репрессии против оппозиционных деятелей в условиях «самоизоляции». Показательно, что такая оценка ситуации преобладает не только у сторонников радикальных действий или тех, кто относит себя к ковид-диссидентам («заговор глобальных элит», «ничего нет, просто хотят контролировать и запугать людей» и подобные мнения), но и среди представителей так называемых «умеренных» левых сил. Признавая и сам факт эпидемии, и связанные с ней опасности, они указывают на конъюнктурные установки власти, которая стремится не «спасать жизни людей», а использовать сложившуюся ситуацию в своих текущих политических интересах.

Немаловажный вопрос дальнейшего политического поведения левых сил – это участие / неучастие в электоральном процессе. Здесь следует уточнить, что речь идёт о трех различных форматах действий в условиях административного давления власти (и соответственно, её стремления не допустить значительную часть левых объединений и их лидеров до выборов, оставив их, тем самым, во внесистемном поле). В этих условиях речь идёт о четырех взаимосвязанных дилеммах:

– попытка войти в легальное электоральное пространство через создание и регистрацию собственной политической партии либо отказ от таких попыток (прежде всего, в силу деструктивной позиции власти, не дающей подобных возможностей);

– тактика бойкота выборов в случае отсутствия (не допуска, снятия) левых кандидатов или присоединение к модели «умного голосования» (максимизация явки плюс голосование за любого из кандидатов, кроме

представителя «партии власти» – не только формального, но и аффилированного с ней);

– возможность блокировки с системными левыми организациями (прежде всего, Коммунистической партии Российской Федерации) на выборах или принципиальный отказ от такого тактического сотрудничества;

– организация массовых несанкционированных протестов в случае «фальсификации» результатов выборов или упор на методах борьбы, лежащих в пределах правового поля.

Следующий вопрос, который также приводит к острым спорам в среде левой несистемной оппозиции (и как следствие, способствует фрагментации её образа в интернет-пространстве), обусловлен возможностью / невозможностью создания ситуационных коалиций с политическими силами иной направленности (под которыми наиболее часто понимаются «умеренное» крыло либералов). Здесь можно отметить три направления, отражающих разное видение стратегий поведения левых сил, как в текущей ситуации, так и в условиях возможного транзита власти. Первое направление представлено в интернет-пространстве большей частью умеренных «левых» и ориентировано на возможность и даже необходимость «большой коалиции» - стратегического союза с иными политическими силами, говорит о важности перехода к конкурентной политической системе. Текущую ситуацию они оценивают сквозь призму первоочередной задачи смены действующей власти, даже в союзе со своими идейно-политическими оппонентами.

Представители второго (условно ситуативно-ориентированного) направления также разделяют возможность тактического союза в борьбе с «главным врагом» - властью. Однако они делают акцент на двух моментах. Во-первых, речь идёт лишь о тактическом уровне взаимодействия в борьбе с «режимом», но никак не о согласовании стратегий политического поведения в онлайн и /или офлайн-пространстве. Во-вторых, подобное взаимодействие должно отличаться селективностью, исходя из принципа минимальной необходимости. То есть, если есть возможность обойтись без помощи со

стороны других несистемных «игроков», то необходимо выбирать именно такой вариант действий.

Третье направление, представленное радикальным сегментом левой оппозиции, исходит из идеи принципиальной невозможности даже ситуативной блокировки с представителями иных идеологических течений. Более того, очень часто речь идёт и о принципиальном нежелании как-либо взаимодействовать с другими левыми силами из несистемного поля. Именно среди интернет-пользователей, разделяющих данную точку зрения, наиболее развиты конфликтные установки в отношении потенциально «своих»: взаимные обвинения в предательстве, «соглашательстве», оппортунизме, «отходе от принципов коммунизма» и, безусловно «работе на Кремль» (хотя следует признать, что последнее обвинение является универсальным для всех сегментов несистемной оппозиции).

Символический профиль образа левой оппозиции.

Можно констатировать, что, пожалуй, ключевой характеристикой символического профиля образа левой оппозиции в соцмедиа Рунета является его устойчивость: и «символический пантеон», и другие его элементы очерчены достаточно четко (в отличие, например, от символов либеральной оппозиции).

Не менее важный аспект символического позиционирования левой оппозиции в соцмедиа Рунета связан с выразительностью и массовой узнаваемостью конкретных символов – персон первого ряда (прежде всего, В.И. Ленин и И.В. Сталин), отчасти, второго ряда (Г.К. Жуков, Ю.А. Гагарин, герои Великой Отечественной войны), определенностью знаковых и цветовых составляющих символического профиля.

Можно также зафиксировать тот факт, что среди разнообразных – системных и несистемных – левых сил наблюдается соперничество за ключевые символы советского прошлого: фигуры В.И. Ленина, И.В. Сталина, образ Великой Отечественной войны и так далее. Естественно, указанные «символические войны» проявляются и в социальных медиа Рунета: *«ностальгия по советскому выходит на новый уровень. Вероятно, осознав*

общественный запрос на левые перемены, политтехнологи пытаются, вытаскивая на выборы образ «наследников Сталина» которых по иронии судьбы называли «Справедливая Россия» ... Тем самым образ великого вождя окончательно можно считать реабилитированным, а сталинская эпоха признается самой справедливой в истории страны. Впрочем, демократы - справедливоросы все еще пытаются сопротивляться неизбежной партийной трансформации...» [164]. При этом также весьма симптоматично, что «левые», говоря об СССР, всё же стремятся хотя бы частично дистанцироваться от «имперского» дискурса с его акцентом на территориальную составляющую («территориальные потери», которые понесла Россия в XX веке).

Лидерский профиль образа левой оппозиции.

По мнению экспертов, характеризуется насыщенностью и наличием нескольких весьма выразительных фигур, которые оцениваются как лидеры с высоким личностным и политическим потенциалом и при этом конвенциональные фигуры, отличающиеся умеренной риторикой (за исключением, пожалуй, С. Удальцова), способные в будущем выступить интеграторами если не всей левой оппозиции, то значительной ее части. Всего на вопрос о лидерах несистемной левой оппозиции ответило 47 экспертов, принявших участие в исследовании, было названо 18 фамилий. Пять лидеров по частоте упоминаний экспертами указаны в таблице 5.

Таблица 5 – Лидеры левой несистемной оппозиции в современной России

Рейтинг	Политический лидер	Количество упоминаний
1	С. Удальцов	39
2	Н. Бондаренко	20
3	Н. Платошкин	19
4	М. Шевченко	15
5	С. Левченко	8

Источник: составлено автором по результатам экспертного опроса.

Оценивая полученные результаты, необходимо отметить три тенденции. Во-первых, очевидно отсутствие у несистемных «левых» общепризнанного лидера, такого, каким, например, является А. Навальный у несистемных «либералов». Лидерство по результатам экспертного опроса С. Удальцова может восприниматься, скорее, в контексте ретроспективной известности («раскрученности» в связи с событиями 2011-2012 гг.), остаточного, но никак не сегодняшнего политического потенциала. Об этом говорит и относительно слабая (по сравнению с Н. Бондаренко, Н. Платошкиным и М. Шевченко) актуализация персонального образа С.Удальцова в социальных медиа [163]. При этом следует отметить и тот факт, что лидерство Н. Бондаренко (34% от всех сообщений, где упоминается кто-либо из лидеров «левой» несистемной оппозиции) и С. Удальцова (24%) в лидерском профиле также весьма заметны по результатам киберметрического анализа.

Во-вторых, группа ведущих несистемных лидеров левой оппозиции в значительной мере примыкает к системной. Достаточно упомянуть тот факт, что М. Шевченко и Н. Левченко являются членами Коммунистической партии Российской Федерации. Естественно, такая ситуация предполагает двойственность смысловой и поведенческой линий по отношению к действующей власти.

В-третьих, мы можем наблюдать столкновение условно «старой» (С. Удальцов, отчасти – М. Шевченко) и «новой» (Н. Бондаренко, Н. Платошкин, К. Семин, В. Жуковский и др.) волн лидеров. Первая волна обрела популярность в конце 2000-х – начале 2010-х годов актуализировалась в ситуации «рокировки» и «болотных протестов». Вторая волна – после пенсионной реформы 2018 года. При этом ряд интернет-пользователей трактует преследование властями двух наиболее узнаваемых в социальных медиа левых лидеров новой волны – Н. Платошкина и Н. Бондаренко – как стремление Кремля не допустить смены руководства Коммунистической партии Российской Федерации и персональную помощь «удобному» Г.А. Зюганову.

Можно сделать вывод, что образ левой несистемной оппозиции в социальных медиа Рунета характеризуется весьма рельефным аффективным и когнитивным компонентами. Безусловно, факторами, сдерживающими его конструирование в позитивной плоскости, выступают высокий уровень внутренней конфликтности, отсутствие доминирующего политического лидера и значительное место ностальгического контента. Символический профиль данного образа является ретроспективным, а поведенческий – размытым. При этом в ходе целенаправленного формирования собственного образа в онлайн-пространстве «левые» несистемные акторы, как правило, последовательно ориентированы на такие когниции, как социальная справедливость, противопоставление СССР современной России, проблемы бюрократизации и коррупции.

2.3 Образ националистической несистемной оппозиции в Рунете

Предваряя анализ образа националистической оппозиции в Рунете, следует оговориться, что на сегодняшний день в российской политической науке и, тем более, в публично-политическом дискурсе, не сложилось понимания границ и основных параметров националистического сегмента российской несистемной оппозиции [47; 75]. По существу, сегодня, в условиях размывания идеологических рамок, критерием принадлежности к националистическим силам становится самоидентификация («я русский националист») или соответствующая недвусмысленная и развернутая самореференция («против иммиграции», «за русскую республику») [47].

Множественность обстоятельств самоопределения и противоречивость внешних трактовок (которые часто конъюнктурно обусловлены и нацелены на то, чтобы «навязать» ярлык националистов политическим оппонентам) позволяют зафиксировать тот факт, что демаркация «русского национализма» в современных российских реалиях носит не менее условный и во многом

ситуативный характер, равно как и рассмотренных выше либерального и левого сегментов несистемной оппозиции.

Естественно, в современной российской политологии отсутствует единообразие подходов к определению национализма в целом, а также и к описанию националистического спектра российской несистемной оппозиции. Более того, в начале XXI века происходит не уточнение теоретических рамок, а нарастающее расщепление «национализма» как научного понятия [47; 75]. В данной ситуации важно подчеркнуть, что отечественная политическая наука в целом следует в фарватере западного социально-политического знания, в котором все более главенствующее положение занимают так называемые «расширенные» формулировки национализма и национального сознания, попытки рассмотреть его не в узком идеологическом ключе, а широко, как некое чувство принадлежности к гражданской нации, сопричастности общенациональной «судьбе», исторической политической выбор конкретной крупной социальной общности, осознание собственного «мы» через преодоление этнических, религиозных, идейно-политических границ.

Характеризуя ситуацию с проработкой «национализма» в социально-политических науках начала XXI века, И.М. Мусаев справедливо отмечает: «поскольку реальная действительность вступила в прямое противоречие со многими теоретическими прогнозами, начали пересматриваться старые подходы к национализму и разрабатываться новые. Современные дискуссии по поводу национализма строятся главным образом вокруг следующих вопросов: Что есть нация? Что есть национализм? Каково происхождение наций и национализма? До какой степени можно считать их современным феноменом? Какие выделяются типы национализма?» [87, с. 37].

Говоря о структуре российской националистической оппозиции 2000-х-2010-х годов, исследователи выделяют три её крыла:

– «русский национализм» как направление этнократического характера;

– «имперский национализм», в котором ярко выражены реминисцентные установки и антисоветская направленность;

– «гражданский национализм», в основе которого лежит идея формирования консолидированной национально-гражданской идентичности в границах современной Российской Федерации [47, с. 169].

В рамках идеологии «русского национализма» (и полуофициальной, присутствующей в идеологической литературе соответствующей направленности, и активно распространяемой в Рунете) на первый план выходят три составляющие. Первая составляющая – идея безусловного приоритета прав этнических русских в Российской Федерации («государствообразующего народа», «титulyной нации»). Вторая составляющая – периодически возникающий в данном дискурсе вопрос о «русской республике», необходимости формализации статуса этнических русских в «многонациональной» России. Третья составляющая связана с выраженной антимигрантской риторикой. В связи с этим достаточно вспомнить, что ключевым институционализированным игроком российской националистической оппозиции в начале 2010-х годов стало Движение против нелегальной иммиграции А. Белова (Поткина).

Наиболее заметное место в спектре националистических сил, выступающих в роли несистемной оппозиции, представляет имперская ветвь, одной из претензий к которой (причем высказываемой на всех уровнях – и в рамках политологического сообщества, и интернет-пользователями) является ретроспективная акцентуация и имитационная сущность. Так, В.А. Ачкасов пишет по этому поводу: «в первые годы существования независимой России многие наблюдатели предсказывали усиление политической роли русского этнического национализма. Особенно часто такие прогнозы делались после неожиданного электорального успеха партии В.В. Жириновского в декабре 1993 г. Однако этот прогноз тогда не подтвердился. В новом столетии доминирующее положение в рамках русского национализма заняли имперско-великодержавные и этнонационалистические идеи и силы» [47, с. 180].

Указанная выше двойственность в самопозиционировании имперского национализма проявляется и в интернет-пространстве, на уровне формирующегося сегментарного образа. С одной стороны, целый ряд сил, националистически ориентированных интернет-сообществ предпринимают попытки отстроиться от действующей власти, её социальной политики и, в меньшей степени, внешнеполитического курса. С другой стороны, они нередко солидаризируются с властью в важных внешнеполитических вопросах. Прежде всего – в действиях, символизирующих жесткое и последовательное оппонирование «коллективному Западу» во всех его проявлениях (от США до «бандеровцев» на Украине).

Гражданская ветвь национализма представлена в российском политическом дискурсе наиболее слабо и по существу не влияет на его содержание, периодически то проявляя собственную субъектность, то сливаясь с иными течениями – от этнонационалистической до либеральной направленности. Можно отметить, что на сегодняшний день контуры российского «гражданского национализма» крайне размыты; он слабо представлен и в несистемном поле, и в том образе, который складывается в социальных медиа Рунета. В рамках анализа генерализованного националистического медиапотока в социальных медиа Рунета выявлено 35114 сообщений. Их дифференциация по цифровым платформам представлена в таблице 6.

Таблица 6 – Дифференциация националистического медиапотока в социальных медиа Рунета по основным платформам

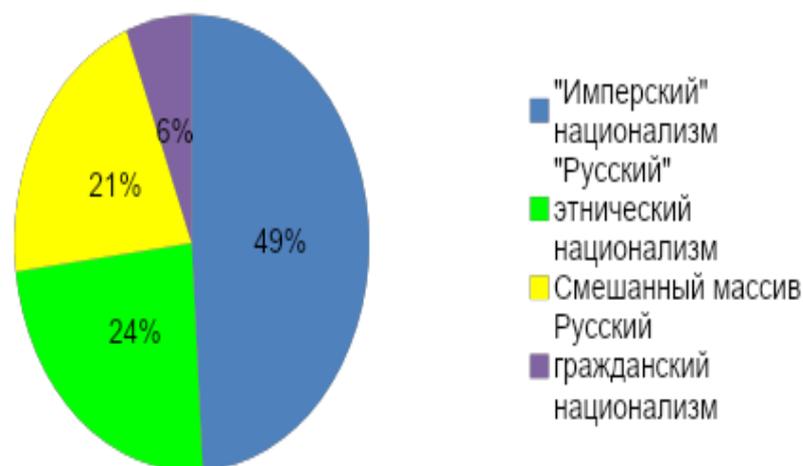
Цифровая платформа	Количество сообщений
Вконтакте	17544
You Tube	3916
Instagram	7839
Иные платформы	5815

Источник: составлено автором на основе автоматизированного мониторинга соцмедиа.

Когнитивный профиль образа националистической оппозиции.

Характеризуется дифференцированной смысловой составляющей. Прежде всего, речь идёт о размежевании между версиями «русского» (этнически-ориентированного) и «имперского» национализма. Если первая сосредоточена на обсуждении «прав русских» и их «ущемления», то вторая делает акцент на идеологической проблематике «русского мира», неоимперской тематике, ориентируется на явно реминисцентные сюжеты и ностальгические импульсы массового сознания, в основании которых нередко лежат отрывочные и мифологизированные социально-политические представления.

Указанное расщепление, вызванное, очевидно, принципиально разными установками восприятия прошлого и различием в образах будущего, четко прослеживается в структуре националистического информационного потока и проиллюстрировано на рисунке 13.

Источник: составлено автором.

Рисунок 13 – Структуризация смысловых доминант националистического информационного потока в соцмедиа Рунета

Однако нельзя не заметить, что в рамках когнитивного наполнения генерализованного националистического медиапотока присутствуют

и моменты, сближающие две наиболее заметные ветви – «имперский» и русский этнический дискурсы.

Первый из них связан с идеей величия России и российской государственности, её геополитической и исторической уникальности. При этом первые особо подчеркивают, что России как «геополитический проект» и как «цивилизация» представляет собой результат исторической деятельности русского народа, создана благодаря устремлениям и ресурсам русского этноса (в том числе, и «за счет русских»). Естественно, в этой интерпретации любые «претензии» других, в том числе «коренных» этнических групп на субъектность, не говоря уже о мигрантах и их «правах» оцениваются как исключительно деструктивная деятельность, направленная не только на «развал России», но и «уничтожение русских как нации» и «народа».

Второй момент, который объединяет оба направления, связан с их ярко выраженной ретроспективной направленностью, ориентированностью, в том числе, на активное обсуждение проблем прошлого. Три базовых события, вокруг которых разворачиваются острые дебаты, – это революция и гражданская война, Великая Отечественная война (в том числе, предшествующие её репрессии 1930-х годов, военные поражения 1941 года) и распад / развал СССР. При этом речь идёт как о масштабных исторических событиях XX столетия в целом, так и об отдельных исторических фрагментах и фигурах.

Третий момент, в той или иной форме ярко прослеживающийся и у «имперцев» и у сторонников идеи «Россия для русских» и активно тиражируемый в социальных медиа Рунета – это последовательная критика действующей власти, её «неспособности» и «нежелания» отстаивать геополитические интересы России.

При этом существенное место (хотя и не такое значительное, как в «левом» и «правом» сегментах российского интернет-пространства) в медиаповестке националистической оппозиции занимает идея защиты

свободы слова как один из векторов противодействия существующему политическому режиму.

Еще одной важной смысловой линией позиционирования националистических сил в пространстве Рунета (прежде всего, речь идёт об аудитории этнократической – «русской» – направленности), является идея поддержания гордости за свою этническую принадлежность («Я русский»), либо позитивная атрибуция – наделение собственного этноса некими «правильными» поведенческими чертами («русский значит трезвый» и подобные маркеры). Представляется, что в данном случае мы имеем дело не столько с проявлениями яркого этноцентризма («претензией на исключительность»), сколько с реакцией на текущую ситуацию. То есть, речь идёт о попытке хотя бы частично скорректировать сложившуюся ситуацию, когда границы этнического самосознания среднестатистического русского носят (по мнению представителей данной ветви национализма) аморфный характер.

Однако можно констатировать, что указанный тренд позитивной самоидентификации, достигнув своего пика в первой половине 2010-х годов (и в физическом, и в онлайн-пространстве) пошел на спад, стал менее заметен на фоне продолжающей доминировать негативной идентичности – отстройки от геополитических и этнических «чужих» (главным образом, мигрантов).

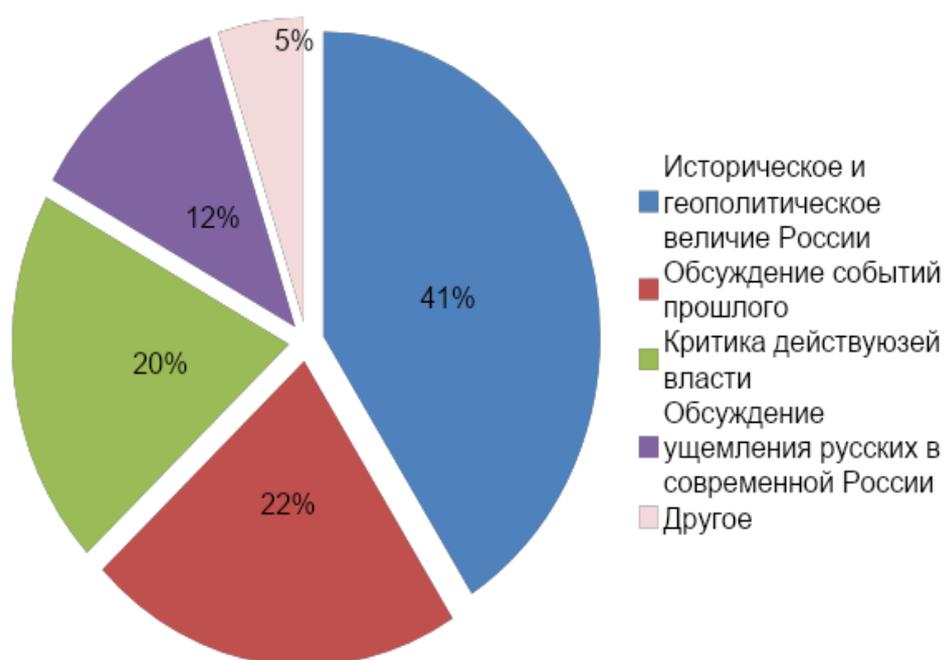
Весьма заметным компонентом когнитивного профиля несистемной националистической оппозиции, прежде всего этнократического толка, является проблема внутреннего неравенства регионов Российской Федерации, квинтэссенцией которого стал лозунг «хватит кормить Кавказ», и по сей день популярный (в тех или иных формулировках) в националистическом сегменте Рунета. Националистически настроенные интернет-пользователи, разделяющие данное убеждение, как правило, приводят три устоявшихся аргумента:

– финансирование большинства национальных республик происходит за счет «русских» регионов и снижения уровня жизни русского населения в них;

– в «национальных» республиках преобладает негативное отношение к русским. Следовательно, русские «не обязаны» помогать им финансово;

– подобная политика приводит к росту требований правящих в республиках Российской Федерации «этнических элит», стимулирует сначала латентный, а потом и открытый политический сепаратизм.

Указанные смысловые линии, наиболее выразительно представленные в когнитивном профиле националистической несистемной оппозиции, отражены на рисунке 14.

Источник: составлено автором на основе автоматизированного мониторинга социальных медиа.

Рисунок 14 – Основные смысловые линии в когнитивном профиле националистической несистемной оппозиции

Аффективный профиль образа националистической оппозиции.

Характерная черта аффективного профиля националистического сегмента Рунета, несомненно, обращающая на себя внимание, связана с относительно невысоким уровнем агрессии по отношению к действующей власти (по сравнению с левой и либеральной оппозиционной риторикой). Универсальной

претензией выступает неспособность отстаивать геополитические интересы страны («сдают» интересы России), в меньшей степени – всё, что связано с внутренней политикой. Таким образом, власть выступает в сознании националистически настроенных интернет-пользователей в виде весьма слабой и отчасти некомпетентной во многих вопросах.

При этом в отличие от левого и либерального сегмента Рунета, у националистической оппозиции – и этнократической «русской», и имперской – вырисовывается тенденция присутствия более глубокого уровня рефлексии. В данном случае можно полагать, что она является порождением упомянутой выше (при описании когнитивного профиля) тенденции ретроспективной направленности, стремлении искать «корни» текущей ситуации, «ошибки» в относительно далеком прошлом, как минимум, в советском наследии, а нередко – и с акцентом на более ранние эпохи («царские» времена, революция, первая мировая и гражданские войны и так далее).

Безусловно, рефлексивно-ретроспективная эмоциональная линия не является преобладающей, но чётко заметна на фоне её фактического отсутствия, например, у интернет-пользователей, причисляющих себя к «либералам». Однако можно диагностировать тот факт, что у целого ряда условных «националистов», прежде всего, «имперской» направленности, выражена эмоция ностальгии, в сочетании с идеализацией далёкого прошлого и эскапизмом.

Последний фактор проявляет себя в периодическом стремлении избежать развернутых и логически обоснованных оценок сегодняшней ситуации, подменив её всевозможными и разнонаправленными по своей сути реминисценциями (как идеализация имперского периода, так и непрерывные исторические «атаки» на советское прошлое) и сослагательными наклонениями. Также весьма выраженной (в сравнении с иными идеологическими сегментами) является эмоция разочарование, неверие в то, что в России в ближайшей и даже среднесрочной перспективе возможны улучшения или хотя бы «смена режима».

Поведенческий профиль образа националистической оппозиции.

Характеризуется существенным уровнем внутренней разрозненности и неопределенности. Какие-либо устойчивые поведенческие паттерны интернет-пользователей, причисляющих себя к националистам, отсутствуют. Причем нужно отметить, что такая ситуация существенно отличается от того, что можно увидеть в ходе анализа паттернов поведения «либералов» и «левых». При всей нечеткости у двух упомянутых выше сегментов присутствует хотя бы дилемма: попытаться интегрироваться в системное поле или продолжать действовать в качестве несистемных игроков. У всей совокупности националистов такого выбора нет по понятной стержневой причине: власть не допускает возможности частичной легитимации и участия в электоральном процессе даже отдельных умеренных представителей националистов, лояльно настроенных по отношению к Кремлю.

Очевидно, что ситуативный союз «власть – националисты», возникший в 2014 году на фоне «крымской весны», оказался не просто кратковременным, но и нежизнеспособным по всем параметрам, поскольку был изначально дисфункционален для обеих сторон. Для власти – в плане понимания излишнего характера, а в какой-то мере, и опасности националистов как субъекта системного поля российской политики, нежелания «делиться» умеренно-националистической повесткой дня. Для несистемной националистической оппозиции – поскольку требовал либо признать за властью «монополию на национализм» (и тем самым поставить вопрос о необходимости собственного существования, если у власти тоже «националисты в хорошем смысле слова»), либо радикализировать внешнеполитическую повестку дня, требуя вслед за Крымом, признания как минимум Новороссии.

Естественно, значительная часть российских националистов неоимперского направления пошла по второму пути, продвигая в интернет-пространстве идею превращения «крымской весны» в «русскую весну» (вооруженной поддержки русскоязычных на всём постсоветском пространстве)

и упрекая действующую власть в непоследовательности, а затем и в «предательстве» (в отношении позиции России по вопросу признания Донецкой и Луганской народных республик).

Это обусловило, что в националистической среде (по крайней мере, среди активной части националистически настроенных интернет-пользователей) преобладает мнение о первичности радикальных методов борьбы против «режима»: его фактического свержения путем неконвенциональных действий. Однако здесь необходимо оговориться, что характер и степень радикальности таких действий существенно варьируются: от акцента на силовой составляющей до упора на «массовую динамику», которая провоцирует психологическую дестабилизацию общества, массовые выступления, причем не обязательно под националистическими лозунгами, и неизбежно приведет к демонтажу основ существующей политической системы.

Символический профиль образа националистической оппозиции.

Характерной чертой образа российской националистической оппозиции является относительная символическая бедность (даже в сравнении с образами либеральной и, тем более, левой оппозиции). По существу, вся визуализированная символика исчерпывается ставшими традиционными еще с 1990-х годов монархическими элементами – «романовским» династическим (бело-желто-черным) триколором, двуглавым орлом с коронами, в меньшей степени – Андреевским и российским флагами, изображениями отдельных монархов, в особенности - Николая II, Петра I. При этом парадоксально неоднозначным выглядит отношение к последнему среди «имперцев»: значительная их часть воспринимает фигуру Петра Великого в негативном контексте. Ряд пользователей, отдавая должное ему как «великому» с точки зрения масштабов деятельности, указывают, что в долгосрочной перспективе его «европейский выбор» был ошибочным и не привел к желаемым благоприятным результатам. Еще более осязаемый негативный настрой по отношению к этой исторической личности прослеживается у «этнических»

националистов, которые делают акцент на «разрушении» устоев «исконной» русской культуры и государственности.

Существенную роль в символическом позиционировании националистов в Рунете играют и негативные символы. Прежде всего, речь идёт о В.И. Ленине, собирательном образе «большевиков» («ненавидели русских» и тому подобные оценки), в несколько меньшей степени – И.В. Сталине. В отношении восприятия последнего как политической фигуры прослеживается интересная психологическая метаморфоза: при общем преобладании негативных оценок его деятельности звучат голоса о нём как о некоем «реставраторе» Российской империи, пусть и в территориально усеченном, а также идеологически видоизмененном формате. При этом такая позитивная реинтерпретация образа И.В. Сталина среди некоторых представителей правого неоимперского течения носит преимущественно иррациональный характер. Единственным аргументом, упоминаемым националистами и имеющим твердую фактологическую основу, выступает то, что Сталин в ходе репрессий 1937-1939 гг. «расправился» с «ленинской гвардией» – «старыми большевиками» («отомстил им») стоявшими в авангарде уничтожения монархии и организации «красного террора». Дополнительным упоминаемым аргументом служит факт «реабилитации» религии, примирения государства с Русской православной церковью в годы Великой Отечественной войны.

Лидерский профиль образа националистической оппозиции.

Лидерский профиль образа националистической оппозиции характеризуется нарастающей лакуарностью и фрагментацией. Суммируя ответы экспертов (31 человек, указавших того или иного политика националистического толка), можно выделить следующих наиболее часто упоминаемых лидеров несистемной оппозиции.

Можно признать, что фактически на сегодняшний в националистическом поле несистемной оппозиции наблюдается определенный лидерский вакуум, вызванный, в том числе, целенаправленными действиями власти по его обезглавливанию и уходу с политической сцены признанных лидеров

и идеологов 1990-х – начала 2010-х годов (К. Крылов, А. Баркашов, А. Белов (Поткин), В. Цымбурский, А. Савельев и др.). «Вторая волна» лидеров (2010-е годы) оказалась лишена возможности активного продвижения в пространстве традиционных медиа (прежде всего, на телевидении) и оказалась менее выразительной.

Среди экспертов, упомянувших тех или иных лидеров в националистическом сегменте несистемной оппозиции (31 участник экспертного опроса, из них 20 назвали более одной фамилии) нет консолидированного мнения. Данные об экспертной оценке лидерского профиля несистемной националистической оппозиции приведены в таблице 7.

Таблица 7 – Лидеры националистической несистемной оппозиции в современной России в оценках экспертов

Место	Политический лидер	Число упоминаний
1	Д. Дёмушкин	17
2	И. Стрелков (Гиркин)	12
3	Е. Холмогоров	10
4	К. Крылов	7
5	В. Квачков	7

Источник: составлено автором по результатам экспертного опроса.

Схожую тенденцию лакунарности лидерского компонента в формирующемся образе несистемной оппозиции фиксирует и медиаметрический анализ. При этом следует отметить, что относительная известность Д. Дёмушкина (14% от общего числа упоминаний националистических лидеров) и И. Стрелкова (12% упоминаний) в границах националистического сегмента российской несистемной оппозиции не делает эту фигуру консолидирующей, а наоборот, продуцирует многочисленные острые дискуссии о его роли в развитии националистического движения, включая ставшие уже традиционными обвинения в «предательстве» и «работе

на Кремль». Помимо этого, значительная часть «русских националистов», не говоря уже об «имперцах» весьма критически оценивает лидерский потенциал Д. Дёмушкина, не связывая с ним никаких надежд на будущее, на активизацию политической борьбы с «режимом» и усиление националистического фланга российской несистемной оппозиции.

Можно сделать вывод, что образ правой (националистической) оппозиции в социальных медиа Рунета является размытым и когнитивно разбалансированным. Более того, он во многом автономизирован от текущей социально-политической повестки: ретроспективен и не релевантен актуальным социально-политическим интересам интернет-аудитории. В его когнитивном профиле ведущую роль играют борьба против мигрантов, вхождение Крыма в состав России, а также апелляции к наследию Российской империи, идеям исторического и геополитического величия России. При этом существенное отрицательное влияние на структуризацию, содержательное и символическое измерения образа несистемных российских «правых» оказывает резкое, конфликтное по своей сути, размежевание между условно «гражданскими» националистами и представителями неоимперского течения.

Выводы по главе 2

1) Можно отметить, что образ либеральной несистемной оппозиции в социальных медиа Рунета характеризуется выраженной агрессивностью, что предполагает последовательную эскалацию конфликта с действующей властью. Его специфика проявляется в явной персоналистской консолидации вокруг А. Навального. Центральным когнитивным элементом образа либеральной оппозиции в 2018-2021 гг. являлась последовательная борьба с коррупцией посредством «разоблачений» ведущих представителей российской правящей элиты. В 2022-2023 гг. коррупционная проблематика, продолжая сохранять свою важность, уступила место аффективно окрашенной риторике, связанной с осуждением Специальной военной операции. Можно констатировать, что образ «либералов» также характеризуется разбалансированностью его

поведенческого и символического компонентов – отсутствием внятных консолидирующих символов и эффективных моделей политического поведения, которые они могли бы предложить собственным сторонникам.

2) Представляется возможным зафиксировать, что сегментарный образ левой несистемной оппозиции отличается весьма рельефно выстроенными, в целом насыщенными когнитивным и эмоциональным компонентами. Знаковой его чертой выступает отчетливо диагностируемая внутренняя конфликтность. Центральное место в данном образе занимают такие смыслы, как уверенность в завтрашнем дне, социальная справедливость, проблемы борьбы с административным произволом и коррупцией, военно-политическая и экономическая мощь СССР. При этом весьма симптоматично, что практически все указанное когнитивии были успешно адаптированы к новой политической повестке, связанной со Специальной военной операцией. Более того, произошла весьма заметная реактуализация данных нарративов, обусловленная, в первую очередь, событийной динамикой специальной военной операции. Важно также заметить, что образ левой оппозиции отличается внутренней фрагментацией лидерского контура. Современные «левые» в интернет-пространстве представлены группой наиболее ярких фигур, таких, как Н. Бондаренко, Н. Платошкин и, отчасти, М. Шевченко, находящихся в состоянии фактической взаимной конфронтации. Символический компонент данного образа является ретроспективным (Ленин, Сталин, индустриализация) поведенческий – аморфным, разбалансированным и внутренне не согласованным.

3) Образ правой (националистической) оппозиции в социальных медиа Рунета является крайне размытым, противоречивым в смысловом плане. Его когнитивную основу составляют такие смыслы, как борьба против мигрантов, вхождение Крыма в состав России, а также реминисценции – апелляция к наследию Российской империи, а также идеям исторического и геополитического величия России. При этом существенное место в образе «правых» занимает конфликт между условно «гражданскими» националистами

и представителями неоимперского течения, что детерминирует двойственность смыслового профиля данного образа. Символическая составляющая образа правых сил характеризуется рельефностью (двуглавый орел, черно-желто-белый флаг, фотографии императоров, полководцев) а лидерский – многообразием, что связано с присутствием в нём таких знаковых для националистической оппозиции фигур, как Д. Дёмушкин, И. Стрелков, Е. Просвирнин и др. Поведенческий элемент в образе «правых» крайне размыт и фактически сводится к тактике ситуативного реагирования на текущие события.

Глава 3

Особенности конструирования образов российской несистемной оппозиции в социальных медиа Рунета

3.1 Основные технологии конструирования образов несистемной оппозиции в Рунете

Проблема технологий конструирования образов разнообразных политических акторов нашла свое широкое отражение в политологической литературе. Среди работ, изучающих технологические аспекты продвижения субъектов политики в современном интернет-пространстве, в условиях вызревания принципиально новой – «симулятивной» – реальности, особого внимания заслуживают исследования таких зарубежных ученых, как В. Молнар [123], Д. Мик [122], Л. Килтц [120], Л. Ливроу [121] и др. То есть, на первый план выходит принцип коммуникативного разнообразия и методологические возможности сетевого подхода [14; 117; 119; 122; 123], позволяющие рассматривать «несистемный» сегмент Рунета как многослойное сетцентричное пространство. Точкой консолидации указанного пространства выступает резко негативное отношение к действующей власти и акцент оппозиционных акторов на генерирование деструктивных информационных потоков. Однако, большинство указанных акторов, во многом консолидируясь вокруг «антивластной» повестки, тем не менее, не находятся в режиме прямой оперативной координации [117; 119; 122].

Технологические и коммуникативно-психологические особенности продвижения и самопрезентации несистемных акторов в Рунете получили весьма подробное осмысление в рамках российской политической науки. Данную проблему анализировали такие исследователи, как С. В. Володенков [55; 56], В.А. Губченко [64], Д.К. Стукал [104], С.Н. Федорченко [107] и др.

Предваряя анализ технологий продвижения несистемной оппозиции, важно обозначить два аспекта. Во-первых, безусловно, образ несистемной оппозиции как многогранное явление конструируется не только самими оппозиционными акторами, а возникает как симбиоз их целенаправленной деятельности, контр-стратегий власти в информационно-политическом пространстве (направленных как на купирование эффектов медиа-активности несистемных игроков, так и на правовое ограничение информационного поля оппозиции) и, что крайне существенно, - спонтанных общественных реакций, того эмоционально и поведенческого отклика, который проявляет себя в интернет-пространстве. В рамках данного исследования упор сделан именно на технологии, используемые ключевыми оппозиционными акторами и поддерживающими лояльными их аудиториями.

Во-вторых, необходимо зафиксировать то, что сегодня, в условиях, когда российская несистемная оппозиция фактически полностью вытеснена из электорального пространства (или находится на его периферии) и лишена доступа к традиционным СМИ, значимость технологий её интернет-продвижения становится критической уже вне контекста притязаний – борьбы за власть, а в плане физического сохранения оппозиции как политического субъекта. В связи с этим для ведущих акторов несистемного поля предельно актуальной становится задача не столько всеобъемлющей смысловой и технологической модернизации собственных образов, сколько инерционного поддержания их присутствия в цифровом политическом пространстве – в том числе через «приближение» к локальным и социальным проблемам российской повседневности.

В частности, широко распространенная технология, активно используемая несистемной оппозицией в соцмедиа – это *гуманизация*, то есть, «очеловечивание» её лидеров через помещение их в принципиально неполитический социально-бытовой контекст. Естественно, указанный технологический ход не представляется сколько-нибудь новым, а исключительно заимствованным из эпохи традиционных медиа (прежде

всего, телевидения второй половины XX века), но, тем не менее, по-прежнему весьма востребован в оппозиционном арсенале. Варианты его применения и тиражирования в современной России разнообразны: от простой визуализации (и попытки таким образом создать мемы позитивной направленности) до сторителлинга, повествования о тех или иных эпизодах биографии и личной жизни, нередко – в «героическом» событийном фрейме («боролся – страдал – боролся») [132; 163].

Важность этого технологического приема не стоит переоценивать: в большинстве случаев она предстает органической эмоциональной достройкой политического образа лидера. Наиболее яркие примеры его использования в последнее время – интервью Алексея и Юлии Навальных Ю. Дудю (где жена Навального подробно рассказывает об эмоциях, которые испытала, узнав о якобы имевшей место попытке отравления мужа), ролики о родителях и бракосочетании Н.Н. Платошкина (которое последовало вскоре после выхода политика из-под домашнего ареста). Первоочередная задача технологии гуманизации состоит в конструировании образа «одного из нас» («своего парня»), близкого целевой аудитории не только политически, но и с точки зрения повседневности, общности мировоззренческих установок и, что немаловажно, стиля жизни. Вторичная задача – сохранить фокус внимания на конкретном оппозиционном лидере в условиях перенасыщенной информационно-политической сферы Рунета. Её решение лежит, в том числе, и в области смещения акцентов на неполитическое (в данном случае используется прием «разбавления» информационного мейнстрима как частный случай целенаправленного смешивания сюжетных линий посредством предоставления разнородного контента).

Таким образом, сегодня наиболее востребованная технологическая разновидность «очеловечивания» лидеров несистемной оппозиции – это демонстрация их в различных повседневных (бытовых) ситуациях, не связанных с политикой. Характерный пример, представленный в приложении Г

– рисунок Г.1: фотография Е. Ройзмана, который доит корову, с подписью: «Приехал к своим в деревню. Тут же по хозяйству припахали» [132].

Можно полагать, что такой подход имеет как минимум два плюса с точки зрения современной политической интернет-коммуникации. Первый плюс обусловлен возможностью снизить эмоциональную нагрузку на целевую аудиторию, которая неизбежно становится реципиентом негативного контента, оказывается погруженной в конфликтный дискурс.

Второй плюс непосредственно связан с высокой (даже по сравнению с телевизионными форматами) мультимедийностью интернет-пространства как такового, которое фактически побуждает политического лидера представлять в разных ипостасях: стержневой («вождь», «отец», «спасатель», «мудрец», «эффективный менеджер», «крепкий хозяйственник») и целом ряде существенных дополнительных (муж / жена, спортсмен, поклонник определенного музыкального стиля, любитель собак / кошек и иные характеристики). При этом на первый план выходит такое свойство, как комплементарность «вторых ролей» стержневой психологической конструкции [132; 163]. Однако в условиях цифровой трансформации можно зафиксировать достаточно много примеров, когда дополнительная роль замещала ведущую и предопределяла дальнейшую траекторию того или иного лидера несистемной оппозиции (на постсоветском пространстве сегодня, пожалуй, наиболее яркий пример – С. Тихановская).

Весьма существенную роль в противопоставлении несистемной оппозиции действующей власти играет и такой приём, как «обесчеловечивание» *последней*. В этом случае целенаправленно создается образ правящего режима и его лидеров, которые лишены всяких человеческих черт и, следовательно, не имеют права на существование. При этом дегуманизация технически выполняется в двух плоскостях: атрибутивной (через приписывание негативных черт и поступков) и наиболее острой в виде визуального «расчеловечивания» (например, когда политик утрачивает черты «человека разумного») Именно посредством данной технологии происходит легитимация

неконвенциональных политических действий, поскольку сторонником внушается мысль, что все законные методы борьбы (выборы, санкционированные акции протеста) не просто исчерпаны, но всецело бессмысленны. Пример использования визуального контента в целях дегуманизации власти представлен в приложении Г на рисунке Г.2.

Следующая ключевая технология в онлайн-продвижении российской несистемной оппозиции, которая начала применяться еще в 2000-е годы, но достигла пика сегодня – это *персонализация конфликта* её отдельных лидеров с Президентом Российской Федерации В.В. Путиным. Её очевидные сильные стороны связаны и с возможностью вовлечения дополнительной аудитории через искусственную эскалацию, и, что более важно, с психологическим механизмом «повышения статуса» за счёт статуса оппонента («Путин приказал меня убить», «Путин меня боится» и подобные безосновательные заявления). Очевидная рискованная составляющая заключена в том, что, будучи наиболее заметным маркером несистемности (доказательство, что политик и возглавляемая им организация не является «спойлером»), она представляет собой своеобразный водораздел, закрывающий несистемному оппозиционеру возможности кооптации в системное пространство. В последние годы к указанной технологии эпизодически обращались лишь лидеры либерального спектра оппозиции – А. Навальный и В. Мальцев.

Лидеры левого и националистического сегментов последовательного пытались дистанцироваться от прямого противопоставления себя В.В. Путину (предпочитая говорить обобщенно: о «режиме», «олигархах», «криминально-феодальной системе», что закономерно порождало вопросы о подлинности этой несистемной оппозиции). Наиболее последовательно технология персонализации конфликта нашла отражение в интернет-позиционировании А. Навального, причем, как исключительно в негативном, так и в негативно-юмористическом ракурсе. Последний факт убедительно объясняется не только целенаправленной деятельностью сторонников политика (кампанией по

актуализации конфликта Навальный – Путин), но и закономерной спонтанной «мемизацией» этого конфликта в социальных сетях [159].

Также результаты экспертного опроса и анализ массива контента свидетельствуют (была упомянута пятнадцатью экспертами как «расследования», «фильмы», «ролики»), что востребованной выглядит технология «расследований», которая представляет собой не только попытку эксплуатации политической ценности справедливости в различных её вариациях («правда», «законность»), но и что более существенно, обладает серьезным потенциалом «вирусности» и последующей политической мобилизации-офлайн [169].

Вместе с тем, необходимо обратить внимание на три момента. Во-первых, указанная технология изначально крайне удачно вписывается одновременно и в условно «конспирологический» дискурс политического сознания, присущей значительной части интернет-пользователей («мировое правительство», «Ротшильды» и т.п.), и в рамки восприятия любой, а не только нынешней, российской политической власти в негативном ключе (как генетически «коррупцированной»). Во-вторых, как показали и предшествующие события (2017 г. – попытка офлайн-мобилизации протеста через фильм «Он вам не Димон»), и опыт 2018-2021 гг. (аналогичные фильмы «Чайка», «Дворец для Путина. История самой большой взятки», «Володин») массовый интерес факультативной аудитории к такому контенту не трансформируется в рост популярности несистемной оппозиции и, тем более, доверия к ней. В-третьих, обращение к коррупционной тематике резонансно отражается и на образе самой несистемной оппозиции, которая также не воспринимается интернет-аудиторией как «честная», в качестве бескорыстного «борца за справедливость». Такое критическое отношение к моральному облику несистемной оппозиции среди интернет-пользователей отражает рисунок Г.3, размещенный в приложении Г.

Более того, часть интернет-пользователей достаточно негативно реагирует на «расследования», указывая на такие моменты, как большое

количество допущений, нарушение логики, её подмену ассоциативными связями и эмоциональными сюжетами, сознательное стремление через *технологию псевдодетализации* (многочисленные непроверяемые утверждения, представляемые как неопровержимые факты) манипулировать аудиторией. Ещё одной линией критики несистемной оппозиции со стороны её противников является обвинение в некомпетентности, стремлении фальсифицировать факты, заботясь лишь о создании негативного эмоционального фона в ущерб логическому и всестороннему анализу проблемной ситуации.

Универсальной технологией стимулирования антивластных настроений, получившей новое звучание в эпоху цифровизации политического пространства, является целенаправленное производство и *распространение слухов* и заведомо недостоверной информации («фейков») в социальных медиа. Главное конкурентное преимущество слуха как инструмента политической мобилизации – возможность управлять массовыми настроениями, сообщая им нужную тональность и динамику. При этом слух как психологическое явление может быть сконструирован и на принципе сенсационности, или, что используется чаще, нести в себе информацию, вписывающуюся в сложившиеся ранее паттерны перцепции и стереотипы. При этом важно, на наш взгляд, определить внимание на следующее: согласно доминирующему сегодня подходу, в первую очередь слух необходимо рассматривать не как эпизод осознанной лжи или сознательную деятельность по дискредитации кого-либо, а как выразительный фрагмент информации, обладающий двойственной природой. В его фундаменте лежит сочетание недостатка проверенной информации и позитивных установок восприятия смыслов, заключенных в сообщении (то есть, психологическая готовность соглашаться с «фейковой» информацией) [105]. Пример активного распространения такого слуха – попытка дискредитации Губернатора Санкт-Петербурга через обвинение в том, что он «блокирует» пользователей сети «ВКонтакте», опасаясь неудобных вопросов. Визуализация данного слуха представлена в приложении Г на рисунке Г.4.

При этом очевидно, что и первое (отсутствие достоверной информации), и второе условие (предрасположенность целевой аудитории воспринимать сообщение как достоверное) соблюдены. Первое – в силу непубличного характера упоминаемого события, поскольку речь идёт о межличностной коммуникации, и фактического отсутствия у власти возможности его опровергнуть (теоретически такая возможность есть, но она автоматически переводит власть в статус оправдывающихся, а также повышает статус тех, перед кем А. Беглов стал бы «оправдываться»). Второе – по причине устоявшегося негативного отношения аудитории данного оппозиционного ВК-сообщества к власти в целом, к тому же подкрепляемого множеством кейсов неэтичного поведения чиновников различного уровня, которые имели место в последнее время. То есть, подобный поступок, приписываемый оппозиционерами губернатору Санкт-Петербурга, вполне укладывается в систему ключевых оппозиционных стереотипов по отношению к действующей власти («они на это способны», «чего еще от них ожидать»).

Отдельную плоскость технологического профиля российской несистемной оппозиции составляет поиск *приемлемых методов противодействия комплексу мер, предпринимаемых государством по ужесточению практик административного регулирования в интернет-пространстве*. Активный характер такая деятельность органов государственной власти приобрела именно с марта 2019 года, когда был принят пакет поправок в уже действующие законы, получивший собирательное название «закон Клишаса». Согласно этим поправкам Генеральная прокуратура Российской Федерации получила права требовать от Роскомнадзора внесудебной блокировки сайтов при подозрении в совершении преступления или административного правонарушения, а также административно наказуемым стало проявление «явного неуважения к власти».

Важно отметить, что указанные законодательные изменения стали во многом логическим продолжением деятельности государства по усилению регулятивной функции в Интернете, которая явно обозначилась ещё

в 2017 году (законы «о мессенджерах» и «об анонимайзерах»). Однако на том этапе опыт власти в сфере противодействия несистемной оппозиции в медийном пространстве может быть оценен, скорее, как не вполне удачный: в частности, попытки Роскомнадзора заблокировать Telegram в конечном счёте не имели успеха, но вызвали серьёзный общественный резонанс и стали одним из драйверов ситуативной активизации оппозиционных действий среди молодежи.

Можно полагать, что сохраняющаяся для радикальной оппозиции возможность размещения негативной информации на интернет-платформах, находящихся вне юрисдикции Российской Федерации (прежде всего, YouTube), ставит вопрос о готовности или неготовности государства пойти по пути полной автономизации Рунета («отключении Интернета» и заменой его изолированным от глобальной сети «суверенным» медиа-пространством, что теоретически представляется возможным с технической точки зрения). Однако глубокая интеграция Рунета в систему «глобальной паутины», прежде всего, в экономическом плане, заставляет говорить о некоем промежуточном варианте по китайскому образцу (полная блокировка отдельных зарубежных ресурсов, прежде всего, Facebook, YouTube, Telegram и, возможно, Tik Tok).

Представляется, что общее мнение несистемной оппозиции по данному вопросу предельно развернуто озвучил Л. Волков, опубликовавший в социальных сетях YouTube и «ВКонтакте» ролик и пост под названием «Почему Путин просто не отключит интернет?»: «все чаще возникает вопрос, которые многие задают уже давно: ну а что вы будете делать, если Путин просто отключит интернет в России? ... Ничего. Почему отключение интернета в целом не стоит на повестке дня — понять достаточно легко... российская экономика гораздо более современна, чем экономика Того и Зимбабве. На интернет она завязана практически полностью... Но почему Путин не отключит конкретный сервис? Ну вот Ютуб... Давайте посмотрим внимательно на структуру пользователей того же сервиса Ютуб. Их в России сейчас около 70-80 миллионов человек - примерно половина населения страны. Посмотрим

на самые популярные видео – увидим, что в подавляющем большинстве они не имеют отношения к политике... многие музыкальные клипы набирают куда больше просмотров... из 80 миллионов российских пользователей Ютуба за политикой регулярно следят, может быть, 15-20 миллионов... Сядут такие пользователи смотреть футбол или обзор тачек ... – а сервис недоступен... На кого они будут злиться? На Путина, который им все заблокировал» [141].

Вместе с тем, следует признать, что несмотря на оптимистический взгляд представителей несистемной оппозиции по поводу невозможности блокировки ключевых политических ресурсов интернета (даже имеющих зарубежную юрисдикцию), ситуация существенного ограничения онлайн-активности ключевых оппозиционных деятелей стала реальностью весной-летом 2021 года. И пока очевидно, что оппозиционные акторы не обладают соответствующим инструментарием преодоления информационных и технических барьеров, выстраиваемых государством. На сегодняшний день можно выделить три поведенческих вектора их противодействия государственному давлению, осуществляемое через технические и административные инструменты.

Первый вектор – это диверсификация платформ и максимально быстрое распространение информации среди интернет-пользователей (часто такие ролики идут под маркировкой «срочно», «информацию удаляют»), а также переориентация лояльной аудитории на иные, пока еще не заблокированные ресурсы. Пример такой переориентации представлен в приложении Г на рисунке Г.5.

Второй вектор – пока еще завуалированные попытки популяризации VPN- сервисов для доступа к закрытым ресурсам и платных интернет-медиа («платформа Караулова» и т.п.). Однако следует признать, что в сегодняшних условиях это выглядит слабой компенсацией общедоступного контента, поскольку не обеспечивает вирусное распространение политической информации, сдерживает рост аудитории и по причине нежелания интернет-пользователей платить за подписки на политический контент, и в силу технических сложностей доступа к ней.

Третий вектор, который представляется перспективным – это активизация работы мессенджеров в целях распространения оппозиционного контента. Сегодня очевидная ставка сделана на медийные возможности telegram-каналов политической направленности, что, безусловно, снижает уровень вовлеченности (среднее время пребывания интернет-пользователя на ресурсе) и возможности визуальной репрезентации оппозиционного контента, но повышает оперативность распространения информации.

Финализируя рассмотрение технологий, применяемых различными акторами несистемной оппозиции для собственного продвижения в соцмедиа Рунета, необходимо также обозначить перспективы их совершенствования, которые в ближайшее время могут стать «точками роста» популярности несистемных политиков. Первое направление – это отказ от избыточной персонализации и более активное обращение к локальным проблемным сюжетам, демонстрация системной «неэффективности» действующей власти на местах, через локальные негативные кейсы, которые способны поддерживать высокий уровень негативной самоидентификации антивластной аудитории. Второе направление связано с более четкой проработкой образов предлагаемого будущего в целом и механизмов его конструирования, что неизбежно требует отказа от одномерных предельно радикальных решений («революция» и т.п.) и большую роль позитивного компонента. Третье направление лежит в поддержке и усилении уже сложившегося тренда на горизонтальные коммуникативные взаимодействия и использование интерактивных технологий (например, форматы стримов, виртуальных флэшмобов, электронных опросов) [109; 115].

Четвертое направление обусловлено задачей привлечения факультативной аудитории и связано с расширением социальной базы оппозиции, в том числе, посредством тематического разнообразия предлагаемого контента. В особенности это касается акторов либерального оппозиционного поля, в дискурсе которых наблюдается одновременно и попытка «измельчить» обсуждаемую повестку (тем самым приближая её

к повседневным проблемам потенциальных сторонников), и избыточное фокусирование на «инсайдах», связанных с персоной В.В. Путина и его окружения (что очень хорошо прослеживается хотя бы в том, что именно «расследования», направленные против действующей власти, стали основной технологией их самопрезентации в интернет-пространстве). В то же время закономерно, что значительная часть протестной интернет-аудитории воспринимает всё это как свидетельство атомизации и маргинализации несистемной оппозиции, её неспособности предложить комплексные социально-политические проекты, подменив их частностями (обсуждение состояния здоровья В. В. Путина, многочисленные «прогнозы» о грядущей в стране «революции», «ковид-диссидентство» онлайн и подобные проявления).

Пятое направление развития технологического профиля российской несистемной оппозиции носит функциональный характер и предопределено проводимой политикой государства по ужесточению регулирования Рунета. Сегодня, в ситуации участвовавших попыток вмешательства власти в деятельность YouTube, всё более отчетливо вырисовывается задача поиска новых механизмов противодействия «надёжному Интернету», цензурируемому государственными структурами.

Отдельный актуальный аспект исследования связан с развитием социальной платформы Telegram и попытками ряда несистемных акторов либо перенести фокус собственного позиционирования в telegram-пространство, либо параллельно использовать данный ресурс с другими социальными медиа (что становится особенно актуальным в условиях сокращения возможностей для радикальной политической активности в сети «ВКонтакте»). Проведенный анализ, тем не менее, показывает, что «взрывной» рост востребованности политического контента в Telegram, наблюдаемый в 2020-2023 гг., на данный момент не привел к тому, что указанное социальное медиа стало играть ведущую роль в самопозиционировании ключевых субъектов несистемного поля. Сохраняющаяся «вторичность» Telegram по отношению к You Tube

остаточно четко иллюстрируется разницей в количестве подписчиков на каналы ведущих представителей российской несистемной оппозиции, которая отражена в таблице 8.

Таблица 8 – Сопоставление аудиторий ведущих представителей российской несистемной оппозиции в Telegram и на You Tube

Оппозиционный политик, общественный деятель	Количество подписчиков в Telegram	Количество подписчиков на You Tube в миллионах
А. Навальный	228 344	6,26
М. Ходорковский	224 270	1, 25
М. Фейгин	190811	2,03
И. Яшин	190223	1,48
М. Кац	109848	1,94

Источник: составлено автором.

Помимо этого, необходимо подчеркнуть, что в политическом сегменте Telegram на сегодняшний день (октябрь 2023 г.) крайне заметно доминирование провластных и патриотических ресурсов, которые на порядок опережают по популярности Telegram – каналы несистемной оппозиции. Например, согласно данным аналитического ресурса TGstat.ru (октябрь 2023 года) топ-10 политических Telegram-каналов включает пять ярко провластных медиаресурсов, включая Telegram – каналы Ю.Подольки (2761007 подписчиков, первое место по популярности), Р. Кадырова (2096163 подписчика, второе место) и В. Соловьева (1313 206 подписчиков, шестое место). Также более 1 млн подписчиков в Telegram имеют каналы В. Володина и Д. Медведева, которые лидируют в рейтингах просмотра политических ресурсов на платформе Telegram

В то же время важно отметить, что некоторые несистемные российские акторы стремятся использовать Telegram, его возможности, в следующих целях. Во-первых, речь идёт об использовании Telegram как дополнительной,

вспомогательной цифровой площадки на основе частичного дублирования контента, представленного на других платформах (главным образом, на You Tube). Данное направление является базовым форматом деятельности несистемных политических сил через Telegram. Во-вторых, имеет место некоторая фрагментация («измельчение») оппозиционного контента, транслируемого через Telegram. Это, очевидно, направлено на решение задачи, ситуативно максимизировать «эффект присутствия» в информационном поле России (за счет более коротких и удобных для пользователей сообщений). В-третьих, параллельное использование несистемными оппозиционерами нескольких платформ, включая Telegram, сегодня носит, скорее, консервативный характер и направлено в большей степени на удержание уже имеющейся лояльной аудитории, чем на резкий рост числа сторонников.

В то же время необходимо отметить, что функциональный профиль Telegram создает для несистемных акторов и ряд дополнительных возможностей. Первая из них связана с активным размещением радикального агрессивного контента, который может быть, например, оперативно заблокирован на других медиаплатформах. Вторая, более существенная и сопряжённая с первой, - это тенденция «анонимизации» несистемных сил, нацеленных, прежде всего, не на конструирование собственных позитивных образов, а исключительно на деструктивный контент. Речь идёт об «обезличенных» или частично анонимных оппозиционных ТГ-сообществах, ориентированных на распространение «фейкньюз» с целью тотальной негативизации образа действующей российской власти и генерирования социально-политической конфликтности в цифровом пространстве России. Так, в форматах распространения агрессивного антивластного контента работают частично «анонимные» (не ассоциирующие себя прямо с конкретным политическим актором) ТГ-каналы «Генерал СВР» (361 424 подписчика) и «Ватное болото» (589877 подписчиков, позиционирует себя как «самый читаемый оппозиционный канал»).

Безусловно, указанная тенденция распространения агрессивного политического контента через оппозиционные Telegram – каналы с «обезличенной» политической субъектностью и исключительно негативной повесткой дня, формулирует запрос на разработку новых технологий противодействия деятельности несистемных сил, осуществляемой через Telegram.

Таким образом, можно сделать вывод, что целенаправленное конструирование несистемной оппозицией собственного положительного образа опирается на технологию «гуманизации» – «очеловечивания» ряда ее лидеров (и, как следствие, персонализации конфликта лидеров оппозиции лично с В.В. Путиным), попытки самоидентификации с молодежью через актуализацию противоречий между российскими политическими поколениями («дети Навального» VS «бабушки Путина»). Параллельно осуществляется технологическое использование образа «жертв режима» в комбинации с «дегуманизацией» образа действующей власти через психологический механизм негативной атрибуции.

3.2 Цифровые технологии протестной мобилизации в деятельности российской несистемной оппозиции

Важной составляющей исследования является анализ роли российской несистемной оппозиции как драйвера протестных настроений, инициатора массовых протестных акций 2018-2023 гг., имевших места как в интернет-пространстве, так и в офлайн (физической) среде. Развёрнутый взгляд, преобладающий в отечественной политической науке, основан на сложном *комбинированном* понимании природы и специфических черт политического протеста в современной России [44; 46; 48; 52; 91; 103; 112; 148].

Учитывая множество нюансов, в нём присутствующих, можно выделить следующие его критически важные тезисы:

– в российском обществе, безусловно, существует социальная база протестных настроений, которая неоднородна по своим демографическим параметрам. Её становление связано не только с антивластными установками политического сознания части россиян – недоверием к действующей власти, но и дисфункциональными тенденциями институционального развития, а также с текущей политической и социально-экономической ситуацией в Российской Федерации. На подобные факторы указывает, в частности, А.С. Соколов. По его мнению, «протестная активность является следствием формирования и существования социальных диспропорций в российском обществе, затрагивающих интересы граждан. Одним из ключевых факторов возникновения протестной активности в современной России является низкая эффективность демократических институтов. Протест возникает там, где органы власти не реагируют на обращения граждан о нарушении их прав и интересов» [44, с. 14]. Таким образом, фиксируются следующие важные тенденции:

– современные социальные медиа открывают дополнительные возможности для горизонтальной самоорганизации протестующих и в онлайн-среде, и в физическом пространстве [44, с. 3];

– ряд внешних акторов, прежде всего, ведущих западных стран, рассматривают несистемный протест как способ не только смены существующего режима, но и в перспективе – инструмент геостратегического ослабления России через дезорганизацию её внутреннего политического пространства (что полностью укладывается в стратегию «управляемого хаоса»).

Основное расхождение, которое можно обнаружить в рамках данного подхода, связано с оценкой степени влияния внешних игроков на действия акторов несистемной оппозиции: является ли оно определяющим, ситуативным или минимизированным?

Следует отметить, что действия российской несистемной оппозиции в 2018-2023 гг. опирались во многом на предшествующий собственный опыт, причем, как опыт протестных акций 2017 г. (серия митингов «против

коррупции»), так и практики «болотного движения» 2011-2012 гг. [148]. При этом заметен важный технологический переход: если в основе протестов «рассерженных горожан» лежало физическое событие – «обратный транзит» власти 24 сентября 2011 года и выборы в Государственную Думу-2011, то выступления 2017 года были практически полностью инициированы в результате целенаправленной интернет-кампании. Кульминацией последней стал «фильм – разоблачение», направленный персональной против Д.А. Медведева.

Если рассматривать активность несистемных сил в марте 2018 г. – июле 2021 г., то двумя точками бифуркации выступают протесты в Москве в июле – августе 2019 года и кампания по освобождению А. Навального в январе – феврале 2021 года. А. Халдей, анализируя опыт протестных выступлений июля – августа 2019 года в Москве, отмечает следующие важные моменты:

1) активное участие молодежи в онлайн и офлайн-протесте. Причем речь идёт не только о представителях радикальных взглядов, но и той части молодых россиян, которая ранее демонстрировала формальную лояльность власти, по крайней мере, на поведенческом уровне;

2) несовершенные бюрократические процедуры сдерживания оппозиции стали одним из детонаторов массового недовольства;

3) провокационные действия обеих сторон, как московских властей, так и оппозиции, направленные на обострение конфликта;

4) возможность масштабизации московского протестного опыта лета 2019 года;

5) ограниченность мобилизационного ресурса либеральной оппозиции и её неэффективность на других идеологических полях [171].

Помимо очевидных сходств в приемах интернет-мобилизации, разности физических событий – триггеров, и общего «либерального» тренда, можно выделить три наиболее заметных их различия. Первое – это масштаб протеста: Второе различие связано с динамикой протеста. Третье состоит в том, что медийное сопровождение акций января – февраля 2021 г. было гораздо более

организованным и массированным: «сотни миллионов просмотров тегов #навальный, #митинги и #дворецпутина. Десятки миллионов зрителей фильма Алексея Навального о недвижимости Владимира Путина. Никогда еще митинги в России не предварялись столь беспрецедентным медийным фоном почти по всем социальным сетям» [169]. Вместе с тем, скромный масштаб данного флэшмоба можно связать с тем фактом, что в условиях общего спада протестной волны, обозначившейся 24-31 января 2021 года, произошла еще и примитивизация формы протеста – акция была воспринята многими «либералами» как бессмысленная.

Необходимо зафиксировать то, что большинство технологических приемов, используемых несистемной оппозицией для мобилизации протестной аудитории, носят комплексный характер и применялись на более ранних этапах её деятельности [44, с. 15]. Кроме того, российский технологический (если говорить не о смысловом и символическом содержании, а об алгоритмах продвижения) контур протеста в значительной степени не оригинален и в жанровом плане сопоставим с опытом целого ряда зарубежных (в том числе, и постсоветских) стран. Многие его элементы показали свою относительную (в условиях паралича системы государственного управления и раскола элит) эффективность в ходе «цветных революций», имевших место на Украине, в Грузии, Киргизии, Молдове, Армении.

Так, на сегодняшний день крайне востребованным представляется механизм мобилизации протеста через радикальную *концентрацию момента политического выбора во времени* («сейчас или никогда»), предание ему судьбоносности. В её основе лежит манипулирование психологическим мотивом страха, которое успешно применялось в российских политических практиках, начиная с выборов Президента Российской Федерации 1996 года («голосуй, или проиграешь», «купи еды в последний раз!» и тому подобные лозунги).

Второй механизм стимулирования протестных действий, широко применяемый в соцмедиа Рунета, связан с *переносом ответственности на*

реципиента – отдельного человека или целевую аудиторию. В этом случае рядовой интернет-пользователь как бы оказывается «виновен» в своем бездействии. Ярким примером использования такого механизма являются многочисленные комментарии интернет-пользователей о том, что «Навальный сидит, пока мы сидим», «никакие «левые» и «либералы ничего» не изменять, пока мы сами не выйдем. Мы отвечаем за то, что эта власть делает со страной» и т.п. Сильная сторона такого подхода вытекает из возможности использования такого психологического механизма, как *присвоение соответствующего значимого статуса целевой аудитории* («мы не справимся без вас, только вы можете повлиять на ситуацию»). Однако безусловный недостаток этой технологии кроется в том, что, возлагая ответственность на обобщенный «народ», лидеры несистемной оппозиции отчасти демонстрируют и собственное бессилие изменить ситуацию, неспособность предложить нетривиальные ходы для эффективного противодействия правящему режиму.

Тем не менее, следует отметить, что наиболее влиятельные лидеры несистемных сил, будучи отстранены от прямого участия в выборах различного уровня, тем не менее, пытаются оказывать влияние на электоральные процессы. Например, в ходе предвыборной кампании в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации 2021 года одной из стратегических задач несистемной оппозиции (в рамках общей парадигмы борьбы с действующей властью в целом и партией «Единая Россия» как её репрезентацией на электоральном поле) стала мобилизация пассивной части потенциально протестного электората, то, что исследователи охарактеризовали как «битва за явку». Такой механизм базируется на фундаментальном по своей сути понимании, что значительная часть российских граждан, подверженных абсентеизму, в той или иной мере разделяют антивластные настроения. Причем, даже в том случае, когда они не имеют четких электоральных предпочтений. То есть, механизм протестного голосования получает новый импульс через мобилизацию «молчаливого большинства» и раскрутку (*разрушение*) «спирали молчания».

Наиболее заметным технологическим решением, призванным разрушить «спираль молчания» потенциально протестной части электората, стало так называемое «умное голосование», оказавшееся в 2018-2021 гг. в центре внимания российской оппозитологии [170]. Данный алгоритм электорального поведения был предложен А. Навальным и его сторонниками в ноябре 2018 года и первоначально был направлен на поддержку оппозиционных кандидатов на выборах в Московскую городскую думу в 2019 году. По существу, такая технология представляла собой рационализированную модификацию такого приема, как голосование «за любого, кроме «Единой России», которой сторонники либерального спектра несистемной оппозиции придерживались и ранее. Только теперь речь шла о консолидированной электоральной поддержке наиболее сильного оппозиционного кандидата, противостоящего «партии власти». В целях реализации этой технологии был создан информационно-навигационный ресурс сайт «Умное голосование» [170], выступающий агрегатором оппозиционных кандидатов и рекомендуемый поддержать одного из них. Создатели данной технологии объясняют её суть следующим образом: «мы придумали «Умное голосование», чтобы консолидировать голоса тех, кто выступает против «Единой России» [170]. Единороссы часто побеждают с минимальным перевесом, только за счет того, что голоса протестно настроенных избирателей распыляются. «Умное голосование» — способ, позволяющий всем избирателям договориться и совместными усилиями прогнать единороссов. И этот способ уже дважды доказывал свою эффективность» [170].

Также отмечается следующее: «на выборах 2019 года «Умное голосование» покрывало 38 регионов и 53 избирательные кампании. В итоге «Единая Россия» получила на 15% депутатских кресел в региональных и городских парламентах меньше, чем в 2014 году» [170]. При этом аналитики отмечают следующее: «механизм системы «умного голосования» ... очень прост, если не примитивен. Каждому избирателю предлагается на выборах ...проголосовать за того кандидата, у которого вырисовываются

шансы победить соперника-единоросса. Таким образом, все голоса должны сконцентрироваться на «втором сильнейшем», кто бы он ни был» [172].

При этом следует четко понимать, что умное голосование (и это признают сами авторы проекта) работает преимущественно с одномандатными округами в условиях системы относительного большинства (где главная цель – не допустить «распыления» оппозиционных голосов). В иных ситуациях – при системе абсолютного большинства, предполагающей возможность второго тура (например, выборы глав регионов), или пропорциональной (по партийным спискам) функциональные возможности данной технологии несколько ограничены. Особенно это проявляется в ситуации, сложившейся в ходе предвыборной кампании в Государственную Думу в 2021 году, когда особой для оппозиции приобретает вопрос: имеет ли смысл голосовать за «малые» партии?

Вместе с тем, технология «умного голосования» на сегодняшний день подвергается серьезной критике, причем, как со стороны независимых политологов-аналитиков, так и со стороны разнообразных представителей несистемной оппозиции. Можно выделить семь ключевых претензий, ей адресованных. Первая претензия, звучащая из лагеря радикальных несистемных оппозиционеров, связана с тем, что повышение явки является косвенной формой легитимации сфальсифицированных результатов голосования, в чём стратегически заинтересована действующая власть (то есть, аргумент «никто не пришел» на выборы утрачивает свою актуальность или хотя бы правдоподобие) [172]. Однако звучат и иные точки зрения на этот счёт. Например, Г. Голосов отмечает: «если фальсификации носят тотальный характер, то ни УмГ, ни любая другая тактика оппозиции не может сократить представительство доминирующей партии: она всегда будет побеждать. Однако практика показывает, что в России это пока еще не так. Локальные очаги относительно честного подсчета голосов продолжают существовать» [131].

Вторая претензия связана с тем, что «умное голосование» провоцирует примитивизацию (а не рационализацию, на чем настаивают его авторы)

электорального процесса, который окончательно превращается не в конкуренцию идеологий, программ и кандидатов, а в ситуативное объединение на фоне отсутствия позитивных политических ценностей и негативной самоидентификации («голосуй против...», «ни одного голоса...»). Отсюда вытекают и следующие претензии. Третья из них состоит в том, что через запуск механизма негативной самоидентификации и насыщения образа врага в лице «партии власти» происходит рост политической поляризации в российском обществе, что рискует вылиться в деструктивные формы протестных действий. Четвертая претензия связана с утратой компонента «сознательности» выбора, что, несомненно, препятствует формированию квалифицированной модели электорального поведения, повышению уровня политической ответственности избирателей. Так, по мнению председателя партии «Яблоко» Н. Рыбакова: «эта тактика чрезвычайно вредна для будущего нашей страны, потому что приучает людей к циничному подходу к политике. Подобные политтехнологии превращают политическую борьбу в карточную игру» [147].

Пятая претензия базируется на упоминаниях о технологической сложности (особенно для представителей старшего поколения, не владеющих современными информационными технологиями) и непрозрачности процедуры выбора оппозиционного кандидата, которого следует поддержать в данный момент. Более того, в среде несистемной оппозиции умное голосование часто интерпретируется как механизм внутреннего противоборства – попытка сторонников А. Навального монополизировать оппозиционную повестку. По мнению ряда оппозиционных активистов, «суть «умного голосования» сводится к тому, что в штабе Навального непосредственно в день выборов должны решить, за кого надо голосовать их сторонникам, и прислать зарегистрированным пользователям свое решение на электронную почту...» [154].

Наконец, седьмая претензия связана с существованием в недалёком прошлом того, что аналитики именуют «нехорошим прецедентом»

неформального слияния оппозиционеров и представителей партии власти после выборов: «если голосовать за любую партию, кроме «Единой России», как уже делали на выборах в Госдуму в 2011 году, можно получить тот же результат. Тогда в Государственной Думе появилось много коммунистов и эсеров, которых вскоре стало не отличить от единороссов» [172]. Более того, обнаруживается еще одно побочное следствие такого «умного» подхода к голосованию связаны с дополнительным окном возможностей, которое открывается перед «партией власти» в ракурсе использования имиджа «пострадавшего» - объекта необоснованных нападков со всех сторон: и со стороны системных оппозиционных партий, и несистемных акторов, и с левого фланга – и с либерального.

Следующей перспективной технологией, которая также оказалась востребованной несистемной оппозицией, является *виртуальный флэшмоб*. Говоря о ней, следует всё же отметить, что речь в первую очередь идёт не только о событии, происходящем исключительно в сетевом формате, а об использовании известной коммуникативной цепочки: физическое действие – информационный эффект (степень внимания со стороны массмедиа) – интерпретация (характер первичных оценок со стороны ретрансляторов информации и вторичных, исходящих от реципиентов) – эмоциональный эффект. То есть, данные действия имеют физическое (а не только виртуальное) измерение, но, как правило, сегодня «флэшмобы организуются с помощью современных социальных медиа ... Тем самым единожды образовавшееся сообщество, объединенное социально-политическими интересами, может продолжить свое существование (и социально-политическую активность) как в виртуальном, так и в реальном пространстве».

Флэшмоб как социально-политическая технология стала популярной в начале нынешнего столетия, но до начала 2010-х годов речь шла преимущественно об одномоментных (или хотя бы близких по времени) действиях в физическом пространстве. Л. Килтц характеризует данный инструмент следующим образом «флэшмоб – это группы людей, которые

собираются в общественных местах для совершения неожиданных (неподходящих для конкретной ситуации) действий и расходятся после короткого промежутка времени» [120]. Таким образом, налицо три базовых свойства флэшмоба – концентрация во времени, эмоционально-поведенческая выразительность и направленность на «разрыв шаблона» [120; 123].

Очевидное конкурентное преимущество флэшмоба в эпоху новых медиа обусловлено и его эмоциональной привлекательностью (обеспечивающей «кликабельность» – вовлеченность аудитории, определяемую как совокупность, просмотров, лайков и комментариев в сети), и относительно простотой. Данная технология адаптивна с точки зрения «клипового» восприятия и технологий подачи информации в современных социальных сетях, основанных на принципе первичности визуализации [123]. В 2010-е годы флэшмобы политического характера получили достаточно широкое распространение в России. Однако необходимо констатировать, что они не производили мобилизационного психологического эффекта и воспринимались, главным образом, как атрибут самопозиционирования политических маргиналов (от «фриков» – одиночек до малочисленных сообществ – наиболее известным примером здесь является акция Pussy Riot в храме Христа Спасителя). Такие действия получали политическое звучание только, когда сталкивались с неадекватной, по мнению ряда представителей «либеральной» оппозиции, реакцией власти.

В последнее время наиболее заметным флэшмобом, организованным представителями несистемной оппозиции, стала акция «любовь сильнее страха» («акция с фонариками») 14 февраля 2021 года в поддержку освобождения тех, кого оппозиционеры именуют политическими заключенными. Цель акции состояла, согласно заявлениям ее организаторов, в том, чтобы: «люди в как можно большем количестве российских городов, в как можно большем количестве дворов увидели, что они не одиноки» [140]. Суть её состояла в следующем: в 20 часов 14 февраля участники выходили во

дворы домов и на улицы, светили фонариками, делали фото на мобильные телефоны и выкладывали это в социальные сети.

Специфика данной акции состояла в том, что она зародилась в сетевом пространстве, получила физическое воплощение в офлайн-среде, а её эффекты также должны были проявиться преимущественно в виртуальных сообществах оппозиции. То есть прямо предполагалось, что фото в социальных сетях важнее, чем физическое действие. Число участников «физического» этапа акции оценивалось по-разному, однако многие эксперты и СМИ сходились во мнении, что речь идёт о тысячах людей (а не, например, о сотнях, как утверждали её противники, или десятках тысяч, о чем писали некоторые оппозиционеры), что представляется незначительным в масштабах России [127]. При этом в социальных медиа акция также не получила должного распространения, хотя, например, в Твиттере хэштег «ЛюбовьСильнееСтраха» и стал одним из самых популярных 14 февраля: его обозначили более 28,5 тысяч пользователей данной социальной сети. В Instagram – 10,5 тысяч [127; 139].

Однако необходимо признать, что опыт проведения политических флэшмобов подвергся серьезной критике и со стороны самих сторонников несистемной оппозиции, и со стороны интернет-пользователей в целом. При этом мониторинг соцмедиа показывает: акция «Любовь сильнее страха» была воспринята как слабая компенсация относительной неудачи массовых протестов 24 и 31 января 2021 г. и даже как попытка соратников А. Навального оправдаться за отказ от продолжения несанкционированных уличных действий массового характера. Например, в онлайн-пространстве стал распространяться юмористический контент, связанный с этой акцией: «министр иностранных дел ФБК Леонид Волков пригрозил, что если Путин после акции с фонариками не уйдет, то они перейдут к более жестким мерам – запуску воздушных шариков».

По нашему мнению, опыт использования «раскрутки» оппозиционных флэшмобов в интернет-пространстве подчеркивает их инструментальную ограниченность, которая вытекает из двух причин. Первая обусловлена их

относительной когнитивной бедностью и физической кратковременностью: ситуация, когда политические смыслы вытесняются механическим подражанием, является непривычной для большинства интернет-пользователей, воспринимается ими как сугубо игровая, то есть как имитация политической активности, а не её реальное проявление. Вторая причина детерминирована динамизмом современной интернет-коммуникации, её событийной перенасыщенностью [56; 64; 69]. В этих условиях происходит естественное рассеивание внимания, и политический флэшмоб (если он не имел дальнейших последствий и не перешел в «сериальную» фазу развития) уходит из поля зрения даже факультативной аудитории «сочувствующих», не говоря уже о тех, кто не проявляет особого интереса к политической повестке Рунета.

Можно констатировать, что *основная черта протестной активности несистемной оппозиции на современном этапе* – это попытка «перехвата» локального социального протеста, его перевода в политическую плоскость и расширения посредством интернет-технологий. Указанная тактика не является новой: прологом ей стали события вокруг «Химкинского леса», превратившиеся в полноценную общероссийскую политическую интернет-кампанию. Её медийный эффект, особенно в онлайн-пространстве, значительно превысил изначальную локализацию проблемы.

Исчерпывающее описание феномену локальных протестов применительно к современным российским реалиям дают Д. Орлов и А. Салаватова: «регулярная протестная активность...постепенно уходит на второй план, уступая место стихийному протесту, в основе которого лежит локальная проблема — конкретное событие или резкое изменение привычной ситуации, послужившее фактором мобилизации. В последние полтора года произошло достаточно неполитических акций протеста, чтобы можно было говорить о формировании новой тенденции» [150]. В заключении они делают обоснованный, на наш взгляд, вывод, что: «новый локальный протест» — это вызов для власти, на который она должна дать быстрый, адекватный и эффективный ответ» [150].

Можно заметить, что в 2018-2021 гг. наиболее востребованным с точки зрения интеграции несистемных сил в локальный протест стали экологические выступления и проблемы благоустройства городских территорий. Первое – экологическое - направление стало наиболее актуальным. Наиболее значимыми здесь были выступления против «мусорных полигонов» в Подмосковье, затихшие в 2018 году, эколого-политическая кампания в Шиесе осенью 2018 г. – летом 2019 г., события вокруг памятника природы шихана Куштау (август – сентябрь 2019 г.), направленные против его разработки Башкирской содовой компанией.

Наиболее заметным и длительным экологическим протестом, получившим политическое обрамление, явились события вокруг постройки комбината по утилизации бытовых отходов около железнодорожной станции Шиес (Архангельская область). Немаловажен и контекст данного события – речь шла об отходах, привозимых извне (Москва, регионы Центрального федерального округа), что изначально способствовало оформлению акции как защитной, направленной против посягательств на «нашу» территорию, то есть был остро актуализирован механизм «свои – чужие» («Жители Русского Севера продолжают борьбу против московского мусора», «Поморье – не помойка»).

По состоянию на 9 июня 2021 года в социальной сети «ВКонтакте» насчитывалось 23 сообщества, посвященных этой тематике. Самые крупные из них: «Мы против свалки на Шиесе» – 13608 участников [146]; «Вести с Шиеса» – 6619 участников [128]; «Межрегиональная группа «Стоп Шиес» – 2470 участников [144] «СТОП Шиес» – 3086 участников [167]. При этом самая активная «раскрутка» проблемы Шиеса развернулась на ресурсах либеральной несистемной оппозиции. Наибольшую активность при этом проявляли социальные медиа, связанные с М. Ходорковским, которые вели фактические онлайн-дневники развития событий [143]. При этом осуществлялась и целенаправленное мультиплицирование ситуации – её перенос на другие регионы России [143]. Визуальный контент, отражающий тактику

присоединения и последовательного мультиплицирования, представлен в приложении Г рисунком Г.6.

Примечательно, что целый ряд указанных протестных кампаний 2018-2020 гг. (например, Шиес и Куштау) на данный момент завершился формальной победой протестующих, что может оцениваться как позитивный опыт ненасильственной борьбы с властью в современной России. При этом также характерно, что власть оказывает серьезное противодействие и политизации экологического движения, и его консолидации в общероссийском масштабе. Так, организаторы Единой экологической акции протеста 15 марта 2020 г. обратили внимание на то, что власть не позволила использовать её участникам политические лозунги: *«нам и так зарубили все лозунги, которые касались Путина, Собянина, поправок к Конституции и обнуления сроков президента. Согласовали лишь растяжку? Экологию не обнулить?»* [134].

Второй вектор локальной протестной активности – «урбанистический протест» – стал относительно новым направлением приложения сил несистемной оппозиции в российских мегаполисах (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург). Первоначально безусловным монополистом на этом поле выступали либеральные силы, а также их лидеры, для которых проблематика развития городской среды стала одной из стержневых составляющих самопозиционирования (Е. Ройзман – в Екатеринбурге, И. Варламов и М. Кац – в Москве). В дальнейшем её элементы эпизодически использовались рядом левых активистов и политиков, включая тех, кто находится в состоянии дрейфа между системностью и поиском ниши в несистемном поле (Е. Шувалова, В. Жуковский, П. Иванов и др.). Следует признать, что такое позиционирование с опорой на бытовые проблемы, представляющее собой своеобразную реинкарнацию политтехнологического типажа «крепкого хозяйственника» из 1990-х годов находит частичный отклик у целевой аудитории – жителей ряда мегаполисов, но на данный момент является явно недостаточным в общефедеральном разрезе.

Таким образом, следует констатировать, что активное встраивание в тематику локальных социальных протестов и их последующий перевод в интернет-пространство позволяют несистемной оппозиции решать целый ряд взаимосвязанных задач. Среди них особо выделяется возможность мультиплицирование протестных практик, что важно, поскольку экологические и социально-бытовые проблемы являются злободневными для сегодняшнего российского общества в целом. Не меньшее значение имеет и возможность решения такой задачи, как ситуационная интеграция представителей различных идейно-политических сил на основе «обретения» негативной локальной идентичности, сглаживающей политические различия.

Однако в тактике приобщения несистемной оппозиции к локальным протестным импульсам можно увидеть и ряд слабых сторон. Главная из них проявляется в том, что многие участники протестных выступлений на местах не обладают четкой политической самоидентификацией и, более того, опасаются избыточной политизации происходящего. Эти опасения вызваны как опасностью стать мишенью для власти, так и скептическим отношением к политике и её акторам в целом. В этом плане несистемные силы воспринимаются как конъюнктурные игроки, стремящиеся ситуативно проявить себя и по возможности нарастить собственный политический капитал, а не как подлинные выразители интересов граждан. Поэтому следует признать, что пока «известным оппозиционным лидерам пока не удалось успешно инкорпорироваться ни в одну локальную протестную повестку, хотя попытки такого рода были. Перспектива идеологической политизации локальных движений пока совершенно не очевидна в силу отсутствия единой повестки» [150].

Не менее важная составляющая протестного поведения несистемных сил в сети Интернет – это *целенаправленная морализация протеста*, начало которой положили проводившееся еще до 2018 года шествия памяти Б.Е. Немцова, и, что более показательное, «марш против подлецов» 13 января 2013 г. Естественно, что моральный компонент, который может

служить некоторым знаменателем «уличной» мобилизации в сегодняшней России, нашел свое отражение и в виртуальном пространстве. Пожалуй, квинтэссенцией «морализации политики» со стороны несистемной оппозиции явились протесты, связанные с «делом» журналиста Ивана Голунова 9 июня 2019 года. Однако здесь необходимо отметить, что сама суть этого дела позволяла не только вновь актуализировать тезис о «бесчеловечности» нынешней власти (что и до этого регулярно использовалось радикальным крылом несистемной оппозиции, начиная с середины 2000-х годов), но и посредством интернет-коммуникации обеспечить перевод онлайн-активности в физическое пространство протеста.

В то же время проведенный анализ позволяет выделить и целый ряд существенных недостатков в организации протестной активности несистемной оппозиции, что зачастую мешает не только её консолидации, но и успешному переводу протестного движения в офлайн-практики.

Так, важно заметить, что протестная активность либерального сегмента оппозиции в сети и в офлайн-пространстве страдает таким недостатком, как искусственная централизация вокруг фигуры А. Навального. Таким образом, речь идёт о наметившихся авторитарно-персоналистских тенденциях в рядах внесистемной оппозиции. Это выражается в попытках сторонников А. Навального, фокусируясь исключительно на своем лидере и его деятельности, монополизировать и политический протест, и антивластную повестку дня в целом.

Второй весьма очевидный недостаток, который также прослеживается в действиях несистемной оппозиции, – это неспособность к консолидации протестных действий и даже к их координации, фактически параллельное сосуществование левого и либерального смысловых полей протеста. Если первое в известной степени инертно, сконцентрировано на социальной проблематике и фактически свернулось к середине 2019 года, то во втором доминирует проблематика, связанная с А. Навальным (начиная с января 2021 года – «свободу Навальному»). В этой связи показательно, что

«либералы» в основной своей массе скептически отнеслись к протестным акциям «левых» против пенсионной реформы (осень 2018 года), митингу против передачи Курильских остров Японии. В свою очередь «левые» дистанцировались от акций в поддержку освобождения А. Навального в январе – феврале 2021 года.

Третий недостаток, сдерживающий протестную активность несистемной оппозиции, связан, по мнению ряда экспертов, с излишним конфликтным уклоном. В силу этого любое оппозиционное выступление воспринимается как потенциально радикальное, влекущее за собой множество опасностей. Это обстоятельство, несомненно, ограничивает возможности привлечения сочувствующих групп (факультативной аудитории) к акциям протеста. В связи с этим примечательно, что одними из наиболее успешных протестных форматов стали «бытовой» (защита сквера в Екатеринбурге) и «моральный» (дело И. Голунова).

Анализируя различные точки зрения, высказанные в ходе экспертного опроса, можно выделить факторы, влияющие на описанную выше ситуацию. Они нашли отражение в таблице 9.

Таблица 9 – Психологические факторы, препятствующие конвертации цифрового политического протеста в офлайн-пространство

Фактор	Проявление
Возрастной	Для поколения Z пространство социальных медиа во многом тождественно «подлинной» физической среде, а виртуальные формы самовыражения – эквивалентны реальным
Психологический	Участие в физическом протесте может привести к утрате анонимности «юзеров» и выходу из «зоны комфорта», которой для них являются социальные сети
Инструментальный	Социальные сети воспринимаются как функционально удобный и достаточный ретранслятор политического недовольства
Эффект тотального отчуждения	Представление о власти как о закрытой системе: непонимание того, как физическое действие, тем более, ограниченное в масштабе и во времени – может привести к изменению политической динамики

Источник: составлено автором.

Можно сделать вывод, что в современных условиях российская несистемная оппозиция в целом, и главным образом либеральный сегмент выступают не только драйвером, но и мультипликатором политического протеста в социальных медиа Рунета. При этом наряду с традиционными технологиями политической мобилизации в её деятельности всё большее место занимают стимулирование электорального протеста через «негативную самоидентификацию» против власти, («умное голосование»), морализация протеста и использование локальных социально-бытовых проблем как «площадок» протестной активности.

3.3 Инструменты государственного противодействия радикализации несистемной оппозиции в интернет-пространстве

Необходимо констатировать, что одним из важных направлений исследования является анализ перспективных цифровых инструментов, использование которых со стороны государства может представляться эффективным с точки зрения противодействия влиянию радикальной части несистемной оппозиции в интернет-пространстве. На сегодняшний день указанная проблема находится в стадии активной научной и практической разработки, начинает занимать все более важное место в системе приоритетов российской политической науки [111; 113; 114; 115; 138]. Следует особо оговориться, что проводимый анализ предполагает акцент именно на цифровые инструменты информационно-психологического характера (основанных на использовании технологий «мягкой» и «умной» силы). Это выводит за пределы осуществляемого научного поиска широкий набор применяемых административных механизмов государственного регулирования и контроля над интернет-пространством (блокировки, маркирование иноагентов, административные наказания за размещение недостоверного и экстремистского контента).

Особое место в ходе осмысления методов противодействия деструктивному влиянию несистемной оппозиции в Рунете приобретает обращение к методологическим возможностям сетевого подхода, предполагающего анализ интернет-сферы как полицентричного и динамического пространства. В указанном ракурсе речь идёт о множестве разнородных акторов и деструктивных информационно-политических импульсов ими генерируемых и ретранслируемых на различных социальные аудитории российских интернет-пользователей [117; 122].

Важно подчеркнуть, что, отвечая на вопросы, посвященные инструментальным возможностям действующей власти по противодействию несистемной оппозиции, эксперты отметили три принципиальных момента:

– указанное противодействие до настоящего времени носило, скорее, несистемный характер и опиралось на технологии «жесткой силы» – прямого административного регулирования и последовательного ужесточения законодательства;

– результаты деятельности власти по нейтрализации деструктивного влияния несистемных отдельных акторов в Рунете нельзя признать полностью успешными, прежде всего, с точки зрения устойчивости политической системы современной России. С одной стороны, государству удалось усилить свое присутствие в политическом поле Глобальной сети. С другой стороны, такая деятельность властных институтов не приводит к снижению конфликтности цифрового пространства, разрушению «антивластного дискурса» в социальных интернет-медиа;

– наиболее очевидными, стратегически значимыми и эффективными в долгосрочном плане являются направления, не лежащие в цифровой плоскости полностью, а направленные на последовательное моделирование конвенциональных форм политического поведения (в том числе, и в интернет-среде) через образовательные и культурно-воспитательные механизмы политической социализации [109].

По нашему мнению, именно третий аспект представляется особенно интересным для действующей власти, поскольку он предполагает не прямое реактивное противодействие в формате «угроза – ответ» (условно: «фейк – антифейк»), а выстраивание новых стратегий, нацеленных на предупреждение и многомерное асимметричное реагирование с целью купирования активности отдельных несистемных политических акторов в цифровой среде. Представляется, что такое асимметричное цифровое реагирование – сложный структурный комплекс, учитывающий сетевую природу современного интернет-пространства и органично интегрирующий в себе как минимум два контура.

Первый контур – институциональный и долгосрочный – связан с содержанием и координацией соответствующих отраслевых политик. В первую очередь, речь идёт о необходимости содержательной корректировки сфер образовательной, информационной, культурной, молодежной политики.

Второй контур, вызывающий существенный интерес именно в рамках данного исследования, – представляет собой совокупность механизмов цифрового блокирования и последующей нейтрализации деструктивных политических и социально-психологических эффектов, возникающих в различных сегментах интернет-аудитории в результате целенаправленной деятельности акторов несистемной оппозиции. Опираясь на результаты экспертного опроса, а также научные труды в данной проблемной области, можно выделить ряд базовых цифровых инструментов государственного противодействия несистемной оппозиции в социальных медиа интерната. Данные инструменты при всем своем разнообразии могут быть сгруппированы в четыре взаимосвязанных и объемных по своему содержанию инструментально-технологических блока: объясняющие («антифейковые») технологии, «превентивные» технологии (то есть, технологии превентивного реагирования), «перереформирующие» и инклюзивные по своей сути когнитивно-поведенческие технологии.

Специфика указанных четырех инструментально-технологических блоков отражена в таблице 10.

Таблица 10 – Инструментально-технологические блоки государственного противодействия несистемной оппозиции в Рунете

Инструментально-технологический блок	Специфика
Объясняющие («антифейковые») технологии	Направленные на купирование и локализацию негативной информации через ее реструктуризацию, изменение эмоционального окраса, детализацию
Технологии превентивного реагирования («превентивные» технологии)	Нацелены на предупреждение распространения деструктивной информации, создание неблагоприятной среды для ее целенаправленного генерирования и тиражирования
«Переформатирующие» технологии	Направлены на системную трансформацию «рамочных» установок политического восприятия, выработку позитивных когний, устойчивых к внешним импульсам
Инклюзивные когнитивно-поведенческие технологии	Переформатирование установок и когний в сочетании с интеграцией целевой аудитории в совместную выработку позитивных моделей политического поведения, резистентных к воздействию внешних акторов

Источник: составлено автором.

Проведенное исследование позволяет очертить четыре блока «нейтрализующих технологий», позволяющих осуществлять эффективное противодействие деятельности радикальной несистемной оппозиции. Первый блок – это *объясняющие («антифейковые» - в узком значении этого слова) технологии. Они органично дифференцируются на технологии мотивационно-логической, детализирующей и аффективной направленности.* Технологии мотивационно-логической направленности нацелены на реструктуризацию подлинной логики происходящего и достоверных событийных контекстов («кому выгодно?»). Указанный инструментальный спектр призван рельефно отразить глубинное содержание мотивов «информационных атак» на действующую власть. Аффективные технологии связаны с использованием негативного эмоционального потенциала интернет-пользователей, который может быть целенаправленно канализирован на лидеров несистемной

активности и протестной мобилизации («переход на личности», «подмена повестки», эмоциональная «абсурдизация», компенсация через лидеров общественного мнения).

В рамках данного блока существенный интерес представляют и *детализирующие технологии*, цель которых заключается в фактической дискредитации предоставляемого несистемной оппозицией антивластного контента через выявление в нем фактических неточностей, присутствие допущений, избыточного количества оценочных суждений, предположений гипотетического характера, которые преподносятся аудитории в качестве фактов. Следует отметить, что указанная технология в определенной мере представляется действенной, поскольку проведенный анализ показывает следующую тенденцию: существенная часть интернет-пользователей, не испытывая симпатий по отношению к власти, тем не менее, достаточно сдержанно реагирует на всевозможные оппозиционные «расследования» и «разоблачения». Такое скептическое отношение интернет-аудитории иллюстрирует, в частности, размещенный в информационном приложении Г рисунок Г.7.

В то же время следует четко понимать, что три представленных выше группы технологических решений, являясь по своей изначальной сути манипулятивными приемами, имеют и два весьма серьезных ограничения, снижающие потенциал их эффективности в условиях радикализации политического пространства. Первое связано с тем, что «антифейковые» информационные кампании также поддерживают актуальность опровергаемого контента среди интернет-пользователей и, тем самым, привлекают дополнительное внимание к нему. В такой ситуации на первый план выходит как *убедительность приводимых «антифейковых» аргументов*, так и их эмоциональная выразительность, мотивационная, ценностно-установочная и, что принципиально, семантическая конгруэнтность тем целевым группам, которым они адресованы.

При этом, говоря о борьбе с «фейками» в цифровой среде, необходимо выделить такое свойство последних, как комбинированный характер: нередко он проявляется с опорой на некоторый, вырванный из контекста и частично видоизмененный фрагмент информации. При этом, по мнению А.В. Манойло, а также ряда ученых, разделяющих его точку зрения, «задачей фейковой новости становится перехват информационной повестки и замыкание ее на себя с тем, чтобы содержание фейка на некоторое время стало навязчивой идеей, подчиняющей себе сознание человека, подпавшего под влияние фейковой новости» [103, с. 99]. В качестве базовых А.В. Манойло и его коллеги выделяют три метода противодействия «фейкньюз» в условиях массивного деструктивного воздействия на информационное пространство извне: удовлетворяющий, депривирующий и модифицирующий [103, с. 103]. Суть указанных методов представлена в таблице 11.

Таблица 11 – Базовые иерархические методы противодействия «фейкам» (научный подход А.В. Манойло)

Метод	Характеристика
Удовлетворяющий	Удовлетворение потребностей объекта в информационном контенте определенного типа и соответствующем эмоциональном фоне в процессе коммуникации.
Депривирующий	Создание дефицитарной ситуации: лишение возможностей удовлетворения или нехватки потребностей субъекта
Модифицирующий	Акцент на развернутом убеждении реципиентов с целью видоизменения потребностей или мотивационной сферы в целом

Источник: составлено по материалам [138, с. 102-103].

Опираясь на приведенную выше классификацию, справедливо полагать, что гораздо более эффективными представляются те технологические решения, которые могут быть охарактеризованы как «упреждающие». То есть, необходимо вести речь о *втором блоке – технологиях превентивного реагирования*, основанных на использовании в качестве базового коммуникативно-психологического *эффекта первичности*, подразумевающего

некую «презумпцию доверия» к актору, который первым предоставляет информацию и заведомо скептическое отношение аудитории к «оправдывающейся» стороне. К широкому спектру указанных технологических решений (помимо прямых ограничительных мер, вводимых государством) можно отнести такие активно используемые приемы, как «тревожная кнопка» («осторожно, мошенники!»), предание тотальности конфликту («они пойдут на все, чтобы очернить нас»), использование «серого PR» для превентивного направления по «ложному следу» («они готовят серию так называемых разоблачений. Почему именно сейчас и для чего им это нужно?»), контратакующую тактику превентивной эмоциональной накачки («они хотят меня уничтожить, поэтому надо быть готовым к любым, самым гнусным провокациям с их стороны»), размывание потенциально актуальной оппозиционной повестки через превентивный – а не постфактум, то есть, «оправдательный» – запуск альтернативных «конспирологических» версий («кто и зачем пытается дискредитировать Медведева?») и ряд других приемов.

Особое место в разработке инструментария противодействия деструктивным проявлениям радикальной оппозиционности в интернет-пространстве занимают технологические решения, которые можно условно назвать «периформатирующими» (корректирующими) технологиями. Указанный технологический блок, в отличие от предыдущих, не ставит во главу угла работу с эмоциональной сферой общества, а использует в качестве базового психологический механизм убеждения. То есть, он ориентирован на функциональные возможности убеждающей коммуникации [64; 109]. Сложность использования данного вида технологий связана, в первую очередь, с такими факторами, как необходимость организации непрерывного мониторинга протестной активности в масштабах национального политического пространства, и соответственно – ресурсная емкость. То есть, на первый план выходит необходимость концентрации существенных материальных, интеллектуальных и технологических ресурсов в целях

диагностики и детализации глубинных тенденций, представляющих потенциальную опасность для социально-политической стабильности, оперативное выявление «нишевых» (локальных, субрегиональных, поколенческих) проблемных узлов, способных в перспективе стать точками кристаллизации деструктивной протестной активности.

К числу таких технологий относятся методы рефрейминга когнитивного пространства деструктивной ситуации, которые включают в себя целый ряд взаимосвязанных процедур. Прежде всего, на уровне оценки некоей ситуации-триггера (запускающий механизм некритической радикализации и протеста), к ним можно отнести темпоральный трансфер (перенос «точки отсчета» - и как следствие изменение первопричины и содержания событийной последовательности), смысловую достройку в целях минимизации когнитивных «белых пятен». Последнее предполагает поэтапное преодоление информационного дефицита как важной причины дезориентации части интернет-сообщества. Не менее значимое место в системе используемых приемов в рамках данного технологического блока занимает многоступенчатая (сопряженная) рационализация, например, внешней мотивации протестных акторов и персонализированных рисков. Некоторые из указанных специальных коррекционных методов по своей форме схожи с методами прямого – «объясняющего» - воздействия, но предполагают в своей основе принципы превентивности.

Можно отметить, что «перереформирующие» технологии по своей природе носят комплексный политико-психологический характер, поскольку опираются не только на базовые принципы и приемы социального манипулирования, но и на наработки различных отраслей психологического знания (психотерапии, коррекционной, когнитивной психологии), направлены на частичный пересмотр установок и паттернов восприятия политической реальности. Однако на сегодняшний день возможность их применения всё же ограничена такими наиболее очевидными факторами-барьерами, как внутренняя ресурсность (требуют существенных затрат ресурсов, в том числе,

и на предварительную диагностику целевой аудитории воздействия) и турбулентность внешней политической среды – подвижность информационной «повестки дня». Такая информационно-политическая неустойчивость снижает потенциал воздействия на коллективное сознание, особенно, если речь идёт о внутренне динамичных, эмоционально лабильных группах, в той или иной мере подверженных деструктивной оппозиционной пропаганде («факультативном электорате» несистемной оппозиции).

Важность асимметричных технологий перформатирования связана и с тем, что одной из фундаментальных причин роста радикальных настроений в различных социальных пространствах, включая виртуальное, является кризис когнитивной составляющей политического сознания различных общественных групп, ее подмена аффективными реакциями [48; 56; 95]. Причем нередко эти реакции трансформируются в состояния, носят пролонгированный, «серийный» характер, который поддерживается посредством актуализации механизма вовлечения, многоэтапного порционного «вброса» негативного контента (например, не просто «компромат» на отдельного политика или чиновника высокого ранга, а «серия расследований» о коррупции со стороны представителей действующей власти).

Описывая эту ситуацию кризиса когнитивной функции, аналитики отмечают: «утрачиваются навыки критически осмысливать новости, события, их интерпретации, люди всё больше привыкают принимать на веру то, что они видят по телевизору или, как в случае с вирусными фейками, читают в сообщениях от родных и друзей» [137]. Таким образом, задача действующей власти в сфере противодействия влиянию несистемной оппозиции во многом приобретает двойственный профилактическо-реабилитационный характер. Если профилактический компонент связан с активацией принципа превентивности – предупреждения угроз, то реабилитационный предполагает реконструкцию корректных, конвенциональных рамок восприятия политической реальности, вытеснение деструктивных стереотипных установок политического сознания. Однако, очевидно, что реализация такой задачи

в дистантном формате и существенных социальных масштабах – например, в ходе взаимодействия с молодежным сегментом интернет-аудитории – требует усиления и дифференциации (предания внутреннего разнообразия и последующее «таргетирование») присутствия провластных политических акторов в социальных медиа Рунета.

Развитием «перехватывающих» технологических решений в рамках широкого блока асимметричных технологий и инструментов являются *когнитивно-поведенческие технологии противодействия деструктивному влиянию несистемных политических акторов*. В их основе лежат принципы инклюзии и ценностно-поведенческого сопряжения. В данном случае реализация первого принципа – инклюзии – предполагает, что целевая аудитория выступает не столько объектом различных форм воздействия (оппозиционного или властного), а последовательно интегрируется в процесс выработки позитивных моделей политического поведения. Второй принцип, ценностно-поведенческого сопряжения, представляет собой акцент на выстраивание жесткой взаимосвязи между ценностно-установочным фундаментом политического сознания и деятельностной сферой и одновременно – изменение паттернов восприятия деструктивной ситуации через рационализированное ее изучение. Характерный пример такого позитивного опыта – непосредственное вовлечение некоторых групп российской студенческой молодежи в деятельность «антифейковых» структур, что позволяет ей более глубоко, через рационально-логические и практические формы, понять не только деструктивную мотивацию несистемной оппозиции, но и увидеть «механику», то есть, алгоритмы не конвенционального воздействия на массовое сознание.

Вместе с тем, использование таких инклюзивных технологий требует не только всестороннего, развернутого мониторинга угроз деструктивного политического поведения, сегментирования аудитории по ее склонности к протестным социальным и политическим практикам, но и, что крайне существенно, стационарного характера осуществляемой государственной

деятельности – активного включения институтов вторичной политической социализации, прежде всего, общеобразовательных школ и университетов, в процесс когнитивно-поведенческого обучения (а не разового и эпизодического ознакомления с проблемой) методам выявления деструктивной информации и купирования ключевых информационно-политических угроз – в том числе, на индивидуальном («для себя») и микросоциальном (для ближайшего социального окружения, в рамках отдельных сетевых сообществ) уровнях.

Рассматривая проблему противодействия деструктивному контенту, распространяемому отдельными акторами несистемной оппозиции посредством Telegram-каналов, необходимо отметить, что на сегодняшний день она имеет существенную важность не в силу масштабности оппозиционной Telegram-аудитории. Главная причина заключается в том, что данная платформа предоставляет широкие функциональные возможности и для предельной негативизации политических настроений среди политизированной части российского общества, и (в случае необходимости) для попыток физической мобилизации сторонников несистемных сил. Поэтому, говоря о возможных путях дальнейшего государственного противодействия деятельности несистемной оппозиции через Telegram, необходимо признать, что наиболее вероятным здесь видится сочетание прямого административного вмешательства и асимметричных технологий, прежде всего, инклюзивного характера. Если административные механизмы могут купировать негативные эффекты в краткосрочной перспективе (что особенно важно в случаях обострения политической ситуации и возможности несанкционированных протестных акций), то инклюзивные когнитивно-поведенческие технологии позволят пользователям, например, оперативно идентифицировать многочисленные политические «фейки», циркулирующие в Telegram-каналах.

Таким образом, можно сделать вывод, что на современном этапе и в перспективном разрезе наиболее востребованными инструментами государственного противодействия радикальной деятельности отдельных

акторов несистемной оппозиции в социальных медиа Рунета выступают четыре блока технологий: объяснительные, направленные на непосредственную борьбу с распространяющейся «фейковой» информацией; превентивные, нацеленные на использование приемов упреждающего коммуникативного воздействия на аудиторию; «перереформирующие», в основе которых лежат принципы убеждающей коммуникации и трансформации установок восприятия политической реальности; инклюзивные когнитивно-поведенческие, предполагающие интеграцию отдельных целевых аудиторий в процессы противодействия различным проявлениям информационной агрессии, в том числе, исходящим от несистемной оппозиции.

Выводы по главе 3

1) Большинство технологий (актуализация образа «героя», дегуманизация), используемых несистемной оппозицией, не представляют собой нечто новое, а были инкорпорированы в интернет-пространство из предшествующих политических практик, широко распространенных в «эру телевидения». Но тем не менее, массовость интернета, его широкий технологический потенциал, открывают для несистемной оппозиции дополнительные возможности как в сфере формирования собственного положительного образа, так и в контексте целенаправленных информационных атак, направленных против действующей власти.

2) Среди технологий продвижения оппозиции в сети Интернет наиболее важное место занимают такие, как выстраивание позитивного образа ключевых оппозиционных лидеров через последовательную их «гуманизацию» – помещение в бытовой, неполитический контекст; персонализация оппозиционного поля (и, как следствие, персонализация конфликта лидеров оппозиции лично с В.В. Путиным), активная эксплуатация образа «жертв режима», «дегуманизация» образа действующей власти через распространение слухов и негативные атрибуции, попытка самоидентификации с молодежью

через актуализацию ценностного конфликта поколений («дети Навального» VS «бабушки Путина»).

3) В рамках анализа основных векторов оптимизации технологического инструментария несистемной оппозиции в социальных медиа Рунета, можно выделить такие базовые моменты, как дальнейшее развитие горизонтальных форм коммуникативного взаимодействия, отказ от избыточной персонализации, интенсификация обратной связи со сторонниками, более активное и последовательное создание информационных поводов, связанных с социально значимой повесткой выстраивания коллективного образа будущего.

4) Среди технологий мобилизации политического протеста на рубеже конца 2010-х – начала 2020-х годов важное место занимало «умное голосование» на основе негативной самоидентификации «против власти», предельная концентрация политического времени, искусственно ставящая аудиторию интернет-пользователей в ситуацию радикального политического выбора («сейчас или никогда»), перенос ответственности с лидеров оппозиции на их сторонников в параллельном призывом к активным антивластным действиям, выраженная морализация протеста как поиск общего ситуативного знаменателя для разных протестных сегментов.

5) Стратегическое значение для современной оппозиции имеет присоединение к «новому локальному протесту», в центре которого изначально лежат не политические, а социальные лозунги. Эти требования связаны преимущественно с вопросами экологического характера и благоустройства территорий, качества жизни в городской среде. Однако при всей своей технологической ёмкости возможности использования локального протеста и его мультипликации в виртуальном пространстве ограничены; в том числе высоким уровнем недоверия участников протестных акций к политике в целом.

6) Важным направлением технологической деятельности несистемной оппозиции в сети Интернет является противодействие государственному правовому и административному давлению, которое серьезно возросло

в 2018-2023 гг. (законодательные нормы о «суверенном Интернете», «фейках» и другие правовые акты). Среди возможных механизмов такого противодействия особое место занимает диверсификация платформ размещения оппозиционного контента, его форсированная масштабизация (в том числе, через распространение отдельными сочувствующими интернет-пользователями на своих страницах). В дальнейшем востребованными могут оказаться и такие методы, как перенос центра тяжести оппозиционной активности из социальных сетей в мессенджеры, прежде всего, Telegram, а также распространение технологий обхода блокировок Интернет-ресурсов.

7) Актуальными инструментами государства, способными препятствовать деятельности несистемной оппозиции в социальных медиа Рунета, являются следующие разновидности технологий: объяснительные, превентивные, «перереформирующие», а также инклюзивные (когнитивно-поведенческие). Последние основаны на целенаправленном вовлечении различных групп граждан, включая активных интернет-пользователей, в процессы противодействия различным проявлениям деструктивной оппозиционной активности.

Заключение

В ходе исследования были проанализированы различные подходы к пониманию несистемной оппозиции как сложного политического феномена. На основе синтеза данных подходов сформулировано авторское определение несистемной оппозиции. Согласно ему несистемная оппозиция может квалифицироваться как внутренне неоднородный сегмент политического пространства, находящийся вне либо на периферии правового поля, как правило, не участвующий (или эпизодически участвующий) в электоральных процессах и выступающий как за изменение политического курса, проводимого действующей властью, так и за кардинальные институциональные трансформации сложившейся властной конфигурации и политической системы в целом.

Структурная операционализация понятия «политический образ» позволила выделить три его ключевых компонента – когнитивный, аффективный и поведенческий, а также два дополнительных профиля: лидерский и символический. На основе структурной операционализации понятия «политический образ» и идеологического сегментирования несистемно-оппозиционного поля была выработана концептуальная исследовательская модель, предполагающая последовательное изучение компонентов и профилей трех сегментарных образов российской несистемной оппозиции: либеральной, левой и правой (националистической).

Опираясь на анализ данных, полученных в ходе автоматизированного мониторинга, и мнения экспертов, можно отметить, что образ либеральной оппозиции в социальных медиа Рунета отличается крайней аффективной насыщенностью. Речь идёт о преобладании в нем ярко выраженной конфликтной составляющей, деструктивных агрессивных интенций, которые генерируются и воспроизводятся путем последовательной реконструкции «образа врага» в лице действующей власти. Его ключевая особенность – высокий уровень смысловой и эмоциональной консолидации вокруг фигуры

А. Навального, которая занимает центральное место в лидерском профиле данного образа. Важным смыслообразующим компонентом образа либеральной оппозиции является актуализация темы борьбы с коррупцией через «компрометирующий контент» – серию «разоблачений» представителей действующей власти. Использование антикоррупционной проблематики также обусловило его эмоциональную выразительность, достигаемую посредством постоянной эскалации конфликта с «режимом». При этом можно отметить, что образ «либералов» характеризуется размытостью и внутренней разбалансированностью его поведенческого (за исключением «умного голосования») и символического компонентов.

Необходимо констатировать, что образ левой несистемной оппозиции в социальных медиа Рунета характеризуется относительно развернутой когнитивной составляющей (по сравнению с двумя другими сегментарными образами), эмоциональной выразительностью, а также высоким уровнем внутренней конфликтности. Основную роль в его конструировании занимают такие базовые когниции, как социальная справедливость, противопоставление советского опыта и нынешних реалий, антибюрократическая риторика и противодействие коррупции (в чем он коррелирует со смысловым наполнением образа «либералов»). Тем не менее, необходимо также признать следующее: в данном образе, в отличие от «либералов», отсутствует элемент лидерской консолидации: фактически на сегодняшний день «левые» в интернет-пространстве представлены группой персоналий, претендующих на лидерство и периодически остро конфликтующих между собой. Символический профиль данного образа является отчетливо ретроспективным (СССР, Ленин, Сталин, индустриализация. Высокий уровень социальных гарантий со стороны государства – «уверенность в завтрашнем дне», существовавшая в 1960 - 1970-е годы), а поведенческий – размытым и крайне неоднородным (в частности, отсутствует единая позиция по поводу участия или неучастия в выборах).

Показательно, что образ правой (националистической) оппозиции в социальных медиа Рунета является наиболее аморфным среди трех рассмотренных сегментарных образов, противоречивым в смысловом плане и, во многом, дистанцированным от актуальных социально-политических проблем современного российского общества. В его когнитивном профиле основное место занимают традиционные для российских «правых» конструкты: антимигрантские сентенции, вхождение Крыма в состав России, а также реминисценции – обращение к историческому и политическому наследию Российской империи, геополитическим идеям величия России.

При этом существенное фрагментирующее влияние на генерализованный образ националистической оппозиции в онлайн-пространстве оказывают серьезные противоречия между условно «гражданскими» националистами и представителями неоимперского течения. Указанные противоречия детерминируют двойственность смыслового профиля данного образа. Важно также отметить, что символическая составляющая образа правых сил характеризуется рельефностью (двуглавый орел, черно-желто-белый флаг, фотографии императоров, полководцев) и относительной бедностью, а лидерский профиль – крайней эклектичностью, всё более приобретающей характер хаотизации и лакунарности.

Следует признать, что цифровая трансформация российского общества открывает перед несистемной оппозицией новые возможности и технологически решения в ракурсе конструирования собственного образа и политической мобилизации сторонников. В то же время, ряд политических технологий, используемых несистемными акторами (актуализация образа «героя», дегуманизация) в интернет-пространстве были заимствованы из предшествующих политических практик, широко распространенных в «эру телевидения». Но, тем не менее, массовость аудитории Рунета, его широкий технологический потенциал, оставляют ключевым акторам несистемной оппозиции смысловое пространство и инструментальные ниши, как для

попыток конструирования собственного положительного образа, так и в плане негативного воздействия на образ действующей российской власти.

Основываясь на результатах исследования, можно констатировать: сегодня российская несистемная оппозиция активно использует такой технологический прием, как формирование положительного образа оппозиционных лидеров через их целенаправленную «гуманизацию» – помещение в бытовой, неполитический контекст. Параллельно с этим, ряд несистемных акторов российской оппозиции стремятся к искусственной персонализации оппозиционного поля (и, как следствие, персонализации конфликта лидеров оппозиции лично с В.В. Путиным), целенаправленно конструируя и эксплуатируя при этом когнитивно не выразительные, но предельно насыщенные в эмоциональном плане образы «жертв режима». Вместе с тем, в 2022-2023 гг. в связи с существенным изменением актуальной социально-политической повестки, превалирующей в цифровом пространстве России, обозначилась тенденция сужения смыслового поля конструирования образов либеральной оппозиции. Антикоррупционная риторика и императив «России будущего» стали всё более уступать место предельно негативной – антивластной – идентичности и связанным с ней агрессивным аффективным сентенциям (адресованным как действующей российской власти, так и российскому обществу в целом). Напротив, значительная часть левых несистемных акторов сумели весьма эффективно адаптировать собственные когнитивные конструкты (такие, как социальная справедливость, ценность советского опыта) к новым социально-политическим реалиям, форматирование которых во многом обусловлено Специальной военной операцией на Украине.

Исследование позволило выявить и охарактеризовать *основные технологии онлайн-мобилизации политического протеста*, используемые различными акторами несистемной оппозиции. Так, в 2018-2021 гг. одно из главных мест среди указанных технологий занимала онлайн-агитация за «умное голосование», направленное на разрушение «спирали молчания» и зонтичную, ситуативно обусловленную консолидацию против провластных кандидатов.

Также активно использовались выраженная морализация протеста, представляющая собой поиск общего негативно-эмоционального знаменателя для разных оппозиционных сегментов.

Среди цифровых инструментов, присутствовавших в арсенале российской несистемной оппозиции, заметную роль играет актуализация конфликта поколений как способ катализировать «негативную» («антивластную») политическую идентичность оппозиционно настроенной молодёжи. Однако необходимо отметить: опыт конца 2010-х – начала 2020-х годов показал, что избыточный акцент на поколенческий водораздел между старшими поколениями и молодежной аудиторией способствует эскалации политической конфликтности, но в то же время существенно сужает мобилизационные возможности несистемных акторов в социальных медиа Рунета.

Важное место в политической тактике российской несистемной оппозиции занимают её ситуативные попытки интегрироваться в локальный онлайн-протест, базирующийся, как правило, не на политической, а на социальной проблематике. Однако, необходимо подчеркнуть, что возможности использования локального протеста (при всей их технологической емкости) несистемными политическими акторами весьма ограничены. Эта ситуация обусловлена, в том числе, стремлением участников локальных протестных акций организационно и символически дистанцироваться от всех сегментов российской несистемной оппозиции.

Следует выделить ряд обстоятельств, которые не только сдерживают рост масштабов несистемного онлайн-протеста в России, но и серьезно ограничивают возможности его ретрансляции в физическое пространство. Главными из них являются возрастной фактор, выражающейся в слабой готовности старшей части оппозиционной аудитории к «уличным» акциям, её потребность в обеспечении собственной безопасности (которая в случае радикальных протестных действий ставится под угрозу), эффект социального отчуждения от политической повседневности, находящейся за пределами виртуальной среды. А главное – то, что именно социальные сети

рассматриваются значительной частью сторонников российской несистемной оппозиции как оптимальное – наиболее комфортное – пространство протестной активности, что не требует ни обновления оппозиционной политической повестки, ни поиска новых механизмов собственного позиционирования в политическом пространстве современной России.

Представляется, что в современных условиях наиболее эффективными инструментами государственного противодействия несистемной оппозиции в социальных медиа Рунета выступают четыре блока технологий: объяснительные, превентивные, «перереформирующие» и инклюзивные. В указанном технологическом спектре существенный интерес представляют «перереформирующие» технологии, нацеленные на трансформацию фреймов восприятия политической реальности, в том числе, через работу с соответствующими массовыми когнициями, перцептивными установками массового сознания. Необходимо отметить, что крайне перспективным для российской власти является такой комплексный инструмент, как инклюзивные когнитивно-поведенческие технологии. Их использование предполагает последовательную интеграцию отдельных целевых аудиторий в процессы противодействия различным проявлениям «цифровой» агрессии.

Можно констатировать, что образ российской несистемной оппозиции в социальных медиа Рунета представляет собой не интегрированную когнитивно-символическую структуру, а фрагментированный конгломерат представлений, в котором можно выделить три сегментарных конструкта – образы либеральной, левой и правой оппозиции. Указанный образ-конгломерат, являясь во многом контурным по своей форме, характеризуется превалированием аффективной составляющей над когнитивной, слабостью поведенческого компонента, эклектичностью и аморфностью лидерского и символического профилей.

Среди базовых технологий и механизмов, лежащих в основании формирования данного образа, ведущее место занимают конструирование ситуативной негативной идентичности через дегуманизацию действующей

власти, целенаправленное «очеловечивание» отдельных лидеров несистемной оппозиции. Помимо этого, активно используются технологии онлайн-мобилизации, имеют место попытки интеграции несистемных акторов в социальную повестку локального протеста.

Список литературы

Книги

1. Акопов, Г.Л. Интернет и политика. Модернизация политической системы на основе инновационных политических интернет-коммуникаций : монография / Г.Л. Акопов. – Москва : КНОРУС, 2013. – 240 с. – 1000 экз. – ISBN 978-5-406-05320-1.

2. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – Москва : Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с. – ISBN 5-89826-059-5.

3. Брунер, Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации / Дж. Брунер. – Москва : Прогресс, 1977. – 413 с. – ISBN отсутствует.

4. Гидденс, Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. – Москва : Весь мир, 2004. – 116 с. – ISBN 577770304-6.

5. Глебова, И.И. Политическая культура России: образы прошлого и современность / И.И. Глебова. – Москва : Наука, 2006. – 332 с. – ISBN 5-02-0338486.

6. Даль, Р. Полиархия: участие и оппозиция / Р. Даль. – Москва : Издательство Государственного университета – Высшая школа экономики, 2010. – 287 с. – ISBN 9-785-759-80759-9.

7. Докинз, Р. Эгоистичный ген / Р. Докинз. – Москва : АСТ, 2013. – 509 с. – ISBN 9-785-040-30091-4.

8. Емельянова, Т.П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества / Т.П. Емельянова. – Москва : Институт психологии РАН, 2006. – 400 с. – ISBN 5-9270-0083-5.

9. Кагарлицкий, Б.Ю. Управляемая демократия: Россия, которую нам навязали / Б.Ю. Кагарлицкий. – Екатеринбург : Ультра, 2005. – 576 с. – ISBN 5-9681-0066-4.

10. Козер, Л. Функции социального конфликта / Л. Козер. – Москва : Идея-Пресс, 2000. – 295 с. – ISBN 5-7333-0019-1.
11. Лейпхарт, А. Демократия в многосоставных обществах / А. Лейпхарт ; перевод с английского Б. Макаренко. – Москва : Аспект Пресс, 1997. – 286 с. – ISBN 5-7567-0208-3.
12. Локк, Дж. Два трактата о правлении / Дж. Локк. – Москва : Социум, 2019. – 496 с. – ISBN 978-5-91603-103-0.
13. Мангейм, К. Избранное: Диагноз нашего времени / К. Мангейм. – Москва : Юрист, 1994. – 744 с. – ISBN 978-5-88415-991-4.
14. Мирошниченко, И.В. Сетевой ландшафт российской публичной политики / И.В. Мирошниченко. – Краснодар : Просвещение - Юг, 2013. – 295 с. – ISBN 978-5-93491-561-3.
15. Монтескье, Ш. О духе законов / Ш. Монтескье. – Москва : Рипол Классик, 2018 – 690 с. – ISBN 978-5-386-10459-7
16. Московичи, С. Век толп: исторический трактат по психологии масс / С. Московичи. – Москва : Академический проект, 2011. – 477 с. – ISBN 978-5-8291-1299-8.
17. Парсонс, Т. Социальная система / Т. Парсонс. – Москва : Академический проект, 2018. – 530 с. – ISBN 978-5-8291-2255-3.
18. Психология политического восприятия в современной России / Под редакцией Е.Б. Шестопал. – Москва : РОССПЭН, 2012. – 422 с. – ISBN 978-5-8243-1716-9.
19. Самаркина, И.В. Политическая картина мира : монография / И.В. Самаркина. – Краснодар : Издательство Кубанского государственного университета, 2011. – 250 с. – 1000 экз. – ISBN 978-5-8209-0789-0.
20. Смирнов, С.Д. Психология образа. Проблема активности психического отражения / С.Д. Смирнов. – Москва : Издательство Московского университета, 1985. – 231 с. – ISBN отсутствует.

21. Соловьев, А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии : учебник для студентов вузов / А.И. Соловьев. – Москва : Аспект-Пресс, 2006. – 559 с. – ISBN 5-7567-0133-8.

22. Столин, В.В. Самосознание личности / В.В. Столин. – Москва : Прогресс, 1987. – 252 с. – ISBN отсутствует.

23. Суздальцева, В.Н. Образы власти в современных российских СМИ: вербальный аспект / В.Н. Суздальцева. – Москва : Факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, 2017. – 252 с. – ISBN отсутствует.

24. Тенденции развития интернета в России : аналитический доклад / Г.И. Абдрахманова, Н.В. Бондаренко, К.О. Вишневский [и др.]. – Москва : Издательство НИУ ВШЭ, 2018. – 184 с. – ISBN отсутствует.

25. Тенденции развития интернета в России и зарубежных странах : аналитический доклад / Г.И. Абдрахманова, О.Е. Баскакова, К.О. Вишневский [и др.]. – Москва : Издательство НИУ ВШЭ, 2020. – 144 с. – ISBN 978-5-906737-66-3.

26. Тимофеева, Л.Н. Власть и оппозиция: взаимодействие, взаимоограничение, взаимоконтроль, коммуникация : монография / Л.Н. Тимофеева. – Москва : РАГС, 2004. – 241 с. – 500 экз. – ISBN отсутствует.

27. Токвиль, А. де. О демократии в Америке / А. де Токвиль ; Предисловие Г. Ласки. – Москва : Прогресс, 1992. – 559 с. – ISBN 978-5-521-06214-0.

28. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю.Хабермас. – Москва : Наука, 2000. – 380 с. – ISBN 5-02-026810-0.

29. Янов, А.Л. Русская идея. От Николая I до Путина : книга 4: 2000-2016 / А.Л. Янов. – Москва : Новый Хронограф, 2016. – 319 с. – ISBN 978-5-94881-349-3.

30. Boulding, K. Conflict and Defense: A General Theory / K. Boulding. – New York : Harper, 1962. – 349 p. – ISBN отсутствует.

31. Cairncross, F. The Death of Distance: How the Communications Revolution Will Change Our Lives / F. Cairncross. – Boston : Harvard Business School Press, 1997. – 452 p. – ISBN 978-0-875848-06-8.

32. Castells, M. The Power of Identity: The Information Age: Economy, Society and Culture / M. Castells. – Oxford : Blackwell Publishing, 2004. – 537 p. – ISBN 1405107138.

33. Howard, P. New Media Campaigns and the Managed Citizen / P. Howard. – Cambridge : Cambridge University Press, 2006. – 264 p. – ISBN 9-780-521- 847490.

34. Mannheim, K. Essays on the Sociology of Culture / K. Mannheim. – London, 1956. – 226 с. – ISBN отсутствует.

Диссертации

35. Исаков, А.И. Политическая оппозиция в современной России : специальность 22.00.05 «Политическая социология» : диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Исаков Александр Иванович ; Государственный университет им. Н.А. Некрасова. – Кострома, 2000. – 232 с. – Библиогр.: с. 205-232.

36. Никипорец-Такигава, Г.Ю. Интернетизация политического пространства на примере России : специальность 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии» : диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук / Никипорец-Такигава Галина Юрьевна ; Санкт-Петербургский государственный университет. – Москва, 2019. – 387 с. – Библиогр.: с. 279-371.

37. Пименов, Н.П. Политические коммуникации как фактор формирования общественного мнения в современной России: на примере внесистемной оппозиции : специальность 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии» : диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Пименов Никита Павлович ; Санкт-Петербургский

государственный университет. – Санкт-Петербург, 2016. – 181 с. – Библиогр.: с. 154-179.

38. Пономарев, К.Н. Политическая оппозиция как атрибут демократии : специальность 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии» : диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Пономарев Кирилл Николаевич ; Казанский государственный университет. – Казань, 2001. – 137 с. – Библиогр.: с. 134-137.

39. Тощева, А.В. Коммуникационный ресурс политической оппозиции в Российской Федерации (2000-2010-е гг.) : специальность 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии» : диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Тощева Анна Витальевна ; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – Москва, 2014. – 168 с. – Библиогр.: с. 159-168.

40. Чернокозова, М.О. Социально-психологические особенности оппозиционности в российском обществе : специальность 19.00.05 «Социальная психология» : диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Чернокозова Марина Олеговна ; Московский государственный социальный университет. – Москва, 2003. – 243 с. – Библиогр.: с. 194-209.

Авторефераты диссертаций

41. Граева, Т.Е. Представления о политической оппозиции в массовом сознании электората : специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Граева Татьяна Евгеньевна ; Московский гуманитарный университет. – Москва, 2005. – 22 с. – Библиогр.: с. 22. – Место защиты: Московский гуманитарный университет.

42. Давыденко, Д.И. Становление радикальной оппозиции в современной России : специальность 23.00.02. «Политические институты, процессы

и технологии» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук / Давыденко Денис Игоревич ; Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского. – Саратов, 2013. – 21 с. – Библиогр.: с. 20-21. – Место защиты: Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского.

43. Курбанов, А.Р. Оппозиция как субъект политического процесса: на пример России : специальность 23.00.02 «Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук / Курбанов Артемий Рустямович ; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. – Москва, 2009. – 26 с. – Библиогр.: с. 26. – Место защиты: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

44. Соколов, А.В. Сетевой политический протест в России: субъекты, тенденции и технологии : специальность 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук / Соколов Александр Владимирович ; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. – Москва, 2018. – 36 с. – Библиогр.: с. 33-34. – Место защиты: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

45. Тимофеева, Л.Н. Власть и оппозиция: конфликтно-дискурсный анализ (теория, история, методология) : специальность 23.00.01 «Теория политики, история и методология политической науки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук / Тимофеева Лидия Николаевна ; Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации. – Москва, 2005. – 57 с. – Библиогр.: с. 53-57. – Место защиты: Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации.

46. Ахременко, А.С. Логика протестных кампаний: от эмпирических данных к динамическим моделям (и обратно) / А.С. Ахременко, В.Е. Беленков, А.П.Ч. Петров // Полис. Политические исследования. – 2021. – № 3. – С. 147-165. – ISSN 1026-9487.

47. Ачкасов, В.А. Власть и русский национализм в современной России / В.А. Ачкасов // Власть и элиты. – 2018. – № 5. – С. 180-210. – ISSN 2410-9517.

48. Белоконев, С.Ю. Резонансные события и непопулярные политические решения: специфика репрезентации в пространстве Рунета / С.Ю. Белоконев, В.В. Титов, З.Р. Усманова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2019. – № 5 (153). – С. 365-381. – ISSN 2219-5467.

49. Березина, Т.Н. Пространственно-временные характеристики мысленных образов и их связь с особенностями личности / Т.Н. Березина // Психологический журнал. – 1998. – № 4. – С. 13-26. – ISSN 0205-9592.

50. Бокова, Н.Б. Поиск политико-культурных оснований образа будущего России: методы и решения / Н.Б. Бокова // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2016. – № 2. – С. 109 -111. – ISSN 0868-4871.

51. Брега, А.В. Политический риск в сетевом обществе: новая конфигурация / А.В. Брега // Социально-гуманитарные знания. – 2018. – № 3. – С. 221-229. – ISSN 0869-8120.

52. Бродовская, Е.В. Развитие методологии и методики интеллектуального поиска цифровых маркеров политических процессов в социальных медиа / Е.В. Бродовская, А.Ю. Домбровская, Д.Н. Карзубов, А.В. Синяков // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2017. – № 5 (141). – С. 79–104. – ISSN 2219-5467.

53. Бродовская, Е.В. Развитие методологии и методики интеллектуального поиска цифровых маркеров политических процессов в социальных медиа / Е.В. Бродовская, А.Ю. Домбровская, А.А. Азаров //

Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2017. – № 5 (141). – С. 79-104. – ISSN 2219-5467.

54. Бродовская, Е.В. Цифровые граждане, цифровое гражданство и цифровая гражданственность / Е.В. Бродовская // Власть. – 2019. – № 4. – С. 65-69. – ISSN 2071-5358.

55. Володенков, С.В. Одномерное общество 3.0.: от Г. Маркузе к цифровому миру XXI века / С.В. Володенков // Диалог со временем. – 2020. – № 71. – С. 49-56. – ISSN 2073-7564.

56. Володенков, С.В. Социотехническая реальность цифрового пространства современной политики: структура и особенности / С.В. Володенков, С.Н. Федорченко, Ю. Д. Артамонова // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. – 2022. – № 3. – С. 230-253. – ISSN 1818-4499.

57. Воробьев, А.А. Эффективность политической оппозиции в России: экспертные оценки / А.А. Воробьев // Известия Саратовского университета. Новая серия: Социология. Политология. – 2013. – № 1. – С. 104-108. – ISSN 1818-9601.

58. Грачев, М.Н. Концепт «разрушения правды» в условиях цифрового общества (аналитический обзор) / М.Н. Грачев, Р.В. Евстифеев // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2020. – № 2. Том 13. – С. 229-248. – ISSN 2542-0240.

59. Давыденко, Д.И. Разработка проблема несистемной оппозиции в научных исследованиях российских политологов / Д.И. Давыденко // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2012. – № 3. Том 12. – С. 105-107. – ISSN 1818-9601.

60. Давыдов, С.В. Настоящее и будущее российской оппозиционности и её политической роли в жизни государства / С.В. Давыдов // Политика и общество. – 2016. – № 9 (141). – С. 1181-1186. – ISSN 1812-8696.

61. Дарендорф, Р. Элементы теории социального конфликта / Р. Дарендорф // Социологические исследования. – 1994. – № 5. – С. 142-147. – ISSN 0132-1625.

62. Дзялошинский, И.М. Роль СМИ в формировании образа «другого» / И.М. Дзялошинский // Медиа. Информация. Коммуникация. – 2012. – № 1. – С. 8-10. – ISSN 2313-755X.

63. Домбровская, А.Ю. Структура цифровых коммуникаций политических партий РФ накануне выборов 2021 года / А.Ю. Домбровская, Е.В. Бродовская // Среднерусский вестник общественных наук. – 2021. – № 2. – С. 180-195. – ISSN 2071-2367.

64. Евгеньева, Т.В. Психологические особенности формирования оппозиционной повестки дня в сети Интернет / Т.В. Евгеньева, В.А. Губченко // Политическая наука. – 2017. – № 5. – С. 385-401. – ISSN 1998-1775.

65. Зайцев, А.В. Общественный диалог в дореволюционной России и СССР / А.В. Зайцев // Genesis: исторические исследования. – 2017. – № 8. – С. 127 -141. – ISSN 2409-868X.

66. Зверев, А.Л. Оптика восприятия современной российской политики / А.Л. Зверев, С.Ф. Ахматнурова // Вестник РГГУ. – 2015 - № 11. – С. 42 -51. – ISSN 1998-6769.

67. Исаев, Б.А. Эволюция партии власти и партии оппозиции в современной России / Б.А. Исаев // Конфликтология. – 2015. – № 4. – С. 27-34. – ISSN 1818-1198.

68. Канашина, С.В. Роль интернет-мемов в процессе политических выборов / С.В. Канашина // Политическая лингвистика. – 2018. – № 1 (67). – С. 69-73. – ISSN 1999-2629.

69. Кафтан, В.В. Концепции виртуальной и симулятивной реальности в условиях цифровой трансформации / В.В. Кафтан, Л.В. Рязанова // Власть. – 2019. – № 3. – С. 53-56. – ISSN 2071-5358.

70. Кондратьев, В. С. Несистемная оппозиция в России: основные подходы к рассмотрению политического феномена / В.С. Кондратьев // Pro Nunc. Современные политические процессы. – 2012. – № 1. – С. 17–22. – ISSN 2222-0747.

71. Коньков, А.Е. Цифровизация политических отношений: грани познания и механизмы трансформации / А.Е. Коньков // Контуры глобальных трансформаций. – 2019. – № 6. – С. 6-28. – ISSN 2542-0240.

72. Короткевич, Р.В. Политическая оппозиция / Р.В. Короткевич // Вестник Московского государственного университета леса – Лесной вестник. – 2013. – № 5. – С. 82-89. – ISSN 1727-3749.

73. Косоруков, А.А. Концепции кибергосударства и криптоанархии в теории и практике государственного управления / А.А. Косоруков // Теории и проблемы политических исследований. – 2018. – № 4. Том 7. – С. 9-19. – ISSN 2223-5442

74. Леонтьев, А.Н. Психология образа / А.Н. Леонтьев // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 1979. – № 2. – С. 3-13. – ISSN 0137-0936.

75. Лях, К.И. Ключевые подходы к исследованию феномена национализма в западной политической науке XX столетия / К.И. Лях // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные науки. – 2014. – № 3. – С. 19-28. – ISSN 2304-9758.

76. Лугуценко, Т.В. Повседневность в пространстве виртуальной культуры / Т.В. Лугуценко // Культура и цивилизация. – 2015. – № 1-2. – С. 55-60. – ISSN 2223-5426.

77. Малькевич, А.А. Использование избирательных Интернет-технологий в XXI веке: опыт. Механизмы, эволюция, перспективы развития / А.А. Малькевич // Среднерусский вестник общественных наук. – 2010. – № 2. – С. 124-131. – ISSN 2071-2367.

78. Манойло, А.В. Структура современных операций информационной войны / А.В. Манойло // Вестник Российской нации. – 2018. – № 4 (62). – С. 197-255. – ISSN 2073-7459.

79. Манойло, А.В. «Постправда» как социальное явление и политическая технология / А.В. Манойло, А.Э. Попадюк // Международная жизнь. – 2020. – № 8. – С. 102-111. – ISSN 0130-9625.

80. Матвеев, А.А. Прошлое, настоящее и будущее неинституционального подхода в политической науке / А.А. Матвеев // Управленческое консультирование. – 2021. – № 5 (149). – С. 45-62. – ISSN 1726-1139.

81. Медведев, Н. П. Несистемная оппозиция в политическом пространстве современной России / Н.П. Медведев, А.В. Борисенко // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. – 2007. – № 4. – С. 150-155. – ISSN отсутствует.

82. Меркель, В. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях / В. Меркель, А. Круассан // Полис. Политические исследования. – 2002. – № 2. – С. 20-30. – ISSN 1026-9487.

83. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон // Социологические исследования. – 1992. – № 2-4. – С. 118-124. – ISSN 0132-1625.

84. Михайленок, О.М. Власть и несистемная оппозиция как субъекты политического согласия / О.М. Михайленок, О.Г. Щенина // Власть. – 2015. – № 7. – С. 24-29. – ISSN 2071-5358.

85. Михалев, Ю.А. Роль Интернета в политике государств современного мира / Ю.А. Михалев // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2015. – № 26 (737). – С. 147-154. – ISSN 1993-4750.

86. Михельс, Р. Демократическая аристократия и аристократическая демократия / Р. Михельс // Социологические исследования. – 2000. – № 1. – С. 107-116. – ISSN 0132-1625.

87. Мусаев, И.М. Современные подходы к изучению национализма / И.М. Мусаев // Человек. Сообщество. Управление. – 2006. – № 1. – С. 36-48. – ISSN 1179-5629.

88. Мухаметов, Д.Р. Политические риски и барьеры цифровизации / Д.Р. Мухаметов // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2020. – № 4. Том 10. – С. 58-64. – ISSN 2226-7867.

89. Нестерова, С.В. Образ лидеров в массовом политическом сознании после парламентских выборов / С.В. Нестерова // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2017. – № 2. – С. 83-85. – ISSN 0868-4871.

90. О Доннел, Г. Делегативная демократия / Г. О Доннел // Пределы власти. – 1994. – № 2. – С. 52-69. – ISSN отсутствует.

91. Парма, Р.В. Протестная мобилизация граждан на цифровой платформе TikTok в ходе выборов в Государственную Думу России 2021 г. / Р.В. Парма, М.А. Давыдова, Т.Л. Кащенко // Власть. – 2022. – № 1. – С. 25-31. – ISSN 2071-5358.

92. Парма, Р.В. Теоретические основания формирования социального недовольства / Р.В. Парма // Власть. – 2023. – № 1. – С. 116-123. – ISSN 2071-5358.

93. Пищева, Т.Н. Политические образы: проблемы исследования и интерпретации / Т.Н. Пищева // Полис. Политические исследования. – 2011. – № 2. – С. 47-52. – ISSN 1026-9487.

94. Пляйс, Я.А. Что предстоит России: либеральная или консервативная модернизация? / Я.А. Пляйс // Обозреватель. – 2011. – № 7. – С. 5-19. – ISSN 2074-2975.

95. Пономарев, Н.А. Дискурсивные практики протеста против муниципальной реформы в Московской области / Н.А. Пономарев // Вестник Пермского университета. Политология. – 2017. – № 3. – С. 93-103. – ISSN 2218-1067.

96. Пономарев, Н.А. Внешняя политика России в оценках лидеров несистемной оппозиции: сравнительный анализ / Н.А. Пономарев, А.А. Майлис // Сравнительная политика. – 2018. – № 4. Том 9. – С. 108-123. – ISSN 2221-3279.

97. Попов, Д.Н. Феноменология социального образа: понятие, уровни, структура / Д.Н. Попов // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2016. – № 3 (27). – С. 36-44. – ISSN 2078-7898.

98. Проничев, В. А. Оппозиция как субъект политического процесса в Российской Федерации / В.А. Проничев // Среднерусский вестник общественных наук. – 2010. – № 3. – С. 96-99. – ISSN 2071-2367.

99. Рыжков, К.Л. Интернет-мемы как новое социально-культурное явление / К.Л. Рыжков // Человек и культура. – 2021. – № 4. – С. 143-150. – ISSN 2409-8744.

100. Сартори, Дж. Вертикальная демократия / Дж. Сартори // Полис. Политические исследования. – 1993. – № 2. – С. 64-80. – ISSN 1026-9487.

101. Сергеев, С.А. Политическая оппозиция и оппозиционность: опыт осмысления понятий / С.А. Сергеев // Социально-гуманитарные знания. – 2004. – № 3. – С. 125-137. – ISSN 0869-8120.

102. Сморгун, Л.В. Сетевые политические партии / Л.В. Сморгун // Полис. Политические исследования. – 2014. – № 4. – С. 21-37. – ISSN 1026-9487.

103. Стригунов, К.С. Фейковые новости и технологии превентивной делегитимизации выборов / К.С. Стригунов, А.В. Манойло, Ф. Го // Гражданин. Выборы. Власть. – 2022. – № 2 (24). – С. 98-109. – ISSN 2587-6449.

104. Стукал, Д.К. Аффективная политическая поляризация и язык ненависти: созданы друг для друга? / Д.К. Стукал, А.С. Ахременко, А.П.Ч. Петров // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2022. – № 3. – С. 480-498. – ISSN 2313-1438.

105. Татарина, Н.В. О понятии «имидж» и его отличии от сходных с ним понятий «образ», «репутация», «стереотип» / Н.В. Татарина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2009. – № 2 (4). – С. 252–255. – ISSN 1997-2911.

106. Тимофеева, Л.Н. Власть и оппозиция в России: проблемы политического дискурса / Л.Н. Тимофеева // Власть. – 2007. – № 4. – С. 3-9. – ISSN 2071-5358.

107. Федорченко, С.Н. Алгоритмизация власти: цифровые метаморфозы политических режимов и суверенитета / С.Н. Федорченко // Журнал политических исследований. – 2021. – № 2. Том 5. – С. 3-18. – ISSN 2587-6295.

108. Фонарев, А.В. Особенности и основные типы политического лидерства / А.В. Фонарев // Вестник Брянского государственного университета. – 2014. – № 2. – С. 392-397. – ISSN 2072-2087.

109. Челнокова, М.Л. Несистемная оппозиция в России: особенности формирования и стратегии политической активности / М.Л. Челнокова, П.С. Селезнев // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2021. – № 1. Том 11. – С. 14-19. – ISSN 2226-7867.

110. Челнокова, М.Л. Образ российской несистемной оппозиции в Рунете: технологии формирования / М.Л. Челнокова // Общество: политика, экономика, право. – 2022. – № 3 (104). – С. 25-30. – ISSN 2223-6392. – Текст : электронный. – DOI 10.24158/per.2022.3.3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-rossiyskoy-nesistemnoy-oppozitsii-v-runete-tehnologii-formirovaniya> (дата обращения: 05.06.2024).

111. Челнокова, М.Л. Российская несистемная оппозиция: особенности и логика самопрезентации в интернет-пространстве / М.Л. Челнокова // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2024. – № 1 (54). Том 13. – С. 53-60. – ISSN 2306-5702.

112. Челнокова, М.Л. Противодействие несистемной оппозиции в социальных сетях / М.Л. Челнокова // Вопросы политологии. – 2024. – № 2 (103). Том 14. – С. 540-549. – ISSN 2225-8922.

113. Шестопал, Е.Б. Проект длиною в четверть века. Исследование образов власти и лидеров в постсоветской России (1993-2018) / Е.Б. Шестопал // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 1. – С. 9-20. – ISSN 1026-9487.

114. Шомова, С.А. Развлекать и властвовать: образы российской власти и оппозиции в интернет-мемах / С.А. Шомова // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2019. – № 3. – С. 23-43. – ISSN 0320-8079.

115. Юмадилов, Р.Ф. Эволюция политического протеста: от оппозиционности к оппозиции / Р.Ф. Юмалдинов // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2013. – № 1. – С. 139 -147. – ISSN 2226-8596.

116. Almond, G. A Developmental Approach to Political Systems / G. Almond // World Politics. – 1965. – № 17 (2). – P. 183-214. – ISSN 0043-8871.

117. Blom-Hansen, J. A New Institutional Perspective on Policy Network / J. Blom-Hansen // Public Administration. – 1997. – № 4. – P. 669-693. – ISSN 0033-3298.

118. Blondel, J. Political Opposition in the Contemporary World / J. Blondel // Government and Opposition. – 1997. – № 4. – P. 462-486. – ISSN 0017-257X.

119. Grossmann, M. Party Coalitions and Interest Group Networks / M. Grossmann, C. Dominguez // American Politics Research. – 2009. – № 5. – P. 767-800. – ISSN 1532-673X.

120. Kiltz, L. Flash Mobs: The Newest Threat to Local Government / L. Kiltz // Public Management. – 2011. – № 11. – P. 6-9. – ISSN 1096-7494.

121. Lievrouw, L. Oppositional and Activist New Media: Remediation, Reconfiguration, Participation / L. Lievrouw // Proceedings of the Ninth Conference on Participatory Design: Expanding Boundaries in Design. – 2006. – Volume 1. – P. 115-124. – ISBN 978-1-4129-0261-8.

122. Meek, D. YouTube and Social Movements: A Phenomenological Analysis of Participation, Events and Cyberplace / D. Meek // Antipode. – 2012. – № 4. – P. 1429–1448. – ISSN 0066-4812.

123. Molnar, V. Reframing Public Space Through Digital Mobilization Flash Mobs and Contemporary Urban Youth Culture / V. Molnar // Space and Culture. – 2014. – № 1. – P. 43-58. – ISSN 1206-3312.

124. Schumpeter, J. On the Concept of Social Value / J. Schumpeter // Quarterly Journal of Economics. – 1908. – Volume 23. – P. 213-232. – ISSN 0033-5533.

Электронные ресурсы

125. 2010-2020: самое драматическое десятилетие Рунета // Медуза. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://meduza.io/feature/2020/01/04/2010-2020-samoe-dramaticheskoe-desyatiletie-runeta> (дата обращения: 14.06. 2023).

126. Акопов, П. Политическая реформа Путина сделает Россию сильнее / П. Акопов // Аврора. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://aurora.network/articles/10-vlast-i-obshhestvo/75801-politicheskaja-reforma-putina-sdelat-rossiju-sil-nee> (дата обращения: 27.12. 2020).

127. В Москве прошел флешмоб с зажженными фонариками Навального // РБК : сетевое издание. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/15/02/2021/60298e5c9a79477672677db6> (дата обращения: 08. 05. 2021).

128. Вести с Шиеса / «ВКонтакте» : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://vk.com/vestishies> (дата обращения: 07.01.2022).

129. ВЦИОМ объявил о победе Интернета над телевидением // URA.RU : сетевое издание. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://ura.news/news/1052498223> (дата обращения: 12.08.2023).

130. Гельман, В.Я. Трудное возрождение российской оппозиции / В.Я. Гельман // Фонд Карнеги. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://carnegie.ru/proetcontra/55687> (дата обращения: 12.02.2023).

131. Голосов, Г. О том, почему «умное голосование» - эффективная оппозиционная стратегия / Г. Голосов // Мировой кризис – хроника и комментарии. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/3689927> (дата обращения: 25.12. 2021).

132. Евгений Ройзман / «ВКонтакте» : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://vk.com/evgeniy_roizman (дата обращения: 04.12. 2022).

133. За что не любят либералов? // Росбалт : сетевое издание. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://www.rosbalt.ru/blogs/2014/12/02/1344130.html> (дата обращения: 18.05.2023).

134. «Зачем вносить новые поправки, если у нас старые не соблюдаются?» // Коммерсант. Ру : сетевое издание. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4290322> (дата обращения: 08. 07. 2022).

135. Как либерализм стал ругательством // Ведомости : сетевое издание. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/09/20/811652-liberalizm-rugatelstvom?ysclid=lh07dgnulu314426105> (дата обращения: 14.01.2022).

136. Карл Маркс и Фридрих Энгельс в нашем сердце / «ВКонтакте» : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://vk.com/club21263793> (дата обращения: 11.11.2022).

137. Корниенко, Е. Слом инстинкта: как бороться с фейками / Е. Корниенко // Известия : сетевое издание. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://iz.ru/1236585/ekaterina-korinenko/slom-instinkta-kak-borotsia-s-feikami?ysclid=lh08uwjs5f174478488> (дата обращения: 08.07.2022).

138. Кремль: перехватить инициативу в медийном поединке // Эксперт : сетевое издание. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://expert.ru/2021/02/5/kreml-perekhvatit-initsiativu-v-medijnom-poeдинke/> (дата обращения: 02.08.2021).

139. Кремль объяснил невмешательство полиции на акции с фонариками // РБК. Ру : сетевое издание. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/15/02/2021/602a542b9a7947b15550bf65> (дата обращения: 08.05.2021).

140. Леонид Волков: Идти кавалерий на танки нет смысла / BBC : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://www.bbc.com/russian/features-56005009> (дата обращения: 17.10.2021).

141. Леонид Волков: Почему Путин не отключит интернет / «ВКонтакте» : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://vk.com/wall4051048_58003 (дата обращения: 29.09.2022).

142. Линц, Х. «Государственность», национализм и демократизация / Х. Линц, А. Степан // Гражданское общество в России. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://www.civisbook.ru/files/File/1997-5-2-Linz,Stepan.pdf> (дата обращения: 14.12.2020).

143. МБХ медиа / «ВКонтакте» : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://vk.com/mbkhmedia> (дата обращения: 20.04.2022).

144. Межрегиональная группа «Стоп Шиес / «ВКонтакте» : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://vk.com/stopshies.coalition> (дата обращения: 19.10.2022).

145. Мы ненавидим президента России Владимира Путина / «ВКонтакте» : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://vk.com/club129984253> (дата обращения 12.03.2022).

146. Мы против свалки на Шиесе / «ВКонтакте» : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://vk.com/great_food (дата обращения: 20.04.2023).

147. Николай Рыбаков: Тактика умного голосования чрезвычайно вредна для нашей страны // Эксперт : сетевое издание. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://theins.ru/opinions/grigorii-golosov/234971> (дата обращения: 01.02.2022).

148. Новая протестная волна: мифы и реальность / Фонд развития гражданского общества : сайт. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <http://civilfund.ru/mat/view/37> (дата обращения: 12.12.2022).

149. Об оппозиции – системной и не только (интервью ТАСС) / Президент Российской Федерации : официальный сайт. 17.03.2020. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62997> (дата обращения: 29.11.2020).

150. Орлов, Д. Как локальный протест в России обретает новое качество / Д. Орлов, А. Соловатова // РБК. Ру : сетевое издание. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2018/04/09/5ac72fd59a79470651f0c009> (дата обращения: 08.05.2022).

151. Падение в пропасть. Плохие прогнозы для Путина и всей России // Свобода. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://www.svoboda.org/a/31150423.html> (дата обращения: 27.12.2022).

152. Пандемия коронавируса изменила общественные настроения россиян // Ведомости : сетевое издание. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/12/28/852833-pandemiya-koronavirusa> (дата обращения: 14.07.2023).

153. Платова, Г. Давит Мурга. Не утихают скандалы вокруг «подвигов» единороссов / Г. Платова // Без формата. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://cherkesk.bezformata.com/listnews/edinorossov-no-samaya-zahvativayushaya-intriga/92653897/> (дата обращения: 29.11.2022).

154. Подводные камни «умного голосования» // Свободная пресса. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://svpressa.ru/politic/article/242547/> (дата обращения 24.11.2022).

155. Прибыловский, В. «Что такое «управляемая демократия»: концепция, история, российский опыт / В. Прибыловский // Сова-центр. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://www.sova-center.ru/democrasy/publications/2005/03/d3986> (дата обращения: 18.01.2023).

156. Протест-2021: структура, базовые тренды, прогноз. Рейтинг влияния деятельности корпораций на эскалацию протестных настроений : аналитический доклад // Агентство политических и экономических коммуникаций (АПЭК). – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: http://www.apecom.ru/projects/item.php?SECTION_ID=91&ELEMENT_ID=7579 (дата обращения: 18.09.2022).

157. Путин: несистемная оппозиция нужна государству и не является его врагом / Бизнес FM : сайт. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://www.bfm.ru/news/439073> (дата обращения: 18.11. 2022).

158. Путин: несистемная оппозиция нужна, потому что улучшает жизнь в стране / ТАСС : сайт. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://tass.ru/politika/7885349> (дата обращения: 18.11. 2022).

159. РосПил – Война коррупции – Алексей Навальный. / «ВКонтакте» : сайт. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://vk.com/gospil> (дата обращения: 20.04. 2023).

160. Росстат оценил масштаб снижения реальных располагаемых доходов россиян // РБК. Ру : сетевое издание. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://www.rbc.ru/economics/28/01/2021/60129a749a7947cf1ca85d53> (дата обращения: 16.07.2021).

161. Сальников, В. Риски цифровизации: от этики до суверенитета / В. Сальников // Ведомости. Ру : сетевое издание. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/08/16/836809-riski-tsifrovizatsii> (дата обращения: 20.05.2022).

162. Гуриев, С. Информационные автократии / С. Гуриев / You Tube : сайт. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vZGVQSEPBvQ> (дата обращения: 29.06.2021).

163. Сергей Удальцов / «ВКонтакте» : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://vk.com/s_udaltsov (дата обращения: 20.04. 2021).

164. Советский союз в нашем сердце / «ВКонтакте» : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://vk.com/wall-14407777?q=%D1> (дата обращения: 26.12.2022).

165. Спутник и Погром / «ВКонтакте» : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://vk.com/sputnikipogrom> (дата обращения: 20.04. 2022).

166. Становая, Т. Как всего за один год политический режим в России стал страшнее – и бессмысленнее / Т. Становая // Медуза. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://meduza.io/feature/2021/06/08/kak-za-god-politicheskiy-rezhim-v-rossii-stal-strashnee-i-bessmyslennее> (дата обращения: 10.08.2022).

167. СТОП Шиес / «ВКонтакте» : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://vk.com/club182195780> (дата обращения: 18.11.2021).

168. Сторонники действующей власти в Рунете: Рунет как зеркало политических и национальных проблем в России // Протестант. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <http://www.gazetaprotestant.ru/2012/12/storonniki-dejstvuyushhej-vlasti-v-runete-runet-kak-zerkalo-politicheskix-i-nacionalnyx-problem-rossii/> дата обращения: 17.05.2021).

169. Сысоев, Т. Как накручивают интернет-протест в России / Т. Сысоев // Эксперт : сетевое издание. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://expert.ru/expert/2021/06/kak-nakruchivayut-internet-protest-v-rossii/> (дата обращения: 14.06.2022).

170. Умное голосование : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://votesmart.appspot.com> (дата обращения: 29.12.2021).

171. Халдей, А. Что показали московские протесты оппозиции / А. Халдей // REX : сетевое издание. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://iarex.ru/articles/68877.html> (дата обращения: 14.04.2022).

172. Что нужно знать об умном голосовании // Росбалт : сетевое издание.
– Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL:
<https://www.rosbalt.ru/piter/2019/09/05/1800843.html> (дата обращения:
18.04.2023).

Приложение А
(информационное)

Экспертный опрос
«Специфика деятельности российской несистемной оппозиции и ее образ
в социальных медиа Рунета»

1. Как бы Вы определили понятие «несистемная оппозиция» применительно к реалиям современной России? Какие основные сегменты несистемной оппозиции существуют в российском обществе?

2. Назовите основных лидеров российской несистемной оппозиции? Кто из них, на Ваш взгляд, обладает наибольшим политическим потенциалом в среднесрочной (2021-2022 гг.) и долгосрочной (до 2025 г.) перспективе?

3. Какие методы использует российская несистемная оппозиция в борьбе с действующей властью? Насколько они эффективны? Насколько «повестка дня», предлагаемая различными акторами несистемной оппозиции, адекватна текущей ситуации и запросам российского общества? (Если не адекватна, что в ней следует изменить?)

4. Допускает ли российская несистемная оппозиция какие-либо серьезные ошибки в борьбе с властью? Какие политические ошибки действующей власти российская несистемная оппозиция может использовать? Каковы перспективы российской несистемной оппозиции в целом?

5. Какие основные сегменты российской несистемной оппозиции наиболее ярко представлены в Рунете? Насколько удачно они используют возможности интернет-коммуникации для собственного позиционирования?

6. Как бы вы охарактеризовали образ несистемной оппозиции, сложившейся в пространстве Рунета в целом? Каковы его основные черты и особенности? Под влиянием каких факторов он формируется?

7. Как бы вы охарактеризовали:

- образ либеральной оппозиции в Рунете?

- образ левой оппозиции в Рунете?

- образ правой (националистической) оппозиции в Рунете?

В чем состоят основные различия в позиционировании либеральной, левой и националистической оппозиции в России?

8. Кто из лидеров несистемной оппозиции наиболее эффективно использует возможности интернет-коммуникации (назовите 3-4 фамилии)?

9. Какие основные интернет-технологии применяет несистемная оппозиция в борьбе с действующей властью? Насколько успешно? Какие из них являются наиболее перспективными? Какие представляются недостаточно эффективными или устаревшими?

10. Какие социальные медиа являются наиболее значимыми в деятельности несистемной оппозиции? Почему Вы так считаете? Как бы Вы оценили роль YouTube? Какую роль играют мессенджеры (WhatsApp, Telegram) в координации действий несистемной оппозиции?

11. Оцените по 10-бальной шкале востребованность следующих социальных медиа в деятельности несистемной оппозиции (10 – крайне востребовано; 1 – абсолютно не востребовано, не используется):

1. Facebook
2. Twitter
3. Tik Tok
4. Instagram
5. Вконтакте
6. Одноклассники
7. Telegram

12. Охарактеризуйте специфику политического протеста в современной России? Как он изменился за последние десять лет? В чем, на Ваш взгляд, состоит отличие сегодняшних протестов от «болотных» выступлений 2011-2012 гг. (назовите 3-4 основных различия)? Какие социальные сегменты российского общества, по Вашему мнению, являются наиболее протестными? На Ваш взгляд, в каких российских регионах накоплен наибольший потенциал протеста (назовите 3-4 субъекта Российской Федерации)?

13. Как проявляется «несистемный» протест в Рунете? Какие форматы и / или технологии использует несистемная оппозиция для мобилизации протестующих? Чтобы вывести людей на улицу? В онлайн-среде?

14. Насколько меры власти по противодействию несистемной оппозиции в Рунете (законы «о мессенджерах» и «анонимайзерах», попытка блокировки Telegram, о «суверенном интернете», о «фейках») представляются эффективными? Будет ли происходить дальнейшее ужесточение законодательства, регулирующего политическую активность в Рунете? Какие меры, на Ваш взгляд, может предпринять власть для более эффективного противодействия несистемной оппозиции в интернет-пространстве в дальнейшем?

Приложение Б
(информационное)

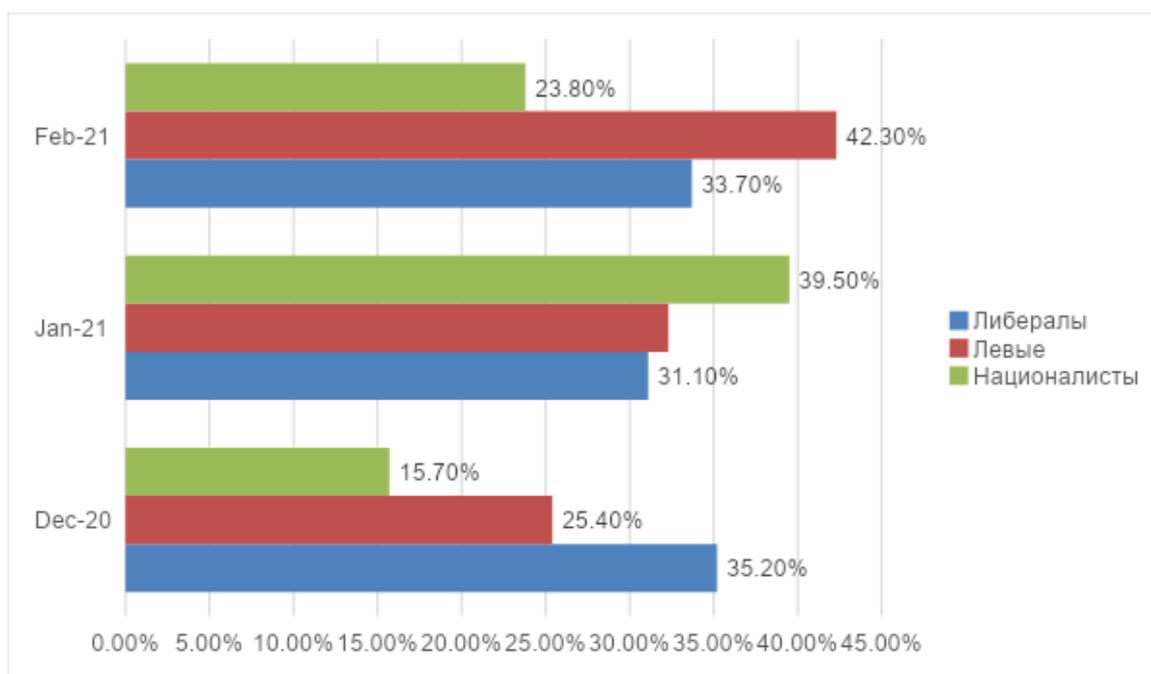
Пример семантического ядра поискового запроса для автоматизированного мониторинга социальных медиа по теме «Российская несистемная оппозиция»

Кооператив Озеро» «друзья Путина» «Юрий Ковальчук» Ковальчуки Ротенберг Тимченко Ролдугин «путинские шестерки» национал-предатели буржуи буржуины Бастрыкин Чайка Медведев ватники вата кузьмичи Навальный Волков Соболь Албуров Ярмыш ФБК «Фонд борьбы с коррупцией» Яшин Ходорковский Шендерович Чичваркин Гудков Варламов Каспаров Собчак Шульман Ройзман «Сергей Бойко» «Михаил Светов» «Егор Жуков» Мальцев Делягин «Владислав Жуковский» «Клим Жуков» «Реми Майснер» Удальцов Шевченко Кагарлицкий «Николай Бондаренко» Платошкин Левченко Грудинин «марксистские кружки» «Юрий Мухин» Несмиян «Борис Миронов» «Андрей Рудой» «Вестник Бури» «Максим Калашников» Шлоссберг Потапенко Кашин Фургал Милов Ляскин Низовцев Тесак Марцинкевич Демушкин Холмогоров Крылов Просвирнин Стрелков Гиркин Квачков Сулакшин навальнисты навальнята либералы либерасты либерда левые леваки «Левый фронт» марксисты коммунисты тру-коммунисты коммуняки комми националисты правяки тру-правые офники фанатъе фанаты околофутбол хачи чурки чуреки мигранты гастеры гастарбайтеры «дворец Путина» «дворец в Геленджике» «История самой большой взятки» «расследование Bellingcat» коррупция «Любовь сильнее страха» Ленин Сталин Голунов «дело Сети» «Новое величие» «недопуск врачей» «возвращение в Россию» отравление «свободу всем политическим заключенным» «смена власти в России» антинародный «социальная справедливость» «классовая борьба» «грабят народ уже тридцать лет» «права русских» «ущемление русских» «за счет русских» «Россия для русских» «Я русский» авторитаризм некомпетентность бездари моль «завклуба в Дрездене» «случайный президент» «случайный человек» «282 запрещает быть русским» «жулики и воры» попытки нападения «Россия – не Бантустан».

Приложение В (информационное)

Характеристики информационных потоков, генерируемых несистемной оппозицией в социальных медиа Рунета

Необходимо отметить, что динамика публикационной активности представителей либерального сегмента оппозиции в целом соответствовала общим трендам. В то время как среди националистов было зафиксирована четко выраженная диспропорция в репрезентации сообщений: при относительно невысоком уровне политической коммуникации в декабре и феврале правые пользователи продемонстрировали аномально высокую активность в январе. В то же время активность левых оппозиционеров характеризует устойчивый прирост объема публикаций от месяца к месяцу, что отражено на рисунке В.1.

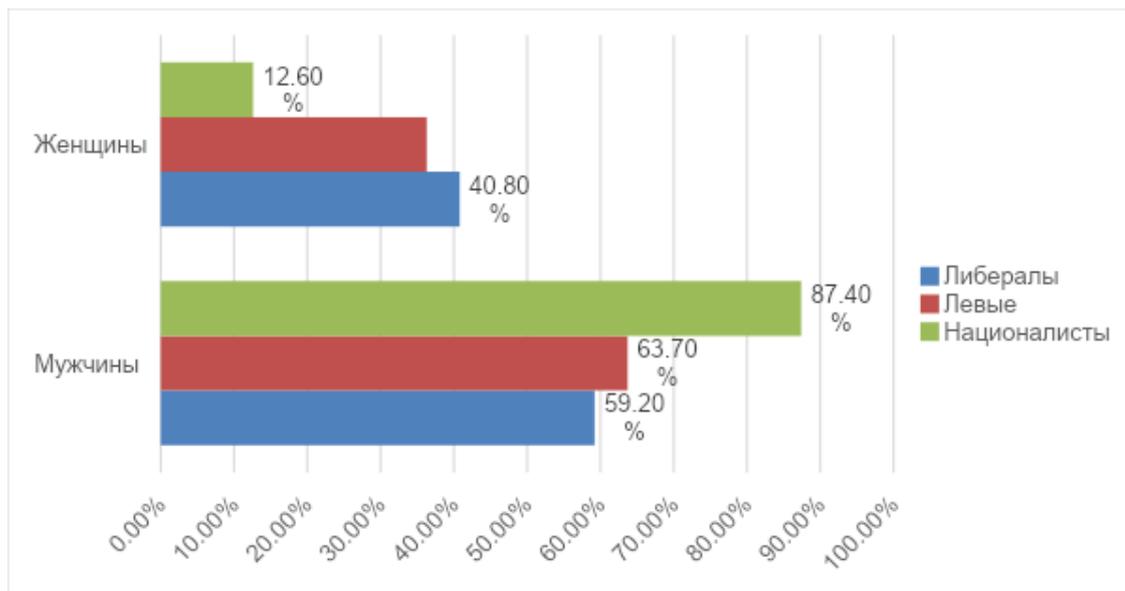
Источник: составлено автором на основе автоматизированного мониторинга социальных медиа.

Рисунок В.1 – Распределение сообщений по месяцам в разрезе политической сегментации несистемной оппозиции (декабрь 2020 г. – февраль 2021 г.)

Углубленное изучение характеристик информационных потоков потребовало использования такого исследовательского приема, как формирование выборки. Последнее было обусловлено тем, что ограниченность функционала киберметрических инструментов не позволяло в автоматизированном режиме проанализировать генеральную совокупность с точки зрения ряда важных критериев оценки.

В рамках общей совокупности сообщений были отобраны 400 публикаций с наибольшим уровнем социальной вовлеченности пользователей. Данный показатель определялся как сумма лайков, репостов и комментариев к записи.

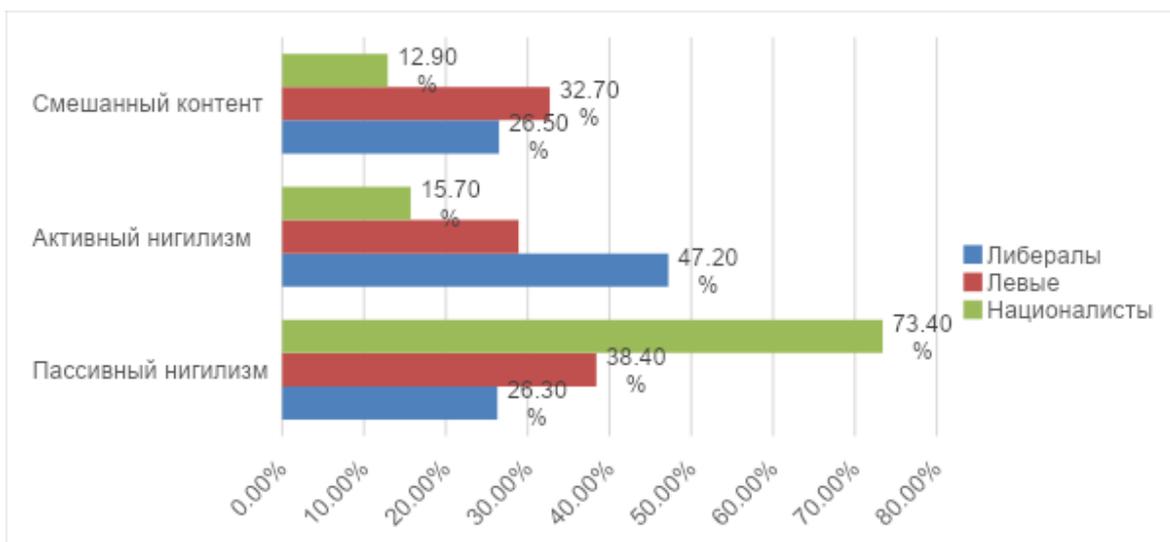
Изучение выборки позволило установить, что в либеральном и левом сегментах гендерная репрезентация создателей контента в целом относительно равновесна, в то время как среди авторов наиболее популярных националистических аккаунтов наблюдается выраженная диспропорция по половому признаку (доля мужчин составляет более 87%). Данное распределение показано на рисунке В.2.

Источник: составлено автором на основе автоматизированного мониторинга социальных медиа.

Рисунок В.2 – Распределение авторов контента по половому признаку в разрезе политической сегментации несистемной оппозиции (декабрь 2020 г. – февраль 2021 г.)

Высокий уровень условной маскулинности националистического сегмента выборки, впрочем, не конвертировался в высокий уровень активного нигилизма. Напротив, именно среди этого сегмента оппозиции реже всего встречались публикации с маркерами, отображающими призывы к активным агрессивным действиям против властей. Наибольшая доля сообщений, идентифицируемых как проявление активного нигилизма, была зафиксирована именно среди пользователей либеральных взглядов. Указанное распределение иллюстрирует рисунок В.3.

Источник: составлено автором на основе автоматизированного мониторинга социальных медиа.

Рисунок В.3 – Распределение пассивного и активного нигилизма внутри выборки в разрезе политической сегментации несистемной оппозиции

Приложение Г
(информационное)

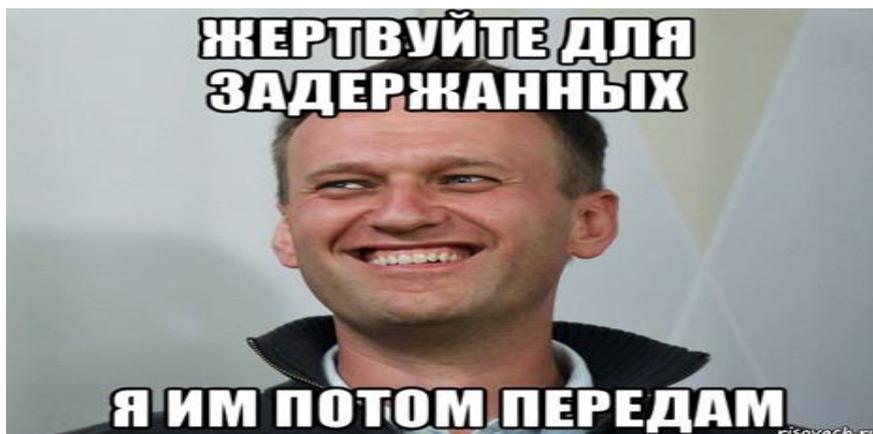
Визуальные репрезентации технологий деятельности несистемной оппозиции
в социальных медиа Рунета

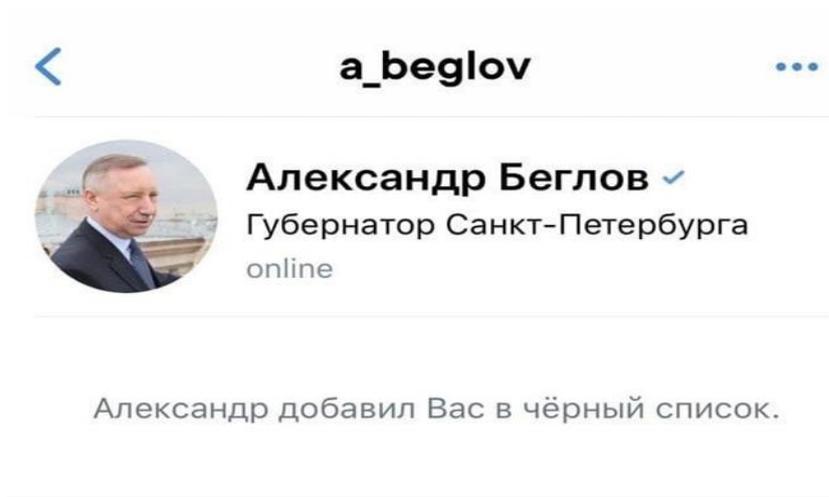
Источник: страница Е. Ройзмана в социальной сети «Вконтакте».
Рисунок Г.1 -- Пример «очеловечивания» одного из лидеров либеральной несистемной оппозиции Е. Ройзмана через погружение в бытовой контекст

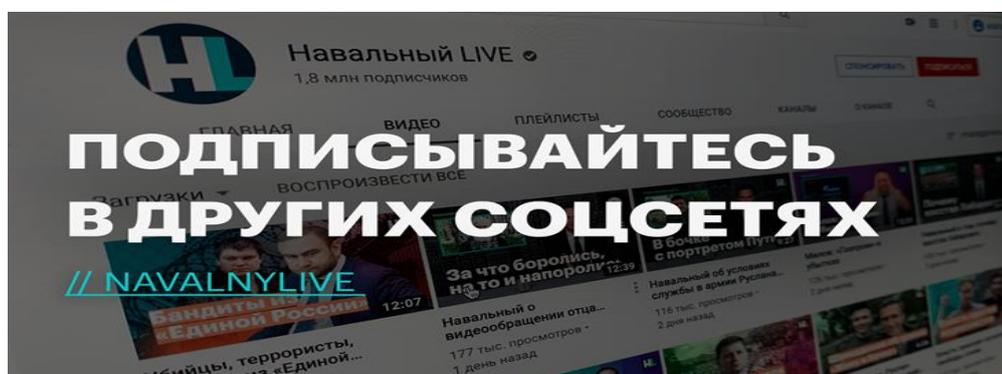
Источник: социальная сеть «Вконтакте».
Рисунок Г.2 – Пример дегуманизации образа Д.А. Медведева через приписывание ему жестокости

Источник: социальная сеть «ВКонтакте».
Рисунок Г.3 – Иллюстрация сомнений в честности А. Навального, выражаемых интернет-пользователями

Источник: социальная сеть «ВКонтакте».
Рисунок Г.4 – Пример целенаправленной дискредитации А. Беглова через негативную атрибуцию

Источник: социальная сеть «ВКонтакте».
Рисунок Г.5 – Пример переориентации участников сообщества «Навальный Live» «ВКонтакте» на другие интернет-платформы

Источник: социальная сеть «ВКонтакте».
 Рисунок Г.6 – Мультиплицирование ситуации вокруг Шиеса интернет-ресурсом «МБХмедиа»

Источник: социальная сеть «ВКонтакте».
 Рисунок Г.7 – Скептическое отношение к оппозиционным «расследованиям» со стороны интернет-пользователей